

**Собрание слов. Том II
митрополит Сергей (Ляпидевский)**

Том I

Отделение III. Слова на дни святых

1. Слово в день святого Архистратига Михаила

МОЛИТВА О ПОМОЩИ АНГЕЛОВ НА БРАНИ

И ныне, Владыко сильный на небесех, посли ангела Твоею благого пред нами, в страх и трепет им. Макк. 15:23.

По обстоятельствам бранного времени мы ежедневно Господу молимся о сражающихся наших воинах: «Посли ангела Твоего, укрепляюща их».

В день архистратига Михаила и прочих Сил бесплотных прилично напомнить, на чем основана эта церковная молитва, и чем должны мы сопровождать ее.

Ангелы суть **служебные духи** (Евр. 1:14), **слуги** Господа Вседержителя, **творящие волю Его** (Пс. 102:21). Они не только провозвестники милостей Его, но и исполнители судов Его. Они защищают обидимых, помогают поборникам веры и правды, и по мановению Божию, карают обидящих; для богобоязненных ангелы – их хранители, для нечестивых они иногда и губители. **Ополчится ангел Господень окрест боящихся Его** (Пс. 33: 8). «Как городские стены, изъясняет святой Василий Великий¹, вокруг облегая город, отовсюду отражают вражеские нападения; так и ангел служит стеною спереди, охраняет сзади, и с обеих сторон ничего не оставляет не прикрытым. Посему **падет от страны твоя тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приблизится** (Пс. 90:9) удар кого-либо из врагов; яко ангелом своим заповест о тебе сохранить тя» (ст. 12). Псалмопевец и царь Давид, в борьбе со врагами, не полагаясь на свои силы, возвергал надежду на Господа: «Побори борющихся со мною, и восстань на помощь мне. Да будут они, как прах пред лицом ветра, и ангел Господень да прогоняет их. Да будет путь их темен и скользок, и ангел Господень да преследует их» (Пс. 34:1, 2, 5, 6). Неоднократно являлись ангелы на защиту Божия народа и на погубление врагов его. Ангел поразил некогда первенцев египетских по повелению Божию за то, что притеснители египтяне не хотели освободить из рабства и отпустить евреев. Во дни благочестивого царя Езекии сделал нашествие на иудеев Сennaхирим, царь ассирийский. «И воззвали они ко Господу милосердому, простерши к Нему руки свои. И Святы́й скоро услышал их с неба». **Порази полки ассирийские и сокруши я ангел Его** (Сир. 48:22–24. 4Цар. 19:35). Сие чудесное событие служило и впоследствии ободрением для иудеев, ополчавшихся против врагов веры и отечества. Подступил к Иерусалиму сирийский военачальник Никанор; с

богохульством и превозношением уже он думал одержать всеобщую победу над иудеями. Их вождь Иуда Маккавей убеждал своих сподвижников не страшиться врага, вспоминал им прежде бывшие опыты помощи свыше, и, видя наступление многочисленного войска, простер руки свои к небу и воззвал: «Ты, Господи, при Езекии, царе иудейском, послал ангела, и он поразил из полка Сеннахиримова сто восемьдесят пять тысяч. И ныне, Господи небес, пошли доброго ангела на страх и трепет врагам». Началась битва. Не много было воинов у Иуды; но, руками сражаясь, а сердцем молясь Богу, они избили не менее тридцати пяти тысяч, и сам неприятельский полководец найден мертвым после дела. Тогда все, обращаясь к небу, прославляли Господа: «Благословен сохранивший неоскверненным место Свое» (2 Макк. 15:6–34).

Господь **той же и во веки** (Евр. 13:8). Воспомяв милости Его древние, и на сем воспоминании утверждаясь, мы просим нашим воинам ангела, укрепляющего их в их святом подвиге, и в песнопении на стоящего праздника взываем к архистратигу Гавриилу: «Сокруши свирепства агарянская, на стадо твое часто находящая, молитвенниче о душах наших»².

Благодарение Господу! Ангел победы уже неоднократно был посылаем нашим воинам. Но если мы продолжаем молиться о его ниспослании, то продолжение молитвы о сем возбуждается мыслью, или опасением, что он может не быть послан. И действительно, надлежит нам **смиряться под крепкую руку Божию** (1Петр. 5:6); ибо послать, или не послать зависит от Господа, и **кто советник Ему бысть** (Римл. 11:34)? Молился некогда пред престолом Всевышнего архангел Гавриил об избавлении иудеев от ига персидского; но явившись пророку Даниилу, молившемуся о том же, сам ему засвидетельствовал, что встретил препятствие к успеху ходатайства (Дан. 10:3 и след.). Остережемся испытывать то, что сокрыто от нас в неизследимых путях провидения Божия. Постараемся только, чтоб дела наши соответствовали молитве нашей. Да будут забыты нами взаимные распри и неудовольствия, когда идет дело о чести и славе отечества. Да не оставим в потребностях жизненных своим участием тех, оружие которых у Господа просим ангела споспешника. Нужды и лишения на бранных полях умножают больных; самая победоносная битва не бывает без убитых и раненых в рядах победителей. Наша забота об облегчении участи болящих воинов, трудом ли для них и хождением за ними, или пожертвованиями; наш долг простирать наше сострадание и к семействам убиенных.

Безропотно неся тягости войны, будем усердно взывать к бесплотным

Силам и о даровании достославного и твердого мира: «Браней крамолы, ангелы и архангелы, вашими разрешите к Богу присными мольбами, и нас в мире соблюдайте»³. Аминь.

2. Слово в день пророка Илии

Ревнуя поревновать по Господе Боже Вседержителе. 3Цар. 19:10.

Сие сказал пророк Илия о своей ревности, одушевленный которою, он был сам, **яко огонь**, и от которой слово его горело, **как свеща** (Сир. 43:6). Пламенный этот ревнитель вразумлял нечестивых иудеев бездождем и голодом, умертвил жрецов ваала, низводил с неба огонь на богохульников.

Но когда сей ревности Илииною помыслили подражать апостолы Иаков и Иоанн, и относительно самарян, не принявших Спасителя, сказали Ему: **хощеши ли, речем, да огонь снидет с небесе, и потребит их, якоже Илия сотвори; то Он запрети има, и рече: не веста, коего духа еста вы** (Лук. 9:54).

Почему же Спаситель им это запретил, и каким духом ныне должны быть одушевлены ревнители веры?

Дух ветхого закона был дух строгого суда, и Сам Христос открыл иудеям, что некоторые тяжелые заповеди даны были им по их жестокосердию. Сим заповедям ревность пророка Илии верно соответствовала. Он умертвил жрецов вааловых; потому что так повелел Господь поступать с беззаконниками, совращавшими евреев в идолопоклонство. Он пожег бесстыдных воинов, пришедших звать его к царю, и смеявшихся над тем, что он есть Божий человек; наказание это служило предостережением другим богохульникам, и подтверждением для всех, что он есть Божий человек.

Так проявлявшуюся строгость ветхого закона смягчил дух любви и благодати, по пришествии Спасителя. Сам Он говорил, что ревность о доме Божиим Его снедала; однакоже торжников, оскорблявших святыню храма, не предал смерти, а только изгнал оттуда. Причину Своего долготерпения к заблуждающим и грешным, Он Сам объяснил Иакову и Иоанну, воспретив наказывать самарян: Сын человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти. Не приидох, говорит еще, да сужду миру, но да спасу мир (Иоан. 12:47); время спасения настало.

Не трудно посему заключить, что ревность христианская, хотя и пламенная, должна быть кроткая. Велик тот ревнитель веры, который возмог бы действовать «в духе и силе Илии», чтобы «возвратить непокоривым образ мыслей праведников» (Лук. 1:17). Но всякий да умягчает силу ревности своею кротостью и тихостью Христовою, по которой апостолы были тихи не только среди своих учеников, но и пред лицом своих противников. Истинная ревность не ужасает, ни грозит, но

умоляет и преклоняет; ее чистый огонь не сжигает, а согревает охладевшие в вере и правде сердца.

Похвально ревновать всегда в добром. Но и ревность, по предмету добрая, должна быть благоразумная; почему и поставляется иным в упрек, что они **ревность Божию имут, но не по разуму**. Сюда относятся все те, которые хотя по-видимому о славе Божией ревнуют, о правильности и благолепии богослужения, о беспорочности общественных деятелей, но по своей неумеренности, запальчивости, односторонности убеждений, не достигают доброй цели, и даже наносят иногда вред и расстройство. Хорошо, например, ревновать о сохранении церковной древности. Но если кто, простирая свою ревность и на то, что безразлично для спасения души, или древность чего сомнительна, порицает, гнушается, отвращается всех, рассуждающих иначе, тот погрешает против евангельской кротости. Частнее укажем на перстосложение. Не запрещено рассуждать о том, что правильнее и древнее, – три ли перста слагать для крестного знамения, или два. Но если держащиеся двоеперстия ненавидят троеперстников и злословят, то они уже ревнуют не по разуму, и не безвинны пред Богом. Нужно ревность соединять с терпением, хотя бы она относилась к самым чистым и несомнительным предметам. Господь среди пшеницы позволил плевелам расти до жатвы. Так и православная церковь терпит заблуждающих не только по жизни, но и в суждениях о священной обрядности. Апостол Павел, возбуждая ревность Солунян, чтобы вразумляли бесчинных, заповедует: **долготерпите ко всем (1Сол. 5:14)**. Аминь.

3. Слово в день рождения Иоанна Крестителя

ОБЕТ ВОЗДЕРЖАНИЯ ОТ ОПЬЯНЯЮЩИХ НАПИТКОВ

Будет бо великий пред Господом; и вина и сикера не имать пити. Лук. 1:15.

Это предсказал ангел об Иоанне Крестителе, рождение которого мы нынешний день празднуем.

Он действительно был таков; ибо рождение его сопровождалось чудесами, и жизнь – великими делами; его проповедь сходились слушать все из дальних мест; он сподобился быть Предтече и Крестителем Господним, и умер, «за истину пострадав радуясь»⁴. Сам Господь засвидетельствовал, что **не воста в рожденных женами болий Иоанна** (Мф. 2:11).

После сего представляется удивительным, почему ангел, предвозвещая о величии Иоанна Крестителя, упомянул и о том, по видимому, не великой важности обстоятельстве, что он не будет пить вина. Ибо не мало было и есть людей не пьющих. Ангел чрез это хотел предуказать на то, что Иоанн Креститель будет принадлежать к обществу Назореев, которые по обету воздерживались как от виноградного вина, так и от всякого, опьяняющего и вообще именуемого **сикерою**, напитка.

Обет воздержания от опьяняющих напитков, чтимый издревле, имеет и ныне свое полезное и священное значение.

Нет надобности разъяснять, как пагубна страсть к вину; ее разрушительные следы видны, к сожалению, повсюду. Сколько несчастных, которые вином расстроили свое здоровье и довели себя до преждевременной смерти? Сколько семейств, в которых вино поселило и поддерживает раздор между супругами, между родителями и детьми? Сколько страшных преступлений, которых пособляющею причиною было опьянение преступников? Издревле замечено, что «вино погубило многих» (Сир. 31:29), что оно «доводит и мудрых до падения» (19:2). «Не смотри на вино», – предостерегает Премудрый, – «оно ужалит, как аспид» (Притч. 23:32). «Вино глумливо, сикера буйна; всякий, увлекающийся ими, не разумен» (20:1). А между тем опасности сего увлечения не так легко избежать, как думают; от нее не избавляет ни образованность, ни возраст. Бывали примеры, что не пившие в молодости поработались этой страсти в старости. Так как **вино веселит сердце человека** (Пс. 103:15); то за первыми опытами возбуждения, которое от него получается, скоро является привычка к постоянному употреблению его. Таким образом, что

первоначально принимаемо было, как средство против уныния и скуки, делается источником расстройств душевного и телесного.

Чтобы предохранить себя от увлечения вином, некоторые дают обет совсем не пить его. Если бы более было таких воздержников, то конечно, уменьшался бы вред, который происходит от народной не трезвости; и мы видим, как процветают селения, которых жители – люди воздержные. Но кроме пользы обет этот имеет и цену пред Богом; ибо, в сущности, он есть принятие заповеди Христовой и апостольской. **Внемлите себе, заповедовал Спаситель, да не когда сердца ваша отягчают объядением и пьянством** (Лк. 21:34). **Не упивайтесь вином**, предостерегает всех христиан апостол (Еф. 5:18). В ветхом завете воспоминается о сынах Рехавитских, Богом благословенных за то, между прочим, что они во всю жизнь не пили вина (Иер. 35:6–10). Как другими подвигами, так и **постом** можно **служит Богу** (Лук. 2:37). По уставу же церковному, пост состоит не только в воздержании от утучняющих брашен, но и в удалении от питания, производящего раздражение в телесном составе.

Открываются ныне братства, или общества трезвости, члены которых дают обещание и сами не пить вина, и других своими советами отклонить от винопития. Почтенно такое общество, если оно учреждается не насильственно, не с помощью настояний со стороны лиц влиятельных; если всякий член, входящий в состав его, решается на сие не по чьему-либо приказанию, а по своему свободному произволению. Ибо то только твердо, что не принужденно; где нет свободы, там нет и заслуги. **Аще что доброе волею творю, мзду имам** (1Кор. 9:17). Всякий общник трезвости должен помнить, что дает обет Богу и пред Ним отвечает. **Иже аще обещает обет Господу, да не осквернит словесе своего, и вся, елика изыдут из уст его, да сотворит** (Числ. 30:3). В обществе трезвости неуместны угрозы и внешние взыскания за ее нарушение. Кто дал обет воздержания, исполняй его: «ибо Господь Бог твой възыщет с тебя, и на тебе будет грех» (Втор. 23:23).

Но все, и не связанные обетом, должны остерегаться вина. Не много тех случаев, когда нужно оно для здоровья (1Тим. 5:23); в малом количестве для иных оно полезно, для других – безразлично, а в излишестве для всех весьма вредно. Большое заблуждение думать, будто оно возбуждает умственную деятельность. В нетрезвой голове не будет чистого ума. Святой Григорий Богослов, сравнивая воду с вином, замечает: «Вода – прекрасный напиток, она не нарушает ясности мыслей, а выпитая чаша вина мутит ум»⁵. Посему будем внимательны к себе, и всегда трезвенны телом и духом. Аминь.

4. Слово в день усекновения главы Иоанна Крестителя

МОЛИТВА ЗА УБИЕННЫХ ВОИНОВ

Ктому взириюще, яко во благочестии усопшим изряднейшая угошовася благодать. 2 Макк. 12:45

Ныне воспоминается усекновение главы Иоанна Крестителя и совершается поминовение православных воинов, на брани убиенных. Это нынешнее поминовение учреждено потому, что «сей день в рассуждении пострадавшего за истину Предтечи Господня есть приличный, дабы в оный всеобщую Богу молитву принести и о подобно пострадавших и положивших живот свой за веру и отечество»⁶. Какое же мы имеем уверение, что молитва церковная за убиенных воинов, ныне и присно приносимая, им полезна?

Во дни Маккавеев, когда народ иудейский сражался с иноплеменными врагами за свободу своей веры и отчизны, после одной успешной битвы победители стали собирать тела падших, чтобы похоронить их в гробницах отеческих. К удивлению, под одеждою этих правоверных воинов, нашлись идолослужебные вещи, которыми они как добычею хотели воспользоваться, но которые брать себе закон евреям запрещал (Втор. 7:25). Все обратились к молитве о прощении умершим сего преступления; а военачальник, Иуда Маккавей, собрал до двух тысяч драхм серебра и послал в Иерусалим, чтобы за грех принесена была там жертва. Случай этот ясно показывает, что молиться за убиенных на брани воинов есть дело достохвальное и для них полезное. **Аще бо падшим востати не чаял бы**, пишется об Иуде, **излишно было бы и все о мертвых молиться**. Но он, как замечено далее, имел еще святую и глубокую мысль; он помышлял, что «скончавшимся во благочестии уготована превосходная награда; посему принес за умерших умилолюбительную жертву, да разрешатся от греха». Верование древнее и истинное, что за дела благочестия ожидает награда на небесах; а смерть за веру и отечество также издревле и справедливо почиталась высоким подвигом благочестия. Так смотрел и Маккавей на заслугу своих воинов, убитых в сражении. поелику же они омрачили свой подвиг тем, что взяли вещи, которые посвящены были идолам, то доблестный их военачальник употребил внушенные ему верою средства, чтоб их грех не воспрепятствовал их вечному изданию.

Как велик подвиг православных воинов, полагающих душу за свое отечество, это изъясняется и учением Спасителя. По Его слову (Ин. 15:13),

нет больше любви, как если кто душу свою положит за братьев своих. Что мы делаем доброго для ближних, то Христос приемлет Сам, как бы мы Ему послужили (Мф. 25:40), и наградит каждого по мере его самоотвержения. Не потеряет мзды своей даже и тот христианин, который даст воды жаждущему единоверцу (Мф. 10:42). Уготовано царство небесное тому, кто питает алчущих, посещает больных и другие подобные дела благодеяния ближним. Посему можно судить, как пред Богом многоценен подвиг воина, который не чашу только воды подает жаждущему сподвижнику, а свою кровь за единоверных братьев проливает, кто не раненых посещает, а сам от ран смертельных умирает, защищая веру православную и честь отечества. Итак, достойно смерть на поле брани приравнивается подвигу мученическому.

В дому Отца небесного обители многи суть (Ин. 14:2). Кого из земных страдальцев какая ожидает, – это Господь положил в Своей премудрости и власти. Несомненно, что во благочестии усопшим уготована изряднейшая благодать, и хотя досточтим подвиг всех, на поле брани убиенных, однако должно полагать, что большее мздовоздаяние уготовано тому, кто старался и храбро ратоборствовать против врагов отечества, и явиться победителем греха.

Но так как все мы, доколе на земле, не безгрешны; то, поминая православных воинов, на брани убиенных, будем усердно молиться да простит им Господь согрешения их, и взывать к Нему гласом матери нашей церкви: «Никтоже без греха есть, токмо Ты един, Владыко. Сего ради пострадавшим за веру и отечество грехи остави, и в рай тех всели»⁷.
Аминь.

5. Слово в день апостолов Петра и Павла. (Первое)

И дам ти ключи царства небеснаго. Матф. 16:19.

В сих словах Христовых основание того, почему апостол Петр пишется на иконах держащим в руках два ключа. Это ключи царства небеснаго, которые Спаситель обещал ему дать.

Когда же действительно даны они? И под каким условием отверзают царство небесное?

Иисус Христос, явившись по воскресении апостолам, сказал им: **примите Дух Свят**. Дунув и преподав благодать Святого Духа, Он вместе с сим даровал им право удерживать и разрешать грехи человеческие (Ин. 20:22,23). Сия сила благодатная, сия власть разрешительная, подобно ключам, отпирающим двери, открывает ищущему царства небеснаго вход в него; ибо еще прежде Спаситель, обещав дать сии ключи апостолу Петру, сказал: **еще аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех**. Вход в рай преграждают грехи; от них собственно и запирается он. **Не имать в он внити всяко, скверно** (Апок. 21:27), и грешники **царствия Божия не наследят** (1Кор. 6:9). поелику же и ищут его грешники, ибо на земле нет никого без греха; то благость Божия даровала средство разрушать сию преграду, отпускать грехи, и чрез сие, подобно ключу, открывать двери в рай. Власть на сие обещана была первоначально апостолу Петру потому, что он первый исповедал Христа Сыном Божиим. Дана же она и принадлежит не одному Петру, и даже не апостолам только, но и всем их преемникам. Этот дар апостолы передавали и другим; ибо хотя сами рукополагали епископов и пресвитеров, но говорили им: вас **поставил Дух Святыи** (Деян. 20:28). Этот дар чрез преемство пастырей перешел и на нас, и на сопастырей наших. «Священники», рассуждает Златоуст, «имеют власть, какой Господь не дал и ангелам; ибо не ангелам сказано: **елика разрешите на земли, будут разрешена на небесех**. Что священники определяют здесь, долу, то Господь утверждает там, горе»⁸. Таким образом в церкви православной присно живет власть, отпускающая грехи, хранятся ключи царства небеснаго.

Но сии ключи открывают вход в царство небесное, только под условием веры и покаяния. Кто не кается, на том грехи остаются. «Я не принимаю», говорит Григорий Богослов, «таких грешников, которые непреклонны к добру, не смягчаются»⁹. Кто не верует в силу таинства, не доверяет власти его совершителей, тот и не очистится. Если веруешь, то и

получишь. Правда, и те, коим дарована власть отпускать грехи, не безгрешны. Но «не суди судей ты, ищущий врачевания; не разбирай достоинства очищающих тебя. Хотя бы один был лучше другого; но всякий выше тебя». Ибо ему дано то, чего тебе не дано, – право разрешать тебя от грехов. Священник простирает благословляющую руку, произносит разрешение; а все совершает благодать. Аминь.

6. Слово в день святых апостолов Петра и Павла. (Второе)

В путных шествиях множицею. 2Кор. 11:26.

Это говорит о себе апостол Павел. Он много раз был в путешествиях, соединенных с опасностями на реках, на море и в пустыне. Такие же небезопасные путешествия предпринимал и апостол Петр. Почему и слышим в песнопении на стоящего праздника о том и другом первоверховном апостоле: «Сии бо обтекоша широту всея земли, яко ралом всеявше веру»¹⁰.

Как епископы суть преемники апостольские; то и им по долгу их звания и служения, а между ними и мне, недостойному, нередко открывалась надобность быть **в путных шествиях**, и из такого путешествия я теперь возвратился к вам, чтобы с вами молиться, беседовать, и содействовать, в чем лично могу, вашему благочестию.

Но одни ли церковные, или духовные нужды побуждают людей путешествовать? – Нет. Не говорим о людях неверующих, у которых нужды их сердца, просящего веры, совсем заглушены вольномыслием и страстями; даже о православных христианах всегда ли думать можно, что неукоризненны, невинны, уважительны цели их путешествий? Заслуживает участия и помощи бедный, который готов идти далеко, ища куска хлеба; нельзя не сострадать больному, который с остатками своих сил и своей надежды на выздоровление стремится и в отдаленные учреждения врачебные; высок подвиг богомольцев, которые странствуют по святым местам, и приносят туда свои лепты и молитвы за себя, за своих родных и знаемых. Но недостойны ли сожаления, а быть может, и справедливого упрека, те путешественники, которые посещают иные земли и города, чтобы только убивать праздное время и погружаться до самозабвения в греховных удовольствиях; или такие, которые странствуют по разным местам населенным, ради своей ненасытимой корысти, обманывая людей простых, обижая, кого удастся обидеть.

Ныне, при удобстве сообщений, всякий способ путешествия почти для всякого доступен; но чтобы никакое путешествие не возбуждало опасений, сего еще сказать нельзя. Сбываются и в наше время слова апостола: **Беды в реках, беды от разбойников, беды в пустыни, беды в мори**. Чем же предохранять себя от опасностей? – Тем же, чем охраняемы были апостолы. Труд их проповеднический был великий, полный самоотвержения; но на всяком пути предавались они в волю Божию и

призывали помощь свыше, и их хранила благодать. **Довлеет ти благодать Моя**, – сказал Сам Христос апостолу Павлу. Так и ныне тому, кто желает жить **в помощи Вышняго**, кто, собираясь путешествовать, молится со слезами: **скажи ми, Господи, устрой мне путь, в онь же пойду** (Пс. 142:8), кто предпринимает путешествие для целей благих и полезных, – тому обетовано, **яко ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя** (Пс. 90:11). Могут ли на сем обетовании успокаиваться те, которые путешествуют для целей праздных, недостойных и греховных? – Нет, хотя Господь и вездесущ, но, по священному изречению, **далече отстоит от нечестивых** (Притч. 15:29).

Правда, путешествие не есть обязанность, и не мало таких, которые, где родились, там и умирают, никогда не оставявши места своего жительства. Но всем нам надобно помнить, что говорит апостол Петр: **Возлюбленные, молю вас, яко пришельцев и странников** (1Петр. 2:11). Если мы пришельцы, то значит, путешествуем; если мы странники, то куда же путешествуем? – Эта страна пришельствия есть земная наша жизнь, из которой всем неизбежно переходение в жизнь иную, загробную. Напоминая о сем путешествии, о сем переселении, апостол умоляет христиан удаляться от плотских похотей, проводить честную жизнь (ст. 12), и внушает: «Со страхом проводите время странствования вашего» (1Петр. 1:17). Аминь.

7. Слово в день апостола Андрея Первозванного

ЗВАНИЕ ХРИСТИАНСКОЕ

В нихже есте и вы, звани Иисусу Христу. Рим. 1:6.

Апостол Андрей именуется Первозванным потому, что «первый Христа зовуща послушав тепле, последователь и ученик Его бысть»¹¹.

Если он – **перво-званный**: кто же **после-званные**? – Прочие апостолы и все уверовавшие во Христа, в том числе и мы.

Это однако же требует пояснения; ибо иной не сознает, зван ли он, и не обращает внимания на важность звания христианского.

Апостолы, пиша послания, всех верующих называли **званными** (Рим. 8:28; Евр. 9:15; 1Петр. 3:9; Иуд. 1), **званными, освященными и святыми** (Рим. 1:7; 1Кор. 1:2), из **иудеев и эллинов** без различия (1:24). Это понятно; ибо многие в первые годы христианства могли видеть и слышать самого Иисуса Христа и Его апостолов, убеждались их проповедью и делались христианами.

Но как именование званных может простираться на тех христиан, которые вскоре по рождении своем просвещены святым крещением?

Христос послал апостолов ко всем народам с проповедью, от Него возвещаемою и к Нему призывающею. **Они же изшедше проповедаша всюду** (Марк. 16:20); **во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенные глаголы их** (Пс. 18:5). Святой Андрей и другие, избранные Иисусом Христом, для того получили от Него «благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы» (Рим. 1:5). Указывая на сие, апостол Павел писал к римлянам: «между сими народами находитесь и вы, призванные Иисусом Христом» (ст. 6). «Он говорил не об одном себе, но и о двенадцати апостолах и о всех благовествовавших слово различным народам, – римлянам на ряду с скифиями и фракиянами. Все призваны, а не сами собой пришли» *). Сии слова Златоуста относятся и к нам. Ибо известно по преданию, что апостол Андрей приходил в пределы нашей страны, которая называлась Скифиєю, и провозвестил в ней веру Христову. Что начинали апостолы, то продолжали их преемники. Сам Христос говорит: **Покайтесь, – придите ко Мне**; хотя бы сии слова произносил Им посланный благовестник. Одна проповедь евангельская, всех призывающая, продолжается всюду и во все века.

Так и в отечестве нашем утвердилась вера Христова, и мы введены в нее, быв еще младенцами. Рождение от православных родителей есть само по себе дар Божий, призвание свыше. Кто крещен в младенчестве, тому

легче узнать, полюбить истинную веру, воспитаться в ней, утвердиться в ней. Человек по естественной склонности любит свою родину, хотя там быть могут свои недостатки и неудобства. Не более ли мы по благодатному отрождению должны любить родину духовную, церковь православную, в которой одни совершенства, в которой все имеется и хранится, что нужно для нашего спасения? Узнавать ее совершенства, уверяться в спасительном достоинстве веры православной каждый может, если ее внушения будет принимать сердечно и исполнять. «Кто захочет творить волю Божию, тот узнает об учении Христовом, от Бога ли оно» (Иоан. 7:17).

А без исполнения закона евангельского не принесет пользы имя христианина. Посему апостол Павел убеждает всех, призванных и введенных в веру Христову: **молю вы достойно ходити звания, в неже званы бысте** (Эф. 4:1). Дорожат честные люди своим гражданским значением и положением общественным. Но звание христианина выше всякого мирского. Довольно сказать, что все отличия и преимущества земные на земле и остаются, а звание христианина переходит с ним в иной мир. Все мы **звани во едином уповании звания нашего** (Эф. 4:4). «То есть Бог призвал всех к одному и тому же: всем даровал бессмертие, всем жизнь вечную, всем неувядаемую славу¹². Внемлите сему, **звания небесного причастицы** (Евр. 6:1). **По звавшему вы Святому и сами святы во всем житии будите** (1Петр. 1:15). Храните совесть непорочную; избегайте того, что постыдно для христианина. Помните слово Христово: «Много званных, а мало избранных » (Мф. 22:14). Призывание еще не спасет: верность призыванию спасет. Зван был Иуда и находился в лике апостольском, но отпал; зван был весь народ еврейский, но не все евреи вошли в церковь Христову. Участь наша зависит от помилования Божия, но и от нашего произволения, от нашего послушания, от нашего постоянства в христианской вере и жизни. **Потщитесь убо известно ваше звание и избрание творити** (2Петр. 1:10). Аминь.

8. Слово в день святителя и чудотворца Николая¹³

Отцы, не раздражайте чад своих, но воспитовайте их в наказании и учении Господни. Эф. 6:4.

Ныне день тезоименитства Благоверного Государя, Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича. Он еще не достиг совершеннолетия и продолжает свое учение. Ему преподаются уроки; наблюдается порядок учебных его занятий; он изволит подчинять себя воспитательным требованиям; он дает отчет в том, что ему преподается.

Вот высокий пример для воспитателей и воспитываемых. Требовательность со стороны одних и исполнительность со стороны других есть ручательство пользы и успеха: понуждение есть необходимая принадлежность воспитания.

Говорят: не надобно детей принуждать, нужно давать им свободу. На сие ответом служат первые проявления материнской власти и детской свободы. Мать быстро останавливает свое дитя, когда оно простирает к огню руки, или приближается к опасности упасть с высоты. Свобода в человеке, как и другие его способности, развивается с его возрастом, приобретает правильную свою самостоятельность по мере навыка в различении добра и зла, истины и заблуждений. Но что бы вернее было это различие, нужно наставление; а при наставлениях неизбежны понуждения. Ибо когда рассказывают детям что-нибудь забавное, они слушают охотно; а когда изъясняются им предметы важные и несколько отвлеченные, нужно с усилием и настойчивостью поддерживать их внимание.

Указывают еще на то, что природа детская мягка и чиста, как воск; на ней без принуждений могут напечатлеваться полезные начертания, из коих потом составит умственный и нравственный облик человека. Но надобно спросить: дают ли пчелы чистый воск? Нет, и для воскового сота нужно искусственное и не маловременное обрабатывание, чтобы это вещество сделалось очищенным и белым. Так и душа детская мягка и восприимчива, но не для одних добрых впечатлений, а также и для дурных; она невинна и чиста, но в себе самой носит зародыши заблуждений и грехов. «Поелику же прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его» (Быт. 8:21); то при встречах с худыми примерами, от которых никого охранить нельзя, с вредными книгами, ложными, господствующими мнениями, душа усвоет неприметно и не мало убеждений ложных и навыков предосудительных. Итак, что же

достается воспитателю, напечатлеть ли только доброе, или изглаждать худое? Было бы «легче», – рассуждает святой Григорий Богослов, – «вновь напечатлеть истину в душе, которая подобна неисписанному воску, нежели по старым письменам; лучше писать на душе, которую не изборозило негодное учение, и на которой не врезались глубоко начертания пороков. Иначе благочестивому краснописцу будут два дела – изгладить прежние изображения, и на место их написать лучшие, достойные сохранения». Этот нелегкий труд искоренения дурных навыков неизбежен, и оно не может быть беспринудительно и безболезненно.

Посему нельзя безусловно и без ограничений принять и то правило при воспитании, чтобы приспособляться к личным свойствам, врожденным склонностям и преобладающему настроению душевному каждого воспитанника. Ибо следует вопрос: ко всем ли склонностям и свойствам? Молодое дерево не высоко поднялось от земли. Каким же орудием садовник к нему прикасается? Ножом. Им он срезывает отрасли, идущие в сторону, и конец главного стебля. Пошло дерево в рост; а садовник не оставляет ножа, безжалостно отрезывает и бросает свежие, сочные, густо лиственные ветви. На ваше замечание – для чего он это делает? он скажет, что надобно дерево очищать от лишних ветвей, его заглушающих, на которых никогда не будет плода. Тоже делает и воспитатель. При первом обнаружении худых склонностей в воспитаннике, он их пресекает или ограничивает; он не дает усиливаться влечениям лени, упрямства, прихотливости, злопамятства, гордости, самохваления, лживости; он тщательно вникает, нет ли в природе воспитанника наследственных недостатков, ибо известно, что от родителей могут переходить к детям не только болезни, но и пороки. Такое исправление недостатков, такое пресечение худых поползновений конечно не может совершаться без некоторых принудительных мероприятий. Воспитатели, которые суть вторые отцы, а для сирот решительно заменяют их, должны помнить совет апостола: «отцы, не раздражайте чад своих». Не надобно понуждения доводить до раздражения. Раздражают же распоряжения несправедливые и жестокие; меры понудительные могут быть кроткие и безобидные. Воспитываемые не имеют права обижаться, когда требуется от всех одно, когда нет ни к кому пристрастия, и всем напоминается о неперменном и точном исполнении учебных обязанностей. Не надобно упускать из виду, что на юные сердца особенно успокоительно действуют те наставления и, требования, которые проникнуты чувством веры, в которых дышит сила «наказания и учения Господня».

При таком направлении воспитания сами воспитываемые поймут, что им в их учебной жизни необходимо самопонуждение. Ибо возможно ли на земле обойтись без труда? Древний приговор, изреченный первому человеку, будет иметь силу до последних людей в мире: «в поте лица твоего снеси хлеб твой» (Быт. 3:19). Служба военная, земледелие, занятие ремеслами, промышленность, – все в жизни требует терпения и труда. И время учения есть время подвига, которого нельзя понести без напряжения сил, но который сопровождается добрыми последствиями. «Благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей», ярем труда и терпеливости; «яко Смиривый помилует по множеству милости Своей» (Плач. Иер. 3:27,32). Аминь.

9. Слово в день трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. (Первое)

А имена их живут в роды. Сир. 44:13.

Празднуем ныне трем святителям, из которых каждый, кроме своего имени, носит свое отличительное название. Когда же и почему названы: Василий – Великим, Григорий – Богословом, Иоанн – Златоустым?

Имя «Великого», когда еще был в живых святой Василий, соделалось собственным именем его: уже современники называли его мужем «истинно великим»¹⁴. Название сие основывается на словах Христовых: **иже сотворит, и научит, сей велий наречется** (Матф. 5:19). Не длинна была жизнь святого Василия (он жил около пятидесяти лет); но была обильна делами благочестия, и необыкновенно велика сила души его. Довольно припомнить здесь то, что говорил он сильным земли. Валент требовал от него покровительства арианству; Василий отвечал: «Когда идет дело о Боге, все прочее для нас ничто. Огонь, меч, звери, железные когти скорее радость доставят нам, нежели повергнут в ужас»¹⁵. Как действия святого Василия отличались необыкновенною твердостью, так в его учении всегда выражалось духовное, благодатное величие. Ученые греки о нем отзывались: «Если кто другой обладает языком чистым и величественным: Василию нужно отдать преимущество. Убедительность соединяет он с приятностью и ясностью. Речь его так обильна и плавна, как ручей, свободно вышедший из своего источника»¹⁶. Полный пламенной любви к Богу и благоговейного удивления к красотам природы, он утверждал и в окружавших его чувство благоговения к Богу, истинной веры и любви к ближним. Писания святого Василия бессмертные и живительные, как и его дела, утвердили за ним название Великого.

Святого Григория, также издревле, церковь почтила именованьем Богослова, приближая его по духу к высокому между апостолами Иоанну Богослову. Ибо как созерцание сего евангелиста проникало дальше других умов в глубины Божества, и преимущественно было обращено к Предвечному Слову, Божию Сыну: так и святитель Григорий, превосходя современников глубокомысленным постижением догматов православия, подробно, против современных ересей, изложил чистое учение о единосущии Сына Божия с Богом Отцом и Святым Духом. Богословствование Григория служило руководством для последующих православных богословов. Так Иоанн Дамаскин, пользуясь его словами, составил «изложение веры» и самые вдохновенные песнопения, каковы

например ирмосы на Рождество Христово: «Христос рождается, славите!». Григорий Богослов был ученейший муж своего времени; но всю свою ученость обратил к Богомыслию и на защиту Православия. На седьмом вселенском соборе он называем был «соименником богословия».

Почему святой Иоанн прозван Златоустым, легко может догадаться и тот, кто не знаком с его творениями. Очевидно, уста златые служат означением изящества речи. Есть предание¹⁷, что одна женщина, слушая проповедь его, в восторге воскликнула: «О златоустый! Кладязь твоего красноречия глубок, а вервь моего разумения коротка». Если последняя половина сего восклицания свидетельствует о смирении христианки, слушавшей Златоуста: то первая часть сего отзыва верно указывает на глубину и силу его красноречия. Его учение так привлекательно и неистоцимо, как рудник, который, хотя и много из него извлекают драгоценностей, не перестает быть златосодержательным. Достоинство его слова не только в том, что оно обильно, чисто и изящно, но и в том, что оно для всех и всюду полезно, как золото, которое везде и всегда ценится высоко. Описывает ли он пороки? – Они как будто из жизни нашего общества. Дает ли советы? – Ими очень можно пользоваться и нынешним христианам. Объясняет ли предметы веры? – Делает это так близко к понятиям каждого, так ясно и вразумительно, что неприметно вливает в душу свет истины и теплоту веры. Посему, в честь Златоуста, мы поем: «Уст твоих якоже светлость огня возсиявши благодать, вселенную просвети!»¹⁸.

Итак, достойно усвоены убожаемым ныне святителям высокие их наименования, которых притом они сами не искали. Через сие и нам подается некоторое вразумление. В наше время иные стараются присвоить себе почетные названия незаслуженно и напрасно; хотят почитаться образованными, имея самый поверхностный взгляд на предметы высшей важности; любят говорить о своих обширных занятиях и неутомимом трудолюбии, тогда как все делают чужим умом и чужими руками; бывают даже такие, которые желают прослыть благочестивыми, не касаясь и перстом бремени подвига, не зная на деле ни молитвы, ни поста. Не так определил Бог от начала мира: прежде из ничтожества явились создания, а потом наречены им имена. Подобное сему и в круге жизни человека: прежде он должен что-либо доброе и примечательное создать, а доброе именование, рано или поздно, само придет к нему. Но если б и совсем общественная молва не оценила подъятых нами трудов: разве мы должны трудиться только для почетных отзывов и высоких именований? Христианство славно не по названиям и земным почестям, а по чистоте в

еры и святым делам. Не тот велик, кто здесь таков, но тот, кто **велий**
наречется в царствии небеснем. Аминь.

10. Слово в день трех святителей. (Второе)

Отче святыи! Их же дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы. Иоан. 17:11.

Праздник во имя трех вселенских учителей и святителей учрежден по особенному, весьма примечательному обстоятельству. Вскоре после их кончины между православными читателями их великих подвигов, заслуг и чудес нередко возникал вопрос: который из трех святителей больше и выше? Распря об их достоинстве возросла наконец до того, что чрез несколько веков, произошло решительное разделение в обществе христиан, и одни начали называться Василианами, другие – Григорианами, третьи – Иоаннитами. Тогда, в отклонение такого соблазна, сами святители, все трое вместе, явились Иоанну, епископу Евхаитскому, и сказали ему: «Все мы имеем у Бога равное достоинство. Объяви христианам, чтобы оставили спор относительно сего. Как при жизни более всего мы заботились о единодушии, так и по преставлении нашем более всего желаем единомыслия верующим. Установи для нас один общий праздник». Праздник установлен; спор давно прекращен, и мы ныне трех святителей, «яко апостолам единоправных» и между собою единоклестных, призываем на молитвенное ходатайство, «да дарует Господь мир вселенней и душам нашим велию милость»¹⁹.

Но повод к установлению сего праздника показывает нам, как иногда далеко может простираться у людей честолюбивый образ мыслей. Любя здесь, на земле, превосходство пред всем окружающим и первоседания на сонмищах, честолюбие и в царстве небесном хочет разместить небожителей, по своему на них воззрению, и, в чем ограничил некогда Сам Спаситель Иакова и Иоанна, то оно позволяет себе решать, определяя, кому восседать одесную, и кому ошуюю во славе Небесного Царя (Марк. 10:37).

Правда, Сам Спаситель сказал, что в дому Отца Его обители многи суть; следственно есть разность между теми, кому они уготованы. А апостол изъясняет это тем подобием, что как звезда от звезды разнствует в сиянии, так и души праведных пребывают на различных степенях небесной славы (1Кор. 15:41).

Но Сам же Спаситель и объяснил нам сию разность небожителей и их обителей; Сам Он, молясь к Богу Отцу о верных Своих последователях, просил: «да будут едино, якоже и Мы; да будут они во Мне и Аз в них». Посему и апостол присовокупляет, что в будущем веке **будет Бог**

всяческая во всех (ст. 28). Такое соединение всех в Боге и во Христе совершенно не благоприятствует честолюбивому предположению о первенстве и превосходстве, в нашем житейском и суетном смысле сего слова. Здесь, на земле, один возвышается, другой надает; там, на небе, все возвеличены будут, и никто не будет унижен. Здесь почесть иногда омывается слезами раскаяния и несчастий; там отрется **слеза от очию** каждого и ни для кого **плача не будет ктому** (Апок. 21:4). Здесь на благополучие и предпочтение одного другой, сверстник его, смотрит черным оком зависти и отравляет покой его; там при полном довольстве не будет зависти и взаимным сорадованием будет каждый приумножать собственное блаженство свое. Как в полном свете нет мрака, так во свете лица Божия никто не почувствует ни темноты, ни лишения чего-либо в душе своей. Если будет тогда разность между небожителями, то преимущественно в глубине, или обширности их приемлемости. Источник блаженства один для всех; но каждый будет почерпать из него столько, на сколько приуготовил к тому здесь и предочистил сосуд души своей. Представим текущий из горы кладезь чистой воды, и два сосуда, большой и малый, наполненные этою водою: в кладезе от того умаления нет; живая вода неудержимо стремится оттуда, и сосуды могли бы черпать еще чистую влагу, но они, от полноты, вмещать более не могут, и меньший хотя вместил менее, но также полон, как и больший. Вот некоторое подобие того, что ожидает праведных на небе. Источник блаженства неиссякаем: но каждый будет почерпать по мере своей духовной приемлемости; все будут полны блаженства, хотя будут различаться по степеням славы.

И так только на небе истинный покой и полное наслаждение. Туда будем стремиться чистою мыслью и непорочною жизнью, да «сподобимся со всеми святыми в вечной славе Христа Бога царствовать». Аминь.

11. Слово в день трех святителей. (Третье)

Не мнози учителя бывайте! Иак. 3:1.

Это предостережение дает апостол Иаков. Но какую силу оно может иметь для нынешнего времени, которое можно назвать веком быстрого размножения учителей, и вместе громкого сетования, что все еще мало учащих и мало обученных? И в нынешний ли день останавливать внимание на сем предостережении, когда мы совершаем праздник в честь вселенских учителей, которые сами, посвятив всю жизнь свою трудам обучения народного, дали и грядущим поколениям внушение, как это дело важно и как оно нужно?

Учить – дело великое. Но не всякий за это дело взяться может, и многочисленность учителей не всегда – полезное приобретение для общества.

Во времена Христовы очень много было учителей народных, которые восседали **на Моисеевом седалищи** и любили **зватися от человек: учителю, учителю** (Матф. 23:7)! Какой же суд произнес на них Спаситель? Он назвал их **слепыми вождями** (ст. 24), которые взяли ключ разумения, но сами в область истины не вошли, и хотевшим туда войти воспрепятствовали (Лук. 11:52).

Потом и апостолы много терпели от лживых и вредных учителей, которые посеивали суеверие, покровительствовали чувственности, подрывали силу брака. Поражая злонамеренных силой своих обличений, апостолы наблюдали, как бы кто в обществе христианском не присвоил себе достоинства учительского и не сказал чего ошибочного ко вреду неопытных. «Разве все учителя?» (1Кор. 12:29), – замечает апостол Павел. Ту же силу имеет и предостережение апостола Иакова: **Не мнози учителя бывайте!** Сие значит, что быть учителем следует не всякому, кто ни захотел бы; этот жребий должен падать только на людей более к тому способных и приготовленных, – по призванию и по достоинству. Ибо с делом учительства соединена ответственность, и она еще больше для того, кто сам вызывается быть учителем. «Не многие делайтесь учителями, зная», – продолжает апостол, – «что тем большему подвергнемся осуждению».

Сие предостережение апостольское, как и в наше время, многими забыто было в век тех великих святителей, которых ныне празднуем. Учители размножались; с ними умножались заблуждения и ереси. На площадях продавцы и покупатели, бросая говорить о предметах купли и

продажи, начинали спорить о Троице и Святом Духе. Юноши, которые многое поверхностно знали, но ничему основательно не научились, принимали важный вид народных учителей. «У евреев в древности был очень похвальный обычай, по которому не всякому возрасту дозволялось читать всякую книгу. Потому что не всякая книга каждому вразумительна; а иная может обратиться в большой вред». Прилагая сей обычай к своему времени, святой Григорий Богослов продолжает: «А у нас между временем, когда учить и когда учиться, нет никакого предела. И мы так худо поступаем, что большая часть из нас, едва оставим детский лепет, прежде нежели научимся распознавать письма и писателей ветхого и нового завета, если умеем ловко надеть плащ, или до пояса походить на философа: мы уже мудры и учителя, первые из книжников и законников, желаем **зваться от человек: учителю, учителю!** и даже обижаемся, если б нас не очень хвалили. Но скажи, дивный муж, – обращается далее Григорий Богослов к самозваному учителю: ты считаешь за что-нибудь пляску и игру на свирели? Что же назовешь лучшим и высшим? Пляска ли и игра выше мудрости, или мудрость выше сих искусств? Знаю, скажут: мудрость выше всех искусств. – Но для пляски и игры музыкальной есть науки, им учатся; на то нужны время, труды, усилия; иногда надобно тратить деньги, приискивать людей, предпринимать дальние путешествия. А мудрость ужели почтем делом таким легким, что стоит только захотеть, и можно быть ученым? Большое невежество так думать; но еще хуже, когда иной, присвоив себе право учить других, не чувствует собственного невежества»²⁰.

Так описывает Григорий Богослов гордую страсть учить, обуявшую многих в его время. Не трудно приметить, как зараза этого учительского самозванства проникла и в нашу современную жизнь, и как охотно наши юноши стремятся учить и старших, и младших, не окончив еще своего воспитания. Разве не странствовали и по разным пределам страны нашей учителя народа, подобные тем, какие появлялись на византийских площадях?

Правда, еще не одно и то же учить богословию, или грамоте, и непризванные учителя говорят, что они не законоучители. Но что такое грамотность? – Она для человека то же, что плуг для земли. Как скоро земля разрыхлена и проведены борозды, земледелец спешит бросить в нее семена, чтобы она или не засохла, или не покрылась дурными травами. Обучение грамоте постепенно делает дитя способным разбирать книги. Для навыка в чтении, сначала ему нужно что-нибудь читать; чтобы расширился круг его познаний, опять ему нужно еще больше читать и

слушать; таким образом в грамотную голову, как в приготовленную землю, начинают падать умственные семена. Чего же ожидать, когда непризванные сеятели народного просвещения говорят вслух ученикам, что печать церковная есть принадлежность раскольничьей старины, а нужна только гражданская, что не следует принуждать детей, чтоб выучивали заповеди и молитвы, а надобно им давать какие позанимательней сказки? Чего доброго ждать от таких просветителей, которые не признают свою обязанностью сообщить людям неопытным, что говорят об Иисусе Христе апостолы и святые отцы; но с величайшею предупредительностью передают, как над ним глумятся свои и иностранные безбожники?

К кому же идти и где учиться? – Есть учителя, которым было сказано: **шедше, научите вся языки (Матф. 28:19)**. Их призвание, их служение, их преемство не окончится до скончания мира. Лица духовные, служители священные, по самому назначению своему, суть учителя народные. От таких лиц получили грамотность первоначально и славянские племена, наши далекие предки. Долг священнослужителей – распространять в народе и грамотность, чтобы чрез нее чище насаждалась вера, утверждались добрые нравы, без чего невозможно благоденствие общества. Быть может, такие учителя сами не все многоучены. Но и в народе не требуется, чтобы все были учены; а нужно, чтобы всех коснулся свет истинного просвещения. В сем отношении учителя духовные надежнее других. Не будут они усиливаться в объяснениях, как это земля образовалась и в настоящий вид пришла после многих превращений; а начнут с того, что Бог создал мир из ничего. Не изложат они, какие каждый великий мудрец прибавил от себя новости в области человеческих мудрований и заблуждений; но объяснят, какое миру обновление принес единый всех Учитель, Иисус Христос. Не укажут они, который стихотворец какой поклонялся языческой богине и какую воспел безумную страсть; но познакомят с песнопевцами, которых уста, отверзаясь, наполнялись благодатного Духа. Не похвалятся никакими изобретениями к удобству жизни гражданской; но будут учить благочестию, которое во всяком добром человеке говорит сильнее слов и с которым соединено **обетование настоящего и грядущего века (1Тим. 4:8)**. Аминь.

12. Слово в день трех святителей. (Четвертое)

Горе, егда добре рекут вам вси человецы. Лук. 6:26.

Какое же горе тому, о ком все станут говорить только доброе? Напротив, какая радость тому, кого возненавидят люди, отлучат от своего общества, о ком многие будут говорить недоброе?

Незавидная, по-видимому, участь: и однако ж она была и будет достоянием людей благочестивых. Ни один из них не был в этой жизни столько счастлив, чтобы не встречались ему недоброжелательные лица, чтобы не достигали его слуха двусмысленные или насмешливые отзывы о нем, чтобы не нужно было ему бороться против вражды врагов своих.

Не избежали этой печальной участи и три великие святителя, которым ныне празднуем. Святой Григорий Богослов «зависти ради» оставил свой архиерейский престол; святой Василий Великий, при своем слабом здоровье, много терпел притеснений от приверженцев арианства; а святого Иоанна Златоустого ненависть людская низвела с константинопольской кафедры, заточила в край отдаленный, и в заточении ускорила кончину его.

Но да не унывают те добрые души, которые в своей совести чисты, и однако ж очень боятся клеветливого слова о себе. Не велико утешение, даже бывает горе, от человеческой похвалы: напротив, великое приобретение и блаженство от напрасной ненависти и клеветы.

Людская молва также зыбка и быстротечна, как речная волна. Едва только малодушный начнет успокаивать себя мыслью, что все хвалят его в обществе; в то же время его сердце угрызается подозрением, как бы кто не сказал о нем худое. И действительно, всегда найдутся завистники, которые и в неукоризненном образе действий и жизни ближнего постараются изобрести что-либо такое, к чему удобно будет привязать укоризну и насмешку. Но если б даже и не угрожала разочарованием человеческая слава, если б она была прочна, и тогда она не может насытить великой души и глубоко верующего сердца. Дитя, поиграв игрушкой, бросает ее. Человек голодный, быв принужден вкушать одну сладкую пищу, скоро почувствует, как противна она. А всякая приятная молва есть не больше, как забава, которая может утешать только людей с поверхностным взглядом на вещи. Всякая похвала в обществе, как бы долго ни повторялась, но, касаясь всегда одних и тех же достоинств восхваляемого лица, должна, наконец, наскучить ему, потому что дух человеческий всегда ищет нового. А если он воспитан в Христовой вере, то посторонние

лестные отзывы послужат для него предметом скорее опасений, нежели желаний. Представим человека, который захотел бы достигнуть своей, давно задуманной цели силою общественного мнения, и что в том обществе есть лицо, которое, силой своего ума, всех увлекает за собой. Важно ли для него, что все будут его одобрять, но не будет соглашаться с ним тот, кто ведет за собой все общество? Не постарается ли он преклонить это влиятельное лицо на свою сторону, чтобы верен был успех предприятия? Ибо что скажет это лицо, на то согласится и целое собрание. Подобно сему, какая выгода христианину, если все, знающие и не знающие, будут говорить о нем что-нибудь, льстящее самолюбию? Для него дорог и важен Божий суд. Были некоторые, по-видимому, благочестивые, о которых в современном обществе отзывались хорошо; но Господь один отвергнул их, и исчезла для них сладость хвалы человеческой. Кто хочет угождать людям, чтобы у всех приобрести доброе мнение, тот не сделается рабом Христовым. И в этом смысле, горе человеку, которого все хвалят, но о котором можно усомниться, похвалит ли его Бог. Истинный же раб Христов в душе своей мыслит: не велико для меня, как люди судят обо мне; **услышу, что речет о мне Господь (Псал. 84:9).**

При таком устроении духа, христианин блажен даже и тогда, когда возненавидели его люди. Что строгий к самому себе может нажить врагов себе, к сожалению, в этом сомневаться нельзя. Издавна замечено, что воздержный есть неприятель невоздержному, целомудренный – сладострастному, бескорыстный – корыстолюбивому, справедливый – лжецу и лицемеру. Но как ненависть одних может быть источником блаженства для других? – Не то дорого человеку доброму, что его иные ненавидят: он этого не желает. Но когда встречает ненависть и клевету, он смотрит, ради ли Христа и закона Христова терпит напрасное недоброжелательство от людей? Если так, он поставляет для себя великим утешением быть даже последним из тех верных последователей Христовых, из которых первые, то есть апостолы, быв иудеями подвергнуты биению, вышли из синедриона радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились поругание принять (Деян. 5:41). Не трудно встретить в обществе людей твердых волею, которые за свои убеждения не только вменяют себе в честь, но даже в удовольствие идти против неприятностей. Не более ли чести, не больше ли сладости потерпеть вражду людскую, ради веры во Христа, ради того святого и чистого закона, который служит основанием нашего душевного покоя здесь, и упования за гробом? Ибо если кто, за вратами своей смерти, не получит ничего доброго от Христа

Спасителя: не от кого ему больше получить.

Когда гонят и злословят человека праведного, то со стороны иные думают, что он в состоянии мучительном. Но если б можно было наблюдать в душе его, не трудно было бы заметить претворение скорби в чувство твердого утешения. Течет ручей по илистому дну, и кажется мутным; переходит на песок, и вода, очищаясь, становится прозрачною и вкусною. Так для души, погруженной в болоте пороков, всякая скорбь тяжела; а в душе праведной и скорби тяжелые умягчаются утешениями благодатными, и обстоятельства стеснительные не потемняют ее спокойного и ясного взгляда. Святой Григорий Богослов, когда увидел, что им недовольны некоторые немалозначительные лица и раздувают общую вражду, говорит им спокойно: «Я не лучше пророка Ионы; ввергните меня в море, возьмите у меня престол, выгоните из города. Все я снесу терпеливо; только бы восстановлен был мир в церкви». – Василию Великому, чтобы ограничить его полезные для православной веры действия, стали угрожать изгнанием, лишением имущества, мучениями. Тому, кто осмелился утрашить его этими угрозами, святитель Божий отвечал: «Угрожай, если можешь, чем-нибудь иным. Изгнания я не боюсь, ибо вся земля Господня; отнять имущество нельзя у того, кто не имеет ничего; о муках не забочусь, потому что они скорее приведут меня к Господу, для Которого и живу, и тружусь». – Против Иоанна Златоуста восстали многие, обличаемые им, и, наконец достигли того, что решено было сослать его в заточение. Что же святитель? – «Христос со мною!» – восклицает он. «Кого и чего мне бояться? Я всегда молился: да будет воля Твоя, Господи! Не как хочет тот или другой, а как хочешь Ты. Если Богу угодно оставить меня в Константинополе, благодарю Его; но буду благодарить, где Он ни захочет поставить меня». То же твердое исповедание сохранил он и в заточении, и скончался со словами на устах: «Слава Богу за все!» – Так душа благочестивая против напастей защищена, как крепкий дом: вокруг этого дома свистит буря, все губит лютая зима; а внутри его и спокойно, и тепло.

Быть может, никто из нас сам еще не испытал блаженства гонимых за правду Христову: по крайней мере, перестанем гоняться за похвалою от людей и остережемся говорить и мыслить дурно о тех, которые стараются жить по закону Христову. Аминь.

13. Слово в день трех святителей. (Пятое)

И еще рекут к вам: изыщите чревоволшебников и от земли возглашающих... не язык ли к Богу своему взыщет, что испытуют мертвых о живых? Ис. 8:19.

Нынешний праздник в честь трех святителей обязан своим установлением их явлению из мира загробного. Уже долго спустя после их кончины, возникла в обществе христианском распря о том, кто из них выше по достоинству и ближе к Богу. Чтобы утолить этот раздор, угрожавший миру церкви, святители явились Иоанну, митрополиту Евхаитскому, мужу ученому и благочестивому, и объявили ему: «Мы – равны пред Богом. Внуши христианам, чтобы оставили раздор, и хранили единомыслие. Состав для нас праздник в один день: мы всем, нас поминающим, будем споспешествовать ко спасению». – Сказав это, они, осиянные небесным светом, стали невидимы.

Рассказанный теперь случай есть один из многочисленных опытов, неопровержимо подтверждающих, что явления душ из мира загробного невозможны, и действительно бывали.

Неправильное разумение сего рода случаев служило для многих поводом к напряженному усилию войти в сообщение с миром духов. Одни, лишась сердцу близких и любимых, ждут их во сне, и даже наяву, чтобы спросить их, как они живут за гробом. Другие, сгорая желанием узнать свое будущее, мечтают в страшной тишине чародейства и гаданий услышать голос о своей судьбине. Есть и такие, которые чрез таинственные открытия, получаемые будто-бы из царства духов, думают усовершенствовать веру христианскую, которые хвалятся своим искусством беседовать с давно и недавно умершими, и которые дерзко дают понять, что вызвать душу из иного мира для них также легко, как позвать слугу из одной комнаты в другую.

К сожалению, гадальщицы и духовидцы между легкомысленными и суеверными всегда находят себе много приверженцев. Посему и в наше время не излишни советы против того предрассудка, от которого так предостерегал современников Исаия пророк: «Когда вам скажут: посоветуйтесь с вызывателями мертвых, и с ворожеями... отвечайте: не должен ли народ к своему истинному Богу обращаться? Разве о живых можно спрашивать умерших?»

Хотя то несомненно, что души умерших являлись иногда в действительности, а не в воображении живым; однако же устроят такие

свидания никогда не было предоставлено произволу и искусству человека. Душу отшедшую можно увидеть тому, кому это дано было бы от Бога; но вызвать ее никто не может. Являлись и ангелы, но не по произволу человеческого, и даже не сами собою, а потому что Бог посылал их. Не все ли они **суть служебные духи, посылаемые**, как замечает апостол, **на служение хотящим наследовать спасение** (Евр. 1:14), а не произвольно являющиеся? – Так же надобно думать и о душах людей усопших. Их вызвать и видеть не зависит от нашей власти, и не всегда достижимо для самой пламенной молитвы. Иоанн Златоуст, сосланный в город Кукуз, пребывал там в доме, принадлежавшем доброму семейству, из которого один молодой человек впоследствии сам сделался епископом. Этот епископ, по имени Адельфий, рассказывал, какое чудное было ему видение: «Когда скончался блаженный Иоанн, я почувствовал невыразимую печаль, что этот вселенский учитель умер, лишенный престола. Со слезами молил я Бога показать мне, в каком он состоянии, и причислен ли к святым патриархам. В одно время вижу я весьма благообразного мужа: он взял меня за руку и привел в место светлое, где показал мне многих учителей церкви. Не нашедши там, кого желал, я вышел оттуда печальный, и стоявшему при дверях поведал мою скорбь, что не видал возлюбленного моего Иоанна. Сей придверник объяснил мне: нельзя тебе видеть его; он предстоит там, где престол Господень»²¹. – Рассказ этот указывает и на возможность видеть души праведных, и вместе служит свидетельством, что не является душа, когда хотят ее увидеть, по влечению хотя и невинного, но бесплодного любопытства. Ибо тот же Иоанн Златоуст явился, вместе с Григорием и Василием, митрополиту Евхаитскому, когда это было нужно, по устроению Божию, для умиротворения верующих.

Решительно сказать должно, что духовидцы принимают за действительность или мечты собственного воображения, или наваждение злой и темной силы. Нет сомнения, что небожители не иначе могут явиться на земле, как по воле Божией. **Вемы же, то грешники Бог не послушает** (Иоан. 9:31), когда они присвояют себе значение чудотворцев, покушаясь вызывать духов. Те только сподоблялись чудесных видений, которые добрыми делами и долгими подвигами очищали в себе духовное зрение: мужи «Богодухновенные чрез деяния обретали в видения восход». А наше слабое око, доколе покрыто толстою корою греховности, способно ли, чтобы видеть невидимое, существо бесплотное? И кто самонадеянно стремится к сему, того останавливает Премудрый: «Не исследуй того, что выше сил твоих; что сокрыто, то не нужно» (Сир. 3:21). Если б даже нам и

виделось что-либо необычайное: не следует обольщаться. Подвижники опытные рассуждают: «Когда бывают явления грешнику, он не должен верить им, хотя бы видел Христа. Ибо явления Божественные бывают только святым, и оным всегда предшествует в их сердцах тишина, мир и радость. Даже и они, уверяясь в истинности видений, признают себя недостойными»²². У Григория Богослова был любимый брат, которого он рано имел несчастье лишиться. Оставляя себе надежду на том свете свидеться с ним, великий святитель произнес: «Тогда увижу я моего Кесария не оплакиваемым, как теперь, но прославленным и превознесенным, каким ты, возлюбленный мой, неоднократно являлся мне во сне, потому ли, что так изображало тебя мое желание, или потому, что это была самая истина»²³. – Таково смирение святого: он видел блаженную душу умершего брата, но готов признать эти явления плодом своего воображения. – Есть также предание о св. Златоусте, что ему, когда он писал толкование на послания апостола Павла, являлся сам апостол, наставляя и утверждая его в сем труде. Свидетелем сего бывал святой Прокл, келейный ученик Златоуста; но когда он открылся в том своему учителю, Златоуст скромно заметил, что у него «в комнате никого не было»²⁴.

Почему же не предоставлено живым по произволу вызывать и видеть души умерших? – Потому, что это не нужно и было бы даже вредно. Душа евангельского богача из ада просила Авраама, чтобы на землю, где он оставил пять братьев по плоти, послан был Лазарь предупредить их, **да не и тии приидут на место сие мучения**. Но Авраам ответил: **имут Моисея и пророки, да послушают их** (Лук. 16:29). Если же не было надобности иудеям принимать уроки от умерших; то еще менее сие нужно для нас: ибо у нас, кроме закона Моисеева и пророческих книг, есть Евангелие, само слово Христово и учение апостольское. – О чем спрашивать умерших, если б это и было доступно? Разве о своем будущем? – Но каждому предсказана его судьба: «Живи добродетельно, и тебе будет хорошо». Даже теперь, при безуспешности предвидения, люди жадны до новостей; но если б можно было узнать будущее, кто стал бы заниматься настоящим? Не те ли только предприятия были бы нам любезны, о которых получена была бы приятная весть из другого мира, и исход которых, по предсказанию духовызывателей, должен быть выгоден для нас? Не впадет ли, напротив, в тупой ужас и отчаяние тот, кому вызванная тень предсказала бы бедствие? – Такая пытливость служит прямым оскорблением Промыслу Божию, который один управляет нашими делами и судьбами, утешая смертных счастьем и вразумляя несчастливыми. Когда

дитя навязчиво спрашивает отца, что у них завтра будет в доме, и когда отец отказом в ответе ограничивает пустое любопытство ребенка: не смешон ли был бы этот ребенок, если б с тем же легкомысленным вопросом обратился к человеку постороннему, который гостем зашел в их дом? Но мы не дети, и не должны забывать, что чем увлекаемся, тем иногда и наказываемся. Отступник от веры в Провидение, предаваясь суеверию, скоро может дойти до гибели. Саул, царь израильский, сначала сам преследовал духовызывателей и гадалщиц, но, отступив от Бога, сделался суеверен. Пред сражением с филистимлянами, когда разгневанный Господь не дал ему никакого ответа, как давал прежде, Саул переодетый пошел в Аендор к волшебнице и просил ее вызвать тень Самуила. Тень явилась; но что возвестила Саулу? – «За то, что ты не послушал Иеговы, предаст Иегова Израиля вместе с тобою в руки филистимлян: завтра, ты и сыны твои будете со мною» (1 Цар. гл. 28). На другой день Саул и три сына его погибли действительно на горах Гелвуйских.

Сберегая нас от несчастных последствий, закон Божий издревле запрещал вызывание умерших и всякого рода гадание. Моисей говорит народу избранному: «Не должен находиться у тебя обаятель, призывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых: ибо мерзок пред Богом всяк делающий сие» (Втор. 18:11). Василий Великий определяет: «Кто предается ворожеям, или сам ворожит, да подпадает правилу шестилетнего покаяния»²⁵. То же подтверждено шестым вселенским собором: «Предающиеся волшебникам, или другим подобным обаятелям, да подлежат правилу шестилетней эпитимии»²⁶.

Некто спросил своего духовного отца: «Когда кто идет к чародею, должен ли я сказать ему, чтоб не ходил?» – Старец отвечал: «Если любишь этого человека, то скажи ему: Брат! ты чрез сие вредишь душе своей, и прогневляешь Бога, Который воспрещает это дело»²⁷. Аминь.

14. Слово в день трех святителей. (Шестое)

Друг верен врачевание житию, и боящихся Господа обрящут его. Сир. 6:16

Говорят, что люди, посвятившие себя подвижнической жизни, бывают суровы и холодны к другим; будто сердце их чуждо участия, заботливости, откровенности, сострадания, сорадования, и всего того, что составляет сущность истинной дружбы.

Напротив, если где на этом вероломном свете и можно указать друзей, то между святыми подвижниками, и если кто хочет найти себе друга, тот должен искать его между людьми верующими и нравственными.

Основанием прочного дружества могут служить только чистота сердечная и богобоязненность.

Много причин ко взаимному сближению между людьми; но не всякое сближение можно назвать дружеством. Когда любители пиров и забав, празднословы и насмешники ищут соучастников: между ними, очевидно, нет истинной дружбы; их соединяет одно побуждение, как бы веселее провести время. Часто выгоды торговые соединяют людей; но как нередко в этой совокупной деятельности гнездится, под именем товарищества, скрытая зависть и недремлющее зложелательство! Дружатся между собою и грабители: но можно ли их скопище назвать обществом друзей?

Обыкновенно думают, что основанием дружбы служит взаимное сочувствие, безотчетное влечение одного к другому. Но надобно вникать, на чем основывается само это сочувствие, которое безотчетно потому только, что не берут труда уяснить его себе. Никакие связи, соединяющие друзей, не могут быть прочны, если не соединены узами веры и нравственности. Ибо все наружное распадается, и суетное преходит; незыблемо только то, что дает вера и чистая совесть. Неистоцимо сокровище веры. Кто им обладает, тот не своекорыстен, и охотно делится с человеком, ему сочувствующим, своими духовными впечатлениями и познаниями. Тогда как маловеры унывают в несчастиях, верующие друзья на всякие скорби житейские имеют неистоцимый запас утешений: это – Священное Писание и повести мужей святых. **Темже утешайте друг друга в словесех сих (1Сол. 4:18)**, – писал апостол Павел скорбевшим ученикам своим. «Перестань печалиться: Господь не без милости», – скажет печальному верующий друг его, и это простое, не хитрое слово проливает живительную прохладу в душу, палимую огнем огорчений. – Страх Божий есть страж нашей совести. Мысль, что Бог нас видит, где

никакой посторонний глаз не видит, – останавливает богобоязненного от дела порочного. **Како совершу глагол злый сей, и согрешу пред Богом (Быт. 39:9)**. А кто чист в совести, тот не согласится нарушить и законов дружества. Никакие достоинства его друга не возбудят в нем зависти; напротив, он ими утешается. Снисходит он и к его недостаткам; ибо знает, что совершенство только на небе. При таком взаимном уважении, незлобии, искренности, чистосердечии возможно ли вероломство?

Сии высокие черты дружества мы видим в жизни трех святителей. Григорий Богослов так изображает свою чистую и святую связь с Василием Великим, которая началась и утвердилась в Афинах, где они учились вместе: «Когда мы открылись друг другу, тогда уже стали один для другого все, – и товарищи, и сотрапезники, и родные. Имея одну цель, мы непрестанно возрастали в пламенной любви друг к другу. Нами водили одни надежды, и далека была от нас зависть. Казалось, одна душа в обоих поддерживает два тела. У обоих нас одно было упражнение – добродетель, и одно усилие – отрешаясь от земного, жить для будущих надежд. К сей цели мы направляли деятельность, и друг друга поощряли к добродетели. Нам известны были две дороги: одна – это первая и превосходнейшая, вела к нашим священным храмам и нашим священным учителям; другая, меньшей важности, вела к наставникам внешних наук. Другие же дороги – на праздники, на зрелища, в народные собрания, на пиршества, предоставляли мы желающим»²⁸.

Подобно сему пламенная и святая душа Иоанна Златоуста нашла себе полный ответ в одном молодом, но благочестивом человеке, который потом был поставлен епископом в Сирию. «Много было у меня», говорит он, «друзей искренних и верных. Но один превосходил всех любовью ко мне. Он всегда был неразлучным спутником моим, мы учились одним наукам, имели одинаковые желанья, и когда советовались, какой избрать нам путь жизни, оказались мы согласны в наших мыслях»²⁹. И действительно, этот человек был беспредельно предан святителю. Когда его упрекали, что за неволя ему жертвовать своею честью для защиты несправедливо оскорбляемой чести Златоуста, он отвечал злословившим: «Что ж делать? Не умею иначе любить, как разве жертвуя собою там, где нужно спасти погибающего друга»³⁰. Так в жизни святых оправдывается замечание премудрого, что только «между богобоязненными бывает прочное дружество, потому что они единомысленны» (Сир. 6:17). Если же ныне примеры истинного дружества редки: то, конечно, потому, что ныне и людей богобоязненных немного. Правда и то, что искание дружества никому не вменяется в обязанность. Но так как сердце наше по природе к

нему склонно, и **обретый его, обрете сокровище** (Сир. 6:14): то ищущим дружеского между собою сближения надлежит помнить, что самый надежный путь к сему есть страх Божий и совесть чистая. **Друг верен врачевание житию, и боящиеся Господа обрящут его.** Аминь.

15. Слово в день трех святителей. (Седьмое)

Остави обиду искреннему твоему. Сир. 28:2.

Таков ли, скажут, ныне век, чтобы прощать обиды! Ныне молчание против порицаний почитается признаком виновности, терпение – следствием малодушия, забвение обид вызывает насмешки и новые неприятности. Неудивительно посему, если и одно неосторожное слово делается зародышем судного дела, и суды обременены разбирательством обид, не действием только нанесенных, но и словом.

Правда, на то учреждены суды, чтобы в них судиться; на то положены законы, чтобы ими защищаться. Но если взять во внимание, что люди самое удобство судиться обращают в повод к умножению тяжёбных дел, и что иные, считая себя оскорбленными, прибегают к разным непозволительным средствам, которыми усиливаются удовлетворить своей мстительности: то не излишне напомнить христианам, что не за всякую обиду стоит вступаться, и что лучше простить обидчику, нежели преследовать его даже и законным способом. **Остави обиду искреннему твоему.**

Почему же не взыскивать за обиды, и прощение их не поведет ли к их умножению?

У диких и полуобразованных народов есть обычай родовой мести, по которому не только сам потерпевший обиду вменяет себе в обязанность отмстить за нее, но и родственники обиженного и друзья преследуют оскорбителя, а в случае невозможности настичнуть его, мстят его роду и семейству. Кровь за кровь, – вот закон возмездия. Что же, уменьшается ли число обид при таком кровавом законе? – Нет; смолой нельзя заливать огня. Так и черная месть не может способствовать к прекращению вражды и раздоров. Еще древний мудрец заметил: «Яростная ссора производит кровопролитие. Если подуешь на искру, она загорится; если же плюнешь на нее, погаснет» (Сир. 28:14). Одного колкого слова достаточно, чтобы дикий сын природы вышел из себя. Если б даже и не часты были у дикарей взаимные ссоры, то как велики и продолжительны несчастья, отсюда истекающие! Ибо нередко одна обида омывается кровью многих жертв человеческих. Очевидно, такие порывы мести не могут служить ручательством благоденствия семейного и народного. Диким племенам неизвестно предостережение апостольское, а оно сбывается на них: **Аще друг друга угрызаете и снедаете, блюдитесь, да не друг от друга истреблены будете** (Гал. 5:15).

Законодатель наш, Христос, будучи злословим, не злословил взаимно, – страдая, не угрожал (1Петр. 2:23), и нам дал заповедь о прощении обид. Когда апостол Петр спросил: сколько же раз прощать брату, – не до семи ли? Иисус отвечал: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз (Матф. 18:22). Это Его требование утверждается на Его же обетовании: **Аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный** (6:14). С надеждой на сие и молиться научил Он нас: **остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим**. Ту же надежду подкрепляет в нас и совет премудрого: «Прости своему ближнему обиду; тогда и тебе, если будешь молиться, отпустятся грехи».

Прощение есть лучшее средство возмездия. Это странно, но, в сущности, верно. Кто полнее отмстить может, – Бог, или человек? Когда обиженный сам вступает за себя, он преследует противника или законом, или самоуправно. Последнее не честно; а первое хотя и правильно, но не всегда успокоительно. То может показаться, что взыскание, назначенное судом, не равносильно обиде; то рождается опасение, как бы обидчик снова не обидел. Обиженный чувствует, что ничего больше сделать не может. Между тем суд Божий есть суд праведный и неизбежный. Не всегда мы видим кару Божию над обидчиками; но то несомненно, что раньше или позже она постигает их. Сим апостол успокаивает обижаемых: «Не мстите за себя, возлюбленные; но дайте место гневу Божию. У Меня отмщение; Я воздам, говорит Господь» (Римл. 12:19. Вт. 32:35).

В таком незлобии переносили обиды и три святителя, память которых празднуем. Тяжки были оскорбления, каким они подвергались. «Сердце мое стало связано», – писал опечаленный Василий Великий, – «язык ослабел, рука онемела; едва я не дошел до человеконенавидения»³¹. Что же предпринимал он против обидчиков? Молчал, или благодетельствовал им, как вельможе Модесту, исцелив его от болезни. Только тогда святитель защищался, когда называли его неправославным. «Третий год тому (так начинается он одно свое оправдание), как я переносу клеветы. поелику же иные думают, что я молчу не из великодушия, а потому, что не могу открыть уст против истины: то пишу сие, напоминая, что самое дело защищает меня. Обвинявшие меня в неправославии сами ныне открыто приложились к стороне еретиков»³².

В подобных обстоятельствах болезновал и Григорий Богослов. Сколько ни восставали на него недоброжелатели, он старался победить их кротостью, уступчивостью и благодеяниями. Сперва преследовали его насмешками и клеветами; потом бросали в него камнями; наконец, делано

было и покушение на его жизнь. Однажды, когда он был болен, вошел к нему молодой человек, будто навестить его, и хотел ударить ножом. Совершить преступление не удалось; а святитель тут же простил его, и после, вспоминая этот случай, писал: «Что делали против меня? **Господи! не постави им греха сего** (Деян. 7:60). Так я сказал тогда; и ныне мы **укоряеми, благословляем; гоними, терпим** (1Кор. 4:12). Если же странно для кого, что я, видя насилия, терплю: то благодарю, что кротость вменяют в безумие мне»³³.

Дерзкие обиды наносимы были и святому Златоусту. Ему, между прочим, обращалось в вину и то, что он не делал пиров, беседовал наедине с женщинами. Так превратно истолковывались клеветами его поступки! Он все покрывал любовью, мирился со врагами, благодетельствовал недоброжелателям, и говорил о себе: «Я уже привык терпеть гонения, а не гнать, быть утесняемым, а не утеснять». Злоба гонителей провожала его и в заточении; но подвигу терпения и благодушия пребыл он верен до последних минут жизни. «Слава Богу за все!» – сказал он, и с этими словами скончался³⁴. Аминь.

16. Слово в день трех святителей. (Восьмое)

НАДЕЖДА СВИДАНИЯ ЗА ГРОБОМ

И над всеми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящии преити отсюда к вам, не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят. Лук. 16:26.

Не мало несчастных во всякое время, у которых смерть похищает близких их сердцу людей; а война еще более умножает число вдов и сирот. Страшна разлука на всю жизнь; но эту тяжесть сиротства и одиночества усиливает сомнение, будет ли свидание за гробом. Оплакивающие умерших родных и тех, к кому привязаны были сердцем, ищут уверения, соединятся ли с ними снова на том свете.

Жизнь за гробом не есть жизнь уединенная. Тайнозритель Иоанн видел пред алтарем небесным души убиенных за слово Божие, которым дано было успокоиться в надежде, что их сотрудники и братия дополнят их число (Апок. 6:9–11). Потом видел он еще, что пред престолом и пред Агнцем стояло великое множество людей из всех племен, колен и народов, все в белых одеждах. На вопрос, кто они и откуда пришли, ему объяснено, что они пришли, претерпев скорби великие, и за сие ныне они пред престолом Божиим, и служат Богу день и ночь (7, 9 и след.). Сам Спаситель ученикам и всем верным последователям Своим обещал: **поиму вы к себе. Идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет** (Иоан. 14:3; 12, 26). Следовательно, души, Богу угодившие, по смерти телесной входя в единение с Ним, не разъединены и между собою.

На взаимное общение душ отшедших указывает и нынешний праздник. Спустя шесть веков по кончине трех святителей, усилились между христианами споры о том, кто из них выше и ближе к Богу. Чтобы эти споры прекратить, все они трое явились епископу Евхаитскому, и сказали: «Мы едино есьмы, якоже видиши, у Бога. Повели имущим раздор о нас не разлучатися. Ктому уже в един день нас совокупи и праздник нам состави, и прочим предаждь, яко мы едино есьмы у Бога»³⁵. Из сего несомненное вытекает заключение, что они не лишены в другом мире взаимного между собою общения, и пребывая там в равном достоинстве, могут являться и являлись вместе на земле. События из их жизни и их многие изречения ясно показывают, что они сами твердо верили в общение душ по смерти. Когда сопровождавшие Иоанна Златоустого в заточение, пройдя город Команы, остановились ночевать в подгородном урочище, где в церкви почивали мощи мученика Василиска, который за

сто лет прежде епископствовал в Команах и там принял мученическую кончину; то по наступлении ночи, святителю, не спавшему и молившемуся, явился этот мученик, и сказал: «Мужайся, брат Иоанн! Завтра мы будем вместе». На другой день святой Златоуст, по вере в это предвещание, просил, чтоб его не вели далее; суровые приставники не послушали и пошли; но, видя его изнеможение, вернулись на то же место. Святитель облекся в чистые одежды, приобщился святых тайн, и скончался³⁶. У святого Григория Богослова был любимый брат Кесарий, лишившись которого, святитель, в надгробном слове ему, выражал надежду увидеться с ним в будущей жизни, и говорил: «для чего мне малодушествовать? Дождусь, когда увижу я Кесария не оплакиваемым, не сожалениями сопровождаемым, но прославленным и превознесенным, каким ты, возлюбленнейший из братьев, неоднократно являлся мне во сне»³⁷. А святой Василий Великий к одним почтенным родителям, которых радости и скорби почитал своими, писал по случаю кончины единственного их сына: «не лишились мы сына, но возвратили Давшему его; не земля сокрыла нашего возлюбленного, но прияло его небо. Подождем немного; будем и мы вместе с возжеланным. Время разлуки не велико, потому что все поспешаем к тому же пристанищу»³⁸.

Однако Христос сказал, что **в дому Отца Его обители многи суть (Иоан. 14:2)**, а притчею о богатом и Лазаре вразумляет нас, что для душ отшедших уготованы в другом мире различные места, темные и светлые, между которыми великая пропасть, и хотящие перейти из одних в другие, из худших в лучшие, – не могут.

Из сих наставлений Спасителя следует отнюдь не то, чтобы свидание душ по смерти телесной было невозможно; но то, что их соединение, для совместного сопребывания в другом мире, подлежит ограничениям; для одних не желательно, для других неудободостижимо, а для иных весьма затруднено. Кем же, или чем оно бывает затруднено? И самими отходящими из сей жизни, и остающимися в живых. Их вера и нравы, их образ жизни и дела, их взаимная любовь или ненависть служат предуказанием, будут ли они вместе в мире загробном. Богатый, **во аде сый в муках, узре Авраама издалеча и Лазаря на лоне его**; имел он также уверенность, что увидит подле себя и пять братьев своих, еще остававшихся на земле. Но свидание с Авраамом и Лазарем было для него бесполезно, а переселение к ним оказалось невозможно; соединение же с братьями для него самого не желательно, ибо он предчувствовал, что чрез их мучение увеличится его собственное томление; почему, боясь, что придут они к нему, просил Авраама послать к ним Лазаря для

предостережения. А многочисленность обителей в доме Отца Небесного означает то, что блаженство вечное будет в преизбытке и неистоимо для всех праведников, от века Богу угодивших, сколько бы их ни было. Но как в большом доме хотя и много отделений или комнат, члены семейства и домочадцы свободны, чтобы видеть друг друга; так и в доме Отца Небесного все обители составляют нераздельное царство небесное, и души, в них водворенные, единое, соутешающееся в блаженстве, общество. Теряют там силу узы плотского родства и суетные, земные привязанности; но нет сомнения, что люди, здесь чистое расположение друг к другу питавшие, в равных подвигах добра потрудившиеся, одинаковые скорби перенесшие, в тех же святых внушениях веры себе утешений искавшие, встретятся в одних и тех же святых обителях. Некто из подвижников, заболев и ожидая конца себе, приглашал к себе старца, с которым жил в духовном союзе. Тот уверенный, что увидится с ним в будущей жизни, послал ему сказать: «если ты проживешь до субботы, то приду, а если отойдешь, увидим друг друга в том мире»³⁹.

Итак, где и с кем быть в будущей жизни, о том надлежит заботиться здесь, на земле. Вы **поминаете** прежде отшедших **наставников ваших**, веруя, что их души в царстве небесном. **Взирающе на скончание их жительство, подражайте вере их (Евр. 13:7)**. Лишился отец доброго и непорочного сына, и не оставляет желания, чтобы увидеть его. «Живи», поучает его святой Златоуст, «живи подобно ему, и ты вскоре достигнешь священного оного видения. Помышляй не о том, что он никогда не возвратится в дом твой, но что и сам ты скоро переселишься к нему»⁴⁰. Плачет вдовица о муже умершем, который был истинный христианин, уважаемый в обществе за многие добродетели. Но да слышит она, что советует ей святой **Василий Великий**: «От настоящего обратись душою к попечению о будущем, чтобы и тебе за добрые дела получить одинаковое с ним упокоение»⁴¹. Доколе вы на земле, приобретайте себе друзей на небе, **да, егда оскудеете** в беспомощный смертный час, **примут вы в вечные кровы (Лук. 16:9)**. Аминь.

17. Слово в день трех вселенских святителей. (Девятое)

О МИРОЛЮБИИ

Аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте. Римл. 12:18.

Из сего апостольского изречения прямое вытекает заключение, что не всегда возможно со всеми быть в согласии. Это подтвердилось в жизни и тех великих святителей, которым ныне празднуем.

Святитель Григорий Богослов высоко ценил мир, имея в виду, что им поддерживаются, а от несогласия приходят в расстройство города и царства, дома, супружество и дружба⁴². Когда его хотели поставить патриархом, и епископы на соборе ради его вошли в разногласие, то он стал их просить: «Если я тому причиною, возьмите у меня престол, изгоните меня из города, я все снесу терпеливо, только возвратите мир церкви». Но он был совсем иной, когда дело касалось не лица его, а православия и благочестия. Жаловались еретики на него и гражданскому начальству, покушались даже убить его; но он достиг того, что отнял у них все храмы в Константинополе⁴³.

Любителем мира, но твердым в правде показал себя и Василий Великий. Быв вызван против воли из пустыни и поставлен в сан пресвитера, он ревностно стал трудиться на пользу кесарийской церкви; но как скоро увидел, что ему свои же завидуют и недоброжелательствуют, чтоб их успокоить, опять удалился в пустыню. Через несколько потом времени возведенный на епископский престол, он тщательно хранил мир со всеми, только не с еретиками. Царский вельможа Модест обещаниями и угрозами хотел привлечь его на сторону ариан. Святитель резко ему отвечал, что все угрозы его презирает.

Святой Иоанн Златоуст, как пишется в его житии⁴⁴, «бе любим добрыми и ненавидим злыми». Их ненависть так сильна была, что и людей правдолюбивых они клеветой старались вооружить против него. Даже святой Епифаний, епископ Кипрский, прибыв по делам церковным в Константинополь, не захотел остановиться у него. Святой Златоуст усердно звал его к себе в патриарший дом, и все меры употреблял, чтобы сохранить добрые к нему отношения. Только против тех он был строг, чьи поступки клонились ко вреду и соблазну. Некто полководец Гайна, арианин, за свои заслуги государству требовал, чтоб ему для богослужения отдан был какой-нибудь из столичных храмов. Святой Златоуст прямо сказал царю, что не допустит этого, и убедил его всех ариан выгнать из

Константинополя.

Как святители действовали, так и рассуждали. Когда вельможа царский Модест, не могши поколебать Василия Великого, заметил, что никто так смело еще не говорил с ним, святитель отвечал: «Во всем прочем мы показываем кротость; но когда у нас хотят отнять Бога и правду Его, мы не смутимся ни пред кем»⁴⁵. А святой Златоуст, объясняя напоминание апостольское о миролюбии, говорит: «Превосходно заметил апостол: **аще возможно еже от вас**. Ибо иногда невозможно быть в мире, когда, например, идет речь о благочестии, когда ты заступаешься за обиженного. Если видишь, что нарушается благочестие; не предпочитай согласия истине, но стой за нее мужественно»⁴⁶. И святой Григорий Богослов «не всяким миром» советует дорожить; ибо есть прекрасное разногласие, и самое пагубное единомыслие. Когда идет дело о явном нечестии, тогда скорее должно идти на огонь и меч, нежели прилагаться к зараженным⁴⁷.

Могут быть и ныне такие случаи и встречи, при которых с иными людьми трудно оставаться в согласии. Что, например, общего у христианина искреннего с теми, которые хулят православную веру и смеются над обрядами церкви? Не восстанет ли он против них, с оружием правды и негодования? Или когда новые фарисеи под видом ревности об устройении церковном и служения пользе общественной скрывают свои темные дела и заботятся о собственном обогащении; то долг совести требует не только им не помогать, но их по возможности изобличать и ограничивать.

Равным образом никакой миролюбивый и честный человек не захочет быть в союзе с притеснителями, которые преследуют невинного, обижают ближнего. – К сожалению, не эти только и подобные важные причины ведут к прерыву взаимного между людьми согласия; часто дело церковное, общественное совсем забывается, и одно оскорбленное самолюбие выступает на свою защиту. От чего между нами большею частью бывает раздор? Один другому неосторожно сказал, один над другим заочно посмеялся, не сделал ожидаемой услуги, не оплатил посещения, или не оказал каких-либо других знаков уважения. Довольно бывает таких маловажных причин, и хорошие знакомые между собой делаются врагами. Мы упускаем из внимания, что вражда есть великий грех; апостол прямо говорит: «кто немирлюбив, тот не узрит Господа» (Евр. 12:14). Посему он и внушает христианам жить миролюбиво, и не подавать взаимно повода к раздору: «Сколько зависит от вас, со всеми живите в мире». Аминь.

18. Слово в день трех святителей. (Десятое)

ТРУДНОСТЬ ДОБРОДЕТЕЛИ И УЧИТЕЛЬСТВА

Иже сотворит и научит, сей велий наречется в царствии небеснем.
Матф. 5:19.

На основании сих слов Христовых три святителя, которым ныне празднество, называются великими. Видно не малый труд творить и учить, когда за то и другое вместе обещана такая великая почестъ и в царстве небесном.

Как трудна добродетель, это сам на себе каждый может испытать. Не говорим о посте, молитве, девстве и других духовных подвигах, о которых многие люди светские не имеют и правильного понятия; возьмем дела человеколюбия и обязанность обуздывать себя. Иной очень хорошо рассуждает о помощи бедным, а сам, хотя и имеет достаток, затрудняется и малое приношение в их пользу сделать, извиняя себя своими нуждами, предстоящими расходами и заботами о своем семействе. Следовательно, нужно победить в себе привязанность к своим стяжаниям, чтобы уделить из них что-нибудь нищим. А препобеждать свои пристрастия и привычки нельзя без усилия над собой. Неприятно, кто при нас скажет о ближнем что-либо резкое, злоречивое; а между тем свой язык никак привязать не можем. Посему апостол Иаков и заметил, что **кто в слове не согрешает, сей совершен муж** (3:2). Вспомним также порывы раздражительности, как часто человек вспльчивый от ничтожных причин воспламеняется гневом. Прежде нежели он войдет в себя, овладеет своим чувством, он уже наделает не мало дерзостей и оскорблений другим, а потом сам начинает жалеть и раскаиваться. Посему даже язычники признавали, что величайшая из побед есть победа над собою.

От юности три святителя, при добром воспитании, привыкли строго вести себя. Беспрекословное повиновение родителям, дух страха Божия, хранение душевной чистоты и воздержание, скромность в словах и мягкость в обращении с другими, удаление от всего соблазнительного, – вот черты, отличавшие этих юношей. А когда пришло время быть им на епископском престоле, сии святители, по примеру Пастыреначальника Христа, который **начат творити же и учити** (Деян. 1:1), и сопровождали своим дивным подвижничеством свое пастырское учение. Их воздержание простиралось до умерщвления плоти, их любовь – до прощения врагам, их ревность по правде – до самоотвержения, их святость – до чудотворения. Потому за свои великие дела они достойно названы великими.

Трудное дело и духовное учительство. Сам Златоуст, хотя получил это имя за свое красноречие, уклонялся от священства, боясь, между прочим, проповеднической обязанности. То же известно и о Григории Богослове. В чем же трудность? По-видимому, исполнять трудно, а учить легко. Нет, опыт показывает иное. Излагать истины веры нужно так, чтобы они и для простых сделались понятны. Но тут требуется осторожность, как бы и священных предметов не унизить просторечием, и не оставить их мало вразумительными, допустив ученость изложения. Их изъяснение нужно и для людей образованных. Приезжал в Иерусалим на поклонение один вельможа из Эфиопии; на обратном пути, сидя в коляске, он читал библию; подходит к нему апостол Филипп, и спрашивает: «понимаешь ли, что читаешь?» – Тот сознался: «как мне понять, если мне не растолкуют?» Затем он попросил апостола сесть с ним вместе, и слушал его толкование (Деян. 8:27 и след.). Могут быть и ныне люди, в обществе значительные, но в предметах духовных малосведущие, и ищущие наставлений от пастырей церкви, которые посему сами должны знать истины веры точно и непогрешительно, чтоб не ввести других в заблуждение. Тут недостаточно одного благочестия, а нужно православное образование. И наших отечественных расколоучителей нельзя назвать худыми по жизни, – они воздержны и ревнители обрядов; но примешивая к учению неправые мнения, они являются слепыми вождями слепых. В предостережение духовного учителя, апостол Павел напоминает ему: **Внемли чтению, наставлению, учению, и пребывай в них: сия бо творя, и сам спасешия, и послушающи тебе** (1Тим. 4:13–16). Но здесь новое ожидает затруднение в том, что не всем слушающим угодить можно. Надобно говорить правду, а она обличает и колет. «Многие, признается святой Златоуст, не перенося тяжести слов моих, по выходе из церкви изъявляли мне негодование. Но я отвечал им, что я не свои заповеди им предлагаю, а читаю письма, нисшедшие с неба; и тот, кому вверено такое служение, должен или все, содержащееся в них, объявлять смело, или, боясь неприязни слушателей, терять свое и их спасение через такую угодливость. Если бы я молчанием мог прикрывать грехи, то каждый справедливо негодовал бы на то, зачем я их изобличаю. Если же хотя бы мы и молчали теперь, грехи непременно будут обнаружены там на небе; какая может быть вам польза от нашего молчания? Напротив, если теперь стану говорить, то приведу кого-нибудь в покаяние и сердечное сокрушение»⁴⁸.

Посему можно судить, как был велик и труден подвиг вселенских учителей. Они учили и обличали, хотя обличаемые на них гневались; они

излагали и защищали учение православное, хотя еретики против них вооружались. Их писания для всех православных должны служить руководством, в каком бы веке и месте кто ни жил. Святой Григорий Богослов глубокомысленно изложил учение о Сыне Божиим; святой Василий Великий изъяснил божественное достоинство Духа Святого, и составил устав иноческого жития; святой Иоанн Златоуст, изъяснитель слова Божия, проповедник покаяния, есть руководитель всякого, кто и в мире хочет жить для Бога, есть утешитель несчастных и печальных. Сии трубы Духа Божия не престанут издавать глас свой, доколе не вострубит труба архангела и не позовет нас к ответу в том, как мы пользовались средствами спасения.

Будем же внимательны к тому, чему учат нас сии наставники наши; постараемся исполнять их полезные внушения, и при их помощи сохраним чистоту своей души и надежду вечной жизни. Аминь.

19. Слово в день трех святителей. (Одиннадцатое)

О всем же сам себе подавай образ добрых дел, в учении целость, честность, нетление, слово здоровое, неззорное. Тим. 2:7.

В отличительных названиях святителей, которым посвящен этот храм, указывается сила их слова. Святому Григорию усвоено именование «Богослова»: **якоже бо глубины Духа искавшу, и доброты вещания приложишася ему**⁴⁹. Василий Великий назван так потому, что силен был не только делом, но и словом, **имже боголепно учил**⁵⁰. Иоанн воистину Златоустый, потому что речь его была золотая по чистоте, твердости и блеску.

И в сей обители учения должны приготовляться художники слова⁵¹. Какого же слова? Слова чистого, здорового, неззорного, которого требует апостол от священников.

Таким словом говорили и писали воспоминаемые нами вселенские учителя; таким словом учить народ заповедали и нам. Они в словесном искусстве видели средство служения Богу, приятную жертву Ему. «Приношу слово, говорит Григорий Богослов, как самую приличную жертву Богу, дар, который чище злата, дороже драгоценных камней»⁵². «Блажен, со святым Златоустом, и тот духовный учитель, кто может по совести сказать, что располагает и направляет свое учительство к угождению Богу»⁵³.

Но для сего нужна целость слова, неповрежденность, чистота. Оно должно быть чистым не только в том отношении, чтобы не содержало в себе мыслей ложных, учению православному противных, но и в том, чтобы не допускало выражений неприличных, оскорбительных для духовного вкуса. «Боюсь, говорит Григорий Богослов, чтобы чего не потерпеть, нечисто прикоснувшись к Троице. Остерегайтесь, иереи, как бы ваш язык не прозвучал чего-либо нестройного»⁵⁴. А святой Златоуст, объясняя изречение апостольское, – **право правяща слово истины**, – внушает: «отделяй неправое, отсекай мечем духовным все, чуждое проповеди»⁵⁵.

Без этой заботливости слово не может быть здоровым. Слово здоровое тоже, что здоровая пища. Вещества, питающие наше тело, не те лучше и полезнее, которые больше по объему и тяжелее по весу, а те, которые более в себе содержат питательных частиц и сохраняют свою свежесть и доброкачественность. Так и пища словесная должна служить здравью душевному; ее питательная сила не в многоглаголении состоит, но зависит от живительных соков истины Христовой. Здоровое слово «всегда с

благодатию, приправлено солию» (Кол. 4:5), не тою, которая в виде насмешки ядовита и горька, но солью, укрепляющею твердость речи против возражений. **Слово гнилое** не должно исходить (Еф. 4:29) из уст учителя; а такое слово всякое праздное; праздным же святой Василий называет то, которое «клонится не к предположенной о Господе потребе», и есть одно суесловие. Оно только занимает слух, рассеивает душу, а не дает назидания⁵⁶. «Если ты, предостерегает Златоуст, возбудишь смех, или, что еще хуже, похвалишь порок, то ты расстраиваешь, а не созидаешь»⁵⁷. Тот степенный учитель, который клонит свою беседу к назиданию, к разъяснению истины, к пользе слышащих.

«Сила слова зависит от учения; нужно упражнением развивать ее. Даже и отлично владеющие словом нуждаются в упражнении, для сохранения этой силы»⁵⁸.

Сие напоминание святого Златоуста тем более должны помнить учащиеся словесному искусству, еще не приобретшие навыка в нем. Для них любопытно и дорого знать, как усвоить себе качества сильного слова. Первое к сему средство то, чтобы ничего не говорить, не обдумавши; ничего не писать, не размысливши. Это советует и ветхозаветный мудрец: «Говори, юноша; но прежде, нежели начнешь, обдумай» (Сир. 32:9,18,19). Сей совет Василий Великий так прилагает к проповеднику: «Надобно обдумывать, что будешь говорить, и потом пускать слово в народ»⁵⁹. Затем не следует забывать и другое наставление древнего мудреца: «Словам твоим сотвори вес и меру (Сир. 28:29); старайся сказать многое в немногих словах (32, 9); ибо многоречивый опротивеет » (20, 8). Полезно для сего заботиться о точности выражений, и о том, чтобы в речи не вращалось повторение одних и тех же мыслей. Пример сжатости языка в писаниях Григория Богослова, который, по собственному его замечанию, «прилагал дверь к устам своим», чтобы «не вылилось лишнее слово»⁶⁰. О том, что нужно черпать мысли из чистых источников, нет повода напоминать; ибо несомненно, что здесь преподается чистое учение и даются в руки юношам добрые пособия. Но нельзя их охранить, чтобы вне стен сей учебной обители они нигде не встречались с произведениями печати, в которых хорошее смешано с худым, и вредное прикрывается видами благонамеренности. «Со всем этим обращайся благоразумно», остерегает Григорий Богослов, «собирай полезное, но с рассудительностью избегай того, что в писателе вредного; подражай пчеле, которая садится на всякий цветок, а берет только полезное; заметив дурное, лети скорее прочь»⁶¹. Наконец, если бы и приобретен был желаемый успех в словесном искусстве, должно всегда помнить его высшую цель, и остерегаться

гордости ума. «Образовавшие в себе дар слова», заключает тот же святитель, «не слишком полагайтесь на сей дар; не мудрствуйте до излишества и паче разума. Принесите слово в дар Слову; обратите свою ученость в оружие не смерти, а правды»⁶² и спасения. Аминь.

20. Слово в день трех святителей. (Двенадцатое)

Имущеим таинство веры в чистой совести. 1Тим. 3:9.

Такими, по апостольскому учению, подобает быть вступающим в священный сан. поелику же в сей учебной обители⁶³ приготавлиются юноши к священному званию; то сказанное апостолом прямо их касается, и они обязаны заботиться заблаговременно о чистоте своей совести, как сосуда для хранения сокровища в еры. В этом руководствуют нас и великие святители, которым посвящен здешний храм.

Что такое таинство веры, – апостол сам объяснил, дальше сказав: **веляя есть благочестия тайна: Бог явился во плоти (1Тим. 3:16)**. Как Бог соделался человеком, как смерть Богочеловека спасает нас, то непостижимо для ума, а как тайна, веруется сердцем и хранится в совести. Проповедовать сию тайну в народах, служить ей назначаются пастыри церкви.

Чистота совести то же, что и **непорочность**, требуемая апостолом (1Тим. 3:2) от священнослужителей. Это есть безукоризненность, не одна внешняя, направляемая к тому, чтоб никто со стороны не имел повода сказать о священном лице что-либо дурное, а главным образом внутренняя, с которою не совместны не только действия, но желания и намерения, противные чести и закону, при которой совесть чиста, как белая ткань, при которой сердце спокойно, ибо **не уязвися печалию греха (Сир. 14:1)**.

Такой чистоты душевной требует и самое свойство священного служения. «Когда священник призывает Святого Духа и совершает страшную жертву, подумай, каковы должны быть руки, служащие таинству, каков язык, произносящий слова? Не всего ли чище и святее душа, принимающая этого Духа?»⁶⁴. Служившим сени (Евр. 13:10) сказано было: **Очистите себе, носящие сосуды Господни (Ис. 52:11)**. Не более ли должны быть предочищены ныне подъемлющие в сосудах самое тело и кровь Сына Божия? Далее, на обязанности пастыря духовное врачевание и назидание других. К сему опять необходимое условие чистота его собственной совести. О своем родителе святой Григорий Богослов заметил: «Он принял священство не с такою опрометчивостью, как делается сие ныне, но тогда, когда уже ничего не было пренебреженно, чтобы, по очищении себя самого, приобрести опытность и силу очищать других»⁶⁵. «Учитель, присовокупляет святой Златоуст, должен сначала научить себя самого»⁶⁶. Во всем подавай пример добрых дел, являясь, как

образ пред другими, как устав жития благого»⁶⁷. Пример добрый назидает, худой развращает. Посему и святой Василий Великий напоминает, что «диаконы и пресвитеры должны быть поставляемы неукоризненные, заслужившие одобрение прежнею жизнью»⁶⁸.

Нечистая совесть подобна невымытому и гнилому сосуду: в нем прозрачная вода делается мутною, а благовонное вещество теряет свой приятный запах. Так в испорченной душе может повредиться и ее верование, отлететь от нее **воня Христова благоухания** (2Кор. 2:15). Апостол свидетельствует, что **благую совесть нецыи отринувше, от веры отпадоша** (1Тим. 1:19). По изъяснению Златоуста, «когда становится предосудительною жизнь, тогда возникает и неправое учение»⁶⁹. Для того, например, чтобы не терзаться страхом будущего, люди порочные стараются убедить себя, что ложны угрозы относительно суда и мздовоздаяния по смерти. Таким образом, и между священнослужителями иные, утратив благую совесть, впадали в неправомыслие, и привыкали смотреть на свое благодатное служение, как на гражданскую должность, как на ремесло, дающее средства к жизни. «Мне стыдно», – восклицает в негодовании святой Григорий Богослов, – «стыдно за других, которые, с неумытыми, как говорится, руками, с нечистыми душами, берутся за святейшее дело, и прежде нежели сделались достойными приступить к священству, врываются в святилище, как бы почитая сей сан не образцом добродетели, а средством к пропитанию»⁷⁰.

Кто готовит себя к священству, тот всемерно должен стараться об очищении своей совести. К сему решительное средство – осторожность против всего предосудительного и порочного. Грех подобен **змию: аще пристуниши к нему, угрызнет тя** (Сир. 21:2). И если уже он нанес раны душе, надобно спешить, чтобы их омыть и исцелить. **Измойтесь, чисти будите** (Ис. 1:16). Для сего нам даны таинства покаяния и причащения. **Кров Христова очистит совесть нашу от мертвых дел, во еже послужити Богу живу и истинну** (Евр. 9:14). Хотя «совесть», по выражению святого Григория Богослова, «есть неложное в нас судилище»⁷¹; но доколе чиста; ибо и она, как все наше душевное устройство, может повреждаться, и из доброй превратиться в лукавую. Тогда она называет и черное белым; омрачаемая страстными влечениями сердца, бывает снисходительна к действиям худым, и при частом повторении их, начинает слабо упрекать за них, даже изыскивает извинения для них. Посему и молимся, чтобы не дал Господь сердцу нашему уклоняться **в словеса лукавствия** для извинения греховных дел (Пс. 140:4). Но кроме молитвы нужно прилежное

наблюдение, чтобы в нашем сознании, на нашем внутреннем судилище всегда были открыты скрижали закона, для правильного обсуждения наших поступков, и чтобы не притупилась чувствительность совести в различении добра и зла (Евр. 5:14). В сем надзоре за собою вам могут помогать преподаваемые по священным предметам уроки, душеполезные книги и советы людей, опытных в духовной жизни. Чтобы вам не искать далеко таких советников, новым уставом сего заведения учреждена должность духовника, которому «предоставляется вести с ученикам духовные беседы». К нему каждый будет, когда захочет, обращаться с помыслами своей души, с недоумениями и смущениями совести, с вопросами, как в том или другом неожиданном, затруднительном и неудоборешимом случае поступить. Святой Василий Великий, рассуждая о нужде избирать духовного наставника и покоряться ему, говорит: «Всего труднее знати врачевать себя самого; потому что людям природно самолюбие, и каждый, по пристрастию к себе, превращает истинный суд. Но удобнее может познавать и врачевать нас другой»⁷².

Самое же необходимое, без чего все прочее будет недействительно есть наше собственное усердие к очищению сердца и совести. Посему святитель советует: «Путник ли ты⁷³, призываемый к священству и «подобный молящемуся: **стопы моя направи (Пс. 118:133)? – Внемли себе**, не совращайся с пути, не уклоняйся направо, или налево», и когда сделаешься пастырем, «во всем остерегайся, чтобы самому не увлекаться негодными нравами, и что вкралось в сердце худого, из менять на лучшее»⁷⁴. Аминь.

21. Слово в день трех святителей. (Тринадцатое)

О БЛАГОПРИЛИЧИИ, СВОЙСТВЕННОМ СЛУЖИТЕЛЯМ ЦЕРКВИ

Сия пишу тебе, да увеси, како подобает в дому Божии жити, яже есть церковь Бога жива. 1Тим. 3:15.

Это апостол Павел сказал о своих наставлениях, которые написал Тимофею для того, чтобы он и прочие священнослужители знали, как в дому Божиим, в церкви Божией жить и поступать.

Цель сего заведения⁷⁵ та, чтобы готовящиеся здесь к духовному сану заблаговременно научились, как проходить священное служение, как в обществе церковном обращаться.

Основным руководством к сему служат наставления апостольские, которые своим словом и примером уясняют нам три великие святителя, им же ныне празднество.

Чтобы быть принятым в хорошем обществе, надобно знать требования благопристойности. В обществе церковном имеются свои правила благоприличия, строго обязательные для тех, которые готовятся быть и делаются в нем руководителями. Сие самое внушает апостол, когда говорит, что священнослужителю подобает быть багоговейну, честну (1Тим. 3:7). Эта честность есть, но изъяснению Василия Великого⁷⁶, благоприличие; оно, удерживая душу священнослужителя на высоте багоговения, выражается во всем его поведении. Соблюдение сего церковного благоприличия служит признаком, по которому легко отличить священнослужителя, вполне соответствующего своему званию, и которое возвышает его над прочими христианами.

Обратимся к сравнениям. Читать Библию надобно всякому христианину; но «приемлющему священническое достоинство потребно изучать ее, разуметь ее, со истолкованием»⁷⁷, то есть, в такой степени, чтоб изъяснять ее и другим. Посему апостол Павел поставлял великим приобретением для Тимофея, что тот измлада знал Священное Писание (2Тим. 3:15). Посему и святой Григорий Богослов говорил о себе: «Я – первый из упражняющихся, или, по крайней мере, из желающих упражняться в Божием слове. Я никогда не предпочту сему занятию чего-либо другого»⁷⁸.

Извинительно мирянину, если он, зная житие святого, имя которого носит, не знает о многих других угодниках Божиих. Но прилично ли священнику не знать ничего о святом, житие которого известно, и имя

которого сам нарекает младенцу? Великие святители иной пример нам подадут: они не только собирали сведения о святых своих предшественниках, но «увеселялись славою мучеников, восхищались кровью подвижников», говорили о них в своих поучениях⁷⁹.

Похвально и спасительно, если мирянин часто ходит в храм Божий, и старается понять, что там видит и слышит. Но нельзя еще его безусловно обвинять, если он, удерживаемый своими занятиями, иногда и опустит богослужение, или, находясь в храме, не знает, что должно быть пето и читаемо. Напротив, для священника храм есть должностное место его пребывания; здесь он обязан бывать неопустительно; здесь должна витать душа его. По замечанию Григория Богослова, не следует быть и в священном чине тому, «кто не зрел еще, как должно, красоту Господню»⁸⁰. А кто соделался уже служителем престола, тот должен быть проникнут чувством, что он «стоит с ангелами, славословит с архангелами, священнодействует со Христом»⁸¹. Священник должен твердо знать не только состав и порядок богослужений, но разуместь их дух и смысл; он есть блюститель церковных учреждений; он есть их истолкователь. Сам Господь повелел: **Вопроси иереев о законе (Агг. 2:13). Понеже устне иереови сохраняют разум (Малах. 2:7)**; должны хранить ведение, давать разъяснение постановлений церковных и всего того, что по православному чиноположению действуется, и почему так, а не иначе совершается.

Такой высоте служения должна соответствовать и высота жизни. Сами миряне, которые взаимно прощают друг другу важные недостатки и пороки, строго судят священника, и то, что себе почитают позволительным, для него признают неприличным. Строго и нам самим нужно судить себя.

Когда священник совершает таинства, какой потребуем от него чистоты, какого благоговения?⁸² На этот свой вопрос святой Златоуст отвечает⁸³ словом апостольским: «священнику надлежит быть **непорочну (1Тим. 3:2)**, быть светлее светильника, вести жизнь безукоризненную». «Сидящие на высоте священства видны всем, и малое погрешение в них кажется великим. Все измеряют грех их не значением дела, а достоинством согрешающего»⁸⁴.

Закон приличия простирается на всю внешнюю жизнь священника. В своем домашнем и семейном положении, в знакомствах, в разговорах, в удовольствиях, в занятиях, так называемых, невинных, в одеянии, телодвижениях ему следует соблюдать великую осторожность. Много мест и собраний, где светскому человеку быть не предосудительно, а

священнику не свойственно. И там, где быть ему позволительно, он должен ни на минуту не забываться, но хранить невредимую ту печать, которую положила на него благодать хиротонии. Какую мудрую осторожность наблюдали во всем житейском великие святители! Современники Василия Великого обращали «к его славе бледность лица его, отращение волос, тихость походки, медленность в речах, задумчивость и углубление в себя, вид одежды, приемы при вкушении пищи, во всем простоту»⁸⁵ и естественность. А святой Григорий Богослов говорил о себе: «Не высчитываем мы годовых и ежедневных доходов, не тщеславимся грузом и приправами стола. Не поставишь мне в вину, что я не говорлив, не забавен, не посещаю народных собраний. Не расслаблял я сердца музыкальными звуками, нежно потрясающими слух. И серебро и золото предоставлял я другим. Мое богатство – Христос»⁸⁶.

Кто чувствует склонность к священному сану, на том лежит забота, чтобы усвоить себе его дух, узнать, что сему званию прилично и что ему не соответствует. Ошибаются те, которые думают, что по принятии сана можно изучать обязанности, с ним сопряженные, оставить навыки, с ним несообразные. Как трудно искоренить в себе старые привычки, это сознают люди, поработившиеся им. Лучше совсем не привыкать к тому, что грозит порабощением; или заранее исторгать из сердца дурные влечения, доколе не усилились. «Священство не виновно в пороках священников; его пятнают люди, которые, не изучив наперед своей души, не сообразив важности дела, охотно принимают сан, а когда приступают к делу, по своей неопытности, наносят величайший вред народу»⁸⁷.

Итак, кто хочет быть верным своему призванию, **внимай чтению, наставлению и учению, и пребывай в них (1Тим. 4:13–16), да увеси, како подобает в дому Божии быти. Аминь.**

22. Слово в день трех святителей. (Четырнадцатое)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО С ЦЕРКОВНЫМИ СЛУЖБАМИ, КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ ПОСТУПЛЕНИЯ В ЦЕРКОВНЫЙ КЛИР

И сии убо да искушаются прежде, потом же да служат. 1Тим. 3:10.

Такое дал повеление апостол Павел о диаконах. Но оно простирается и на всех, желающих поступить в клир церковный. **Сии да искушаются, да испытываются прежде**, потом могут быть допускаемы к служению.

Первым предметом испытания есть непорочность. Нужны люди жизни незазорной; опороченных воспрещается допускать к священному сану.

Затем, ищущие сего сана испытываются и в вероучении. Тот недостоин священства, кто недостаточно знает православные догматы и закон Христов.

И это не все; есть еще предмет испытания весьма важный и нужный, на котором остановим теперь наше внимание. Желающие служить алтарю, должны знать чин, устав и порядок священнодействий, понимать их духовный смысл. Святой Василий Великий, указав на обычай, по которому церковнослужители принимаемы были с строгим испытанием, поставил правилом (89), чтобы исследуваемо было и то, «наставляют ли они свою юность, да возмогут совершати святыню». Внешним образом **совершати святыню** можно не иначе, как в точности исполняя молитвословия и обряды, из которых слагается состав богослужений, и следственно готовящиеся к сему совершению обязаны изучать их чин и порядок.

Седьмой вселенский собор заповедал (прав. 2), чтобы ищущий священства непременно знал Псалтирь, а потом и другие богопреданные словеса. «Аще не усердствует тако творити, да не рукополагается. Ибо пророчественно рек Бог: **Яко ты умение отверг еси, отвергну и Аз тебе, еже не жречествовати Мне (Ос. 4:6)**. Почему же прежде других книг в правиле упоминается Псалтирь? – Потому, что больше других и чаще употребляется в богослужении, и чтецу необходимо ее знать, как и когда она в храме читается, и чтобы читать ее непреткновенно и со смыслом. Отсюда и произошло имя **псаломщика**.

В древней церкви не спешили принимать священный сан, как сие показали на себе и три великие святителя, которым ныне празднуем. Григорий Богослов долго уклонялся от святительского сана, хотя и помогал родителю в пастырских трудах. Василий Великий был пять лет

чтецом, а Иоанн Златоуст десять. Но, не принимая пастырства, они глубоко разумели, чего требует оно. И правилами соборными⁸⁸ предписывалось, не скоро возводить с одной священной степени на другую. Цель этого законоположения та, чтобы лучше раскрывались убеждения и нравы клирика, и чтобы он сам ближе видел и полнее узнал обязанности, его ожидающие. Посему и у нас духовные воспитанники призываются читать и петь в храме, прислуживать в алтаре, и преподается им особенная наука, изъясняющая состав и дух богослужений, а старшие возрастом, еще учась, поставляются на степень чтеца.

Между тем, все ли, ищущие священного сана, стараются приобрести знание его обрядовой стороны? Напротив, многие думают, что оно само собою придет.

Если бы это было так, то не повторялись бы при богослужении погрешности, в которые впадают иереи молодые, а иногда и старые. Круг церковных служб разнообразен, и состав молитвословий многосложен. Святые отцы⁸⁹ рассуждают: если надобно учиться, что бы быть врачом, живописцем, зодчим; то необходимо, чтобы и «вступающий на путь священного звания наперед хорошо узнал все, и потом уже начинал служение». – Надобно наблюдать, что совершается в храме; «прежде надобно соделаться достойным церкви, потом и алтаря. Мог ли я», заключает Григорий Богослов, «облечься в сан иерея, пока уста мои не наполнились духом изрекаемых таинств, пока мой язык не сделался органом божественного сладкопения?»⁹⁰.

Нельзя извинять молодостью священнослужителей их ошибки. Руководственные книги наши предостерегают, что всякий, ошибочно и небрежно совершающий службы священные, соблазняет и грешит. И действительно, какое навлекают на себя порицание и осмеяние те священнослужители, которые препинаются, останавливаются, недоумевают, что читать и произнести, что делать прежде, и что после! «Само священство справедливо обвинит худо исправляющих его, и молодых, которые, помрачаемые неопытностью, наносят народу величайший вред»⁹¹. К ним простерто грозное слово: **проклят всяк, творящий дело Божие с небрежением (Иер. 48:10)**. А это есть уже небрежность, когда новорукоположенный впадает в ошибки, которых чрез предварительное соображение и изучение богослужебного устава мог бы избежать.

Священнодействия наши пред всеми открыты. Бывали случаи, что их чин и порядок отчасти усвоили себе и юные отроки. Близ Александрии, на берегу моря, играли дети; но игра их была необычайная. В ней подражали

они епископу и всему тому, что обыкновенно совершается в церкви; окрестили несколько малых язычников, своих сверстников, кратко огласив их в веру христианскую. Патриарх святой Александр, узнав о сем и уверившись, что они совершили все по уставу церкви, дал повеление окрещенных ими не перекрещивать⁹². Так хорошо дети знали чин богослужений, и примечательно, что между ними главным действователем был Афанасий Великий, впоследствии архиепископ Александрийский.

Стыдно ныне готовящимся к священству не знать того, что в древности знали малые дети. В отношении к священному сану, по замечанию Григория Богослова⁹³, «лучше рассудительная медлительность, нежели неосмотрительная поспешность». – Если же кто желает скорее принять сей сан, тот да не медлит и да поревнует готовиться к нему, как должно. **Внемлите чтению и учению (1Тим. 4:13)**. Аминь.

23. Слово в день трех святителей. (Пятнадцатое)

О БЕСКОРЫСТИИ СЛУЖИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ

Не мшелоимцу, но кротку, не завистливу, не сребролюбцу. 1Тим. 3:3.

Этого требует апостол Павел от всякого, кто желает быть священником. **Мшелоимство**, – что означает взяточничество, – вообще любостыжательность и сребролюбие должны быть совсем чужды душе священнослужителя.

К сожалению, не все те, которые приготавливаются к принятию священного сана, имеют одни чистые, бескорыстные побуждения к нему. Иной не стыдится не только думать, но и говорить, что он прежде всего должен позаботиться об обеспечении себя и своего семейства. А от такого взгляда происходит, что нередко молодые священнослужители, не удовлетворяясь полученными местами, домогаются переходить на другие, более выгодные, более благоприятствующие их корыстным видам.

Совсем напротив рассуждали ныне празднуемые великие святители, которых наставлениям обязаны мы следовать, которых действиям и житию должны мы подражать. Один из них, Василий Великий, еретику, правителю области, который, между прочим, угрожал отнять у него имущество, безбоязненно отвечал: «не подлежит описанию имуществ, кто ничего не имеет; разве потребуешь от меня и этого рубища и немногих книг, в которых состоят все мои пожитки»⁹⁴. Другой, Григорий Богослов, говорил о своих ненавистниках: «чем они оскорбят меня? – Отнимут имущество? – Какое? Если мое: то пусть подрезывают крылья, которых я не подвязывал»⁹⁵. И серебро и золото предоставлял я другим. Для меня приятен кусок хлеба, сладкая приправа – соль, и питье трезвенное – вода»⁹⁶. Третий, Иоанн Златоуст, когда предстояла ему ссылка, утешал плакавших о нем: «чего, скажи, бояться нам? – Отнятия ли имущества? Но **ничтоже внесохом в мир сей** (1Тим. 6:7). Не боюсь я бедности, не желаю и богатства»⁹⁷.

Правда, что такие примеры полны самоотвержения и трудны к подражанию. Но между некорыстолюбием и совершенною нестяжательностью есть своя постепенность. Высшее совершенство – отдавать все и не иметь ничего; а всем доступное качество – хранить себя от жадности к стяжаниям, от страсти к прибытку. От нее предостерегать себя должен всякий, кто вступает в сан священник.

Нельзя священство ставить в ряду обыкновенных способов содержания. Можно рассуждать о ремеслах, какое выгоднее, о предметах

промышленности и торговли, какой прибыльнее, о должностях, какая приносит больше вознаграждения. А священство есть звание, которое выше всякого искусства и художества, несравнимо ни с каким занятием земным, житейским и гражданским. Оно есть служение небесное, духовное, благодатное. Какую же ценою может быть определено его достоинство? «Благодать не продаема». О ней Христос первым и последним в мире священнодействителям сказал: «даром вы приняли, даром и давайте (Матф. 10:8). За благодатные дары нет платы и возмездия. Во времена Григория Богослова некоторые откладывали свое крещение, между прочим, потому, что не имели, чем принять крестителей. Святитель такому внушает: «Не занимайся мелочами в делах важных; таинства важнее видимого; самого себя принеси в дар; напитай меня своею жизнью. Из великого для Бога ничего нет, чего бы не дал и нищий»⁹⁸. Если же нельзя за таинства чем-либо оплачивать, то тем более постыдно смотреть на благодатное звание, как на источник приобретения. Какого достоин презрения и какому пред Богом подлежит ответу тот, кто захотел бы принять христианство из корыстных видов, – что замечается между евреями? Не меньшего заслуживает порицания и тот, кто вступил бы в священный сан потому, что быть священником выгодно. Иоанн Златоуст, указывая в распорядителе церковного имущества различные достожелательные качества, говорит⁹⁹, что «прежде всего он должен иметь бескорыстие: без него он скорее был бы грабителем, нежели предстоятелем».

Посему закон церковный весьма строго преследует любостыжательность в клире, которая чаще, нежели в других видах (лихоимство, корчемство, торговля¹⁰⁰, выражается в вымогательстве за духовные требы. Шестой вселенский собор (пр. 23) постановил: «ни кто из священнослужителей, преподавая святое причастие, да не требует от причащающегося денег, или чего-либо иного. Аще же кто усмотрен будет требующим какого-либо воздаяния, да будет извержен». То же подтверждает и седьмой вселенский собор (пр. 19): «Аще кто из священнического чина усмотрен будет в мерзости сребролюбия, да престанет, или да будет извержен. Ибо, якоже глаголет Великий Василий, не потребно все, чего начало нечисто». Святитель этот¹⁰¹, разъясняя тяжесть святопродавства и указав, что иные не считают грехом, если берут по совершении таинства, говорит: «Взяти, когда бы то ни было, есть взяти. Итак, да не делают себя недостойными совершати священные таинства, оскверняя руки свои лихоиманием». Стыдится святой Григорий Богослов за тех иереев, которые «с нечистыми душами берутся за святейшее дело, и

врываюся в святилище, как бы почитая сей сан не образцом добродетели, а средством к пропитанию»¹⁰².

Однако апостол напоминает древнее установление о пропитании священнослужителей: **не весте ли, яко делающии священная, от святилища ядят (1Кор. 9:13)! – Ядят**, а не сказано: **обогащаются**. По изъяснению Златоуста, сим выражается умеренность, и внушается, что священник «должен не желать ничего, кроме необходимого, не должен собирать имущества и обогащаться»¹⁰³. Сие самое пишет апостол Павел к Тимофею: **имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем. А хотящии богатитися впадают в напасти (1Тим. 6:8–9)**. Посему закон церковный допускает только добровольные приношения в пользу клира, и воспрещает священникам вымогательство, да довольствуются тем, что восхощет дати приносящий»¹⁰⁴.

Иной подумает, как это скудно и неутешительно. Но разве кого насильственно принуждают быть священником? Всякому из вас предоставлена свобода избирать род жизни и занятий, и что прямее, что честнее, – уклониться ли от священного сана, или священствовать к посрамлению духовного звания? Иерей, алчный к стяжаниям, каковы бы ни были его достоинства, не может быть украшением церковного клира. Страсть корысти ненавидима в обществе. А между тем она неисцельна, если душа, к ней склонная, не примет заблаговременно мер к ее искоренению. Ибо корыстолюбие не знает сытости; сребролюбец никогда не скажет «довольно»; ему всегда мало. Но «если», по замечанию Григория Богослова, «и во всяком случае худа ненасытность, то тем более худо быть ненасытным духовному»¹⁰⁵.

Те, которые носят в себе призвание к священному сану и продолжают чувствовать влечение к нему, да навькают заранее быть, по совету апостола, **не сребролюбцы нравом, довольны сущими (Евр. 13:8)**. Как прах от своих ног, да отдаляют они от своего сердца мечту обогащения на поприще священного служения. Истинное и неотъемлемое богатство есть довольство тем, что нам идет по закону и порядку. Священники бескорыстные не подвергаются нищете; к ним на помощь скоро приходит любовь их прихожан. Свое благосостояние надобно основывать не на умножении стяжаний, а на преданности Промыслу Божию. Помни и не забывай, что Господь говорит верному своему рабу и служителю: «Я не оставлю тебя и не покину тебя» (Ис. Нав. 1:5). Аминь.

24. Слово в день Марии Магдалины

Иди же ко братии Моей, и рци им: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и к Богу вашему. Иоан. 20:17.

Это повеление дал Спаситель Марии Магдалине, по воскресении явившись ей. Под именем братии разумелись Его ученики, и им она должна была поведать, что скоро последует Его восхождение к Своему Отцу по естеству, а к их Отцу по благодати, к Богу Его по человечеству, а к их Богу по естеству и праву, так как все люди Богом созданы.

Мария Магдалина, не медля, исполнила это в отношении к апостолам; она возвестила им, что видела воскресшего Господа, и сообщила им слова Его. Потом во всю жизнь она была исполнительницей сего повеления; она знала, что **не стыдится Христос нарицати братиями Своими всех, освящаемых** Его учением и кровью (Евр. 2:11), и повсюду возвещала имя Христово. Была она в Риме, где дерзнула пред царем сказать: «Христос воскрес». Пришла потом в Эфес, где помогала Иоанну Богослову в трудах проповедничества. Посему ныне церковь, совершая ее память, прославляет ее славную ученицею Слова, всюду возвещавшею слово благодати и просветившею многих несведущих¹⁰⁶.

Желательно, чтобы по примеру Марии Магдалины и наши православные женщины были наставницы, которые неведущим, особенно детям, поведали о Христе.

Наставлять неведущих, в своем домашнем кругу, для женщины даже удобнее, нежели для мужчины. Тогда как глава семейства бывает отвлекаем занятиями промышленными или обязанностями должностными, жена его, оставаясь дома, имеет более свободного времени. Древний премудрый наблюдатель, восхваляя жену, боящуюся Господа, говорит: «муж ее известен у ворот, где судебное место, и где он сидит со старейшинами; а она, наблюдая за порядком дел в доме, не ест хлеба в праздности; отверзает уста свои с мудростью, и на языке ее полезное наставление. Дети ее ублажают ее» (Притч. 31:27–29). И это очень естественно; ибо наставление материнское есть самое действительное. Дети обыкновенно мать свою любят, и ей больше всех верят. Посему внушения матери так иногда напечатлеваются в сердце, что остаются неизгладимыми на целую жизнь. Имея в виду важность таких впечатлений, святой Григорий Богослов напоминал матери христианке: «у тебя есть младенец? – Не давай времени усилиться повреждению; пусть посвящен будет с юных ногтей Господу. Поспешి дать своему младенцу

веру в Троицу, – сие великое и доброе хранилище»¹⁰⁷. – А святой Златоуст прямо говорил о себе, что самые твердые наставления в вере и добродетели получил он от своей матери Анфусы.

Поэтому можно судить, как благотельно распространение женского образования; в чем пример нам подают и особы Августейшего дома, принимая под свое покровительство женские учебные заведения. Само наше общество обязано способствовать процветанию сих училищ, а родители должны охотно отпускать туда своих малолетних дочерей. Сим способом скорее образуются у нас будущие матери, распространительницы добрых познаний в семействах. Свет веры и добра, разливаемый женщинами-христианками, не только душеспасителен, но и может служить условием спокойствия гражданского, **да тихое и безмолвное житие поживем (1Тим. 2:2)**. Аминь.

Отделение IV. Слова на освящение храмов

1. Слово по освящении храма Иоанна Предтечи, в Путивльском монастыре

Будет бо велий пред Господем, и вина и сикера не имать пити. Лук. 1:15.

В сей обители, ревностью ее настоятеля и при помощи благотворителей, вновь построен храм, и ныне освящен в честь Крестителя Господня Иоанна.

Это дает нам повод проследить размышлением те черты жизни Иоанна Крестителя, которые имеют близкое отношение к монашеству.

Издравле он почитается первоначальником иноков и образцом. Обеты монашеские суть: нестяжание, воздержание и послушание. Иоанн Креститель до того был нестяжателен, что одежда его была устроена из верблюжьей шерсти, постелью для него служила голая земля, его жилищем – пустыня. Он питался пищей самую непитательною, диким медом и акридами, и совсем не употреблял пития, разгорячающего кровь и потемняющего рассудок. Воздержание свое довел он таким образом жизни до бесстрастия, пребывая равноангельным девственником. Послушание его было самое смиренное. Когда Христос шел к нему креститься, он ужаснулся, «како возложит руку раб на Владыку»¹⁰⁸, но повиновался, видя, что Господь хочет сего.

Не примером только своим Иоанн Предтеча предходит, чтобы в иноках **уготовать Господу люди совершенны**, но руководит их и своим покровительством. Впрочем, как о нем предсказано было, что он обратит ко Господу сердца многих, – следственно не всех, а способных и готовых: так и его благодатную помощь ощущают только те, которые избирают путь иночества не для земных целей, а для неба, ради спасения души. Сему подтверждением служат сказания из летописей иночества. Один подвижник, вопреки совету своего архиепископа, предпринял путешествие на Синай, и на пути заболел. Не могли идти далее, он близ Иордана нашел убежище в небольшой пещере. Ночью явился ему некто, и спросил: «куда ты идешь»? Старец отвечал: «на гору Синай». Явившийся советовал не ходить туда, но не убедил старца, и удалился. В следующую ночь повторилось видение, и на вопрос старца: «кто ты?» – явившийся сказал: «Я – Иоанн Креститель, и говорю тебе: не ходи, потому что эта небольшая пещера больше Синая. Сюда часто приходил Христос посещать меня. Остайся здесь, и будешь здоров». – Старец согласился, и тотчас выздоровел; вскоре он устроил церковь, собрал братию, и основал

монастырь. – Еще сказание: Один инок, ощущая в себе плотскую брань, хотел удалиться из монастыря. Является ему Иоанн Креститель, и говорит: «Терпи; я избавлю тебя от этой брани». Инок остался; но так как в тот монастырь приходили и женщины, то он, избегая соблазнов, вышел наконец оттуда. Невдалеке от обители является ему снова Иоанн Креститель и убеждает возвратиться. Видя, что инок колеблется, он трижды осенил его крестным знамением, и тот, возвратившись в обитель, не примечал более в женщине женщины¹⁰⁹.

Если Иоанн Креститель есть образец истинного иночества и покровитель иноков, то легко могут спросить: много ли ныне между иноками ему подражателей? Где не слышно обвинений, что наше монашество уклонилось от духа древнего подвижничества? – Но если бы нынешние иноки и были строгими подражателями Иоанна Крестителя, избегли ли бы они осуждения от своих ненавистников? Не избегли бы, как и сам Предтеча Господень. Народ пред ним благоговел, и приходил к нему из всей страны Иудейской; но люди лицемерные и развратные ненавидели его, **ведая его мужа праведна и свята (Марк. 6:20)**, и довели его до мученической кончины. Умер великий подвижник, но не пресекался дух его в православном монашестве; и ныне не только в пустынных, но и в городских монастырях есть иноки, которые велики пред Господом, не вкушают вина и сикера, строгие постники, девственные воздержники, крепкие молитвенники, душеполезные советодатели. Что же? Читат ли их, бережет ли их мир? Увы! «Паки Иродиада бесится, и паки смущается».

Ненависть к благочестию, получившая на блюде главу Иоанна Крестителя, восстает против самого существования монахов. Не верит мир монашеской скудости, предполагая в стенах монастырских сокровище богатство, которым люди века сего распорядились бы лучше, нежели иноки; смеется над постническим видом старцев, подозревая, будто ночь проводят они иначе, нежели день; в их молитве и поклонах видит лицемерие, в их образе жизни одно тунеядство.

Несправедливо было бы за слабость некоторых осуждать всех. Притом не посторонним лицам судить иноков. **Ты кто еси судяй чуждому рабу? Своему Господеви стоит, или падает (Римл. 14:4)**. Добрый человек приходит в обитель для того, чтобы зреть здесь красоту Господню, услаждать душу порядком богослужения, попросить от опытных старцев духовных советов. Долг мирян и усердием своим поддерживать обители. Как **милуяй нищаго**, хорош ли тот, или худ, **взаим дает Богови (Притч. 19:17)**, как в лице странников, некоторые принимали ангелов (**Евр. 13:2**): так и подавание в святые обители, куда бы оно ни употреблялось,

принимает Сам Бог. Если же кто не имеет что жертвовать, по крайней мере, да не осуждает Божиих рабов, и да молится вместе с нами о мире совести и взаимном согласии: «молитвами, Господи, Предтечи Твоего, мир подаждь душам нашим». Аминь.

2. Слово по освящении соборного храма Рождества Пресвятой Богородицы в Глинской пустыне

Чесо изыдосте в пустыню видети? Трость ли, ветром колеблему? Матф. 11:7.

Спаситель в объяснение того, как было важно явление Иоанна Крестителя в пустыне, побуждает подумать: для чего бы иначе и народ собирался туда? Что видеть в пустыне, кроме растений, ей свойственных? и кто пойдет смотреть, как там трость колеблется ветром?

Если бы и о собравшихся здесь кто спросил: что видеть пришли они в эту пустыню? – можно было бы ответить: конечно, не деревья, издавна в здешней местности растущие, и от движения ветра шумящие. Всякий о себе скажет, что он пришел видеть этот величественный храм, участвовать в торжестве его освящения.

Что иноки поселяются в пустырях, это совершенно сообразно с строгостью их подвигов, и обычай такой утверждается на примере великого пустыннолюбца, Иоанна Крестителя. Но, как и для чего в пустынях являются величественные храмы, подобные сему новоосвященному, которые могли бы служить украшением городов и, по-видимому, не соответствуют простоте пустынножительства? – Этот вопрос требует размышления, и особенно не есть лишний в настоящее время, когда в миру распространяется мнение, что истинная вера состоит только в человеколюбии и что монастыри не нужны.

Иноки, по значению своих обязанностей, носят на себе ангельский образ. В подражание бесплотным ангелам, и они должны в чистоте целомудрия предаваться Богомыслию и молитвенному славословию, упражняться в подвиге беспрекословного послушания. Где же высшее место ангельского служения? Пред престолом Царя славы, – пред тем престолом, сияние которого ни языком человеческим не изобразимо, ни для очей телесных неудобовидимо. Соответствие иноческого служения ангельскому тем может быть ближе и поразительнее, чем величественнее самый храм, где иноки деннонощно славословят Господа, и где они, при многочисленности братства, удобнее могут отправлять богослужение, нежели в малом доме молитвы.

Так и в сем земном храме славы Божией отныне стояще, трудники боголюбивые могут сказать, что на небеси стояти мнят.

Пребывание в таком благоукрашенном храме составляет главное для них на земле утешение. Они оставили мир, чтобы молиться о

благостоянии мира и страны нашей, и о спасении души своей. Они оставили родных, чтобы иметь ужигов в небесном Иерусалиме. Они подвергаются скуке единообразного уединения; лишают себя внешних разнообразных развлечений, посредством которых светский человек умеет делать для себя течение времени неприметным; переносят труды, неизбежные в братстве, где живут без слуг, и где старейший есть всем слуга; испытывают печаль сердечную и от борения помыслов, и от наветов вражиих. Было бы посему очень сурово и несправедливо церковное благолепие, которое так утешительно для благочестивого сердца, почитать несоответственным духу пустынного жития, и от пустынножителей требовать, чтоб их храмы были так скудны и просты, как их кельи. Давид и в царских жил чертогах, но единственного просил утешения от Господа, – **еже посещати храм святыи Его, и зрети красоту небесную.** Но более ли вожделенно веселие иноку, когда ему скажут: **в дом Господень поидем,** и притом в такой дом, где высота здания возвышает душу к небу, где лики праведных и преподобных укрепляют подвижника в подвиге терпения, где богатство украшений напоминает ему о богатстве небесного мздовоздаяния?

Не забудем и того, как и чем созидаются великолепные храмы в пустынных обителях: разве с налогом на кого, или с обидой для кого-нибудь? Нет, доколе тверда в отечестве нашем вера православная, не перестанут являться в нем и доброхотные датели, любящие благолепие дома Божия. То именно и удивительно, что идут насельники в пустыню, иногда только с посохом в руке, и с рубищем на своем теле, или совсем не имея ничего, или оставив в мире свои стяжания: но как скоро они начинают укрепляться в подвигах и добродетелях иноческих, Господь видимо благословляет их, украшая их обители благолепием, о котором они не помышляли, снабдевая их даже богатством, которого они не искали. И можно ли судить пустынножителей за то, что они, для устройства и украшения своих храмов, не отказываются от доброхотных приношений? Не Сам ли Бог повелел исходившим из Египта израильтянам взять с собою злато и сосуды для украшения и устройства храма в пустыне? Не Сам ли Богочеловек в убогой храмине принял богатые дары от восточных мудрецов, пришедших Ему поклониться?

Кроме сего нужно иметь в виду особенные обстоятельства, почему и в пустынях иногда являются священные памятники; почему воздвигнут и сей великолепный для пустыни храм. Издревле те места, которые ознаменованы были чудесными явлениями и великими событиями, каким-либо знаком отличало благоговейное усердие верующих. Многочисленные

видим тому примеры еще со времен ветхозаветных патриархов. Праотец Иаков, в пустом месте, среди ночи, видит чудесный и прообразовательный сон, – и познав, **яко есть Господь на месте том**, поставил там **столп каменный, и возлил елей, и пожре на нем жертву, и прозва то место домом Божиим** (Быт. 28:17). По простоте времени, на месте, где глаголар с ним Бог, и памятник воздвигнут был простой. Но потом мы видим, что и в пустынных местах воздвигались храмы великолепные, например, в Палестине, в память событий из жизни Христовой, близ Константинополя храм Живоносного Источника, и другие. Великим знамениям и их воспоминаниям обязан своим существованием и этот благоукрашенный храм. Он создан во славу Пресвятой Богородицы, которой икона, честное ее рождество изображающая, явилась в сей пустынной дебри, на одном из высоких дерев. Святую икону окружал чудесный свет; от ее подножия истекать стала чистая вода. И хотя иссяк тот живой источник, но не иссяк источник исцелений и знамений, от сея чудотворные иконы, чему и поныне свидетели жители окрестных весей и градов.

По усердию к сей иконе возник первоначально этот храм. поелику же он оказался не вместителен для множества чтущих сие святое место; то приснопамятный возобновитель сей обители, блаженный старец Филарет, возревновал распространить и возобновить сей храм, и мысль его благую, окончательно исполненную, теперь сподобил нас Бог видеть. Итак, сей величественный храм создан не для пустыни только, а в честь чудотворной иконы, которая благодатью своею ознаменовала сие пустынное место.

Можно ли после сего говорить, что храмы величественные и богатые не соответствуют положению пустынных обителей? Как несправедливы такие судии, так, напротив, достойны признательности все усердствующие к обителям и украшению сего храма вспомоществовавшие. Такие благотворители великое утешение готовят себе и другим. Подобно тому, как трепещет от радости сердце путника, долго по морю с большими опасностями плававшего, и, наконец, тихой пристани достигшего, и всякой мирской человек, волнами суеты житейской обуреваемый, душевредными соблазнами повсюду окружаемый, не ощутит ли ускоренное и сладкое биение сердца, как скоро увидит среди лесов, в уединении пустыни, этот величественный храм, где может он насладиться и точным исполнением богослужебного устава, и сладкозвучным пением иноков, и общим соучастием их великого сонма в молитве?

Но братья обители сея! Знаете ли, что сказал великий подвижник святой Исидор Пелусиот? – «Если б от меня зависело, я лучше бы желал жить в те времена, когда храмы не столько были украшены, но церковь

дарами благодати обилвала, нежели ныне, когда храмы блестят мраморами, но неприметно между нами обилия духовных даров»¹¹⁰. Не к тому это он сказал, чтобы восставал против церковных украшений, но чтобы нам дать вразумление. Какая польза, если храм наш высок, а душа наша погрязает в блате страстных помышлений? Если он украшен, как чертог небесный, а мы не имеем чистой, духовной одежды, чтобы неосужденно войти в него? Если он блещет золотом, а мы не стяжали ни одной не гнущейся златницы, ни одной добродетели иноческой? Если между украшениями его сияют и камни, а мы не знаем, из каких камней устроится вечно сияющий венец подвижничества? Возревнуем же о приобретении тех духовных дарований, к которым путь нам указывает и пустыня своим уединением, и сей святой храм своим величием. Аминь.

3. Слово по освящении придельного храма в соборе Глинской пустыни

И бысть в день, в онъже сконча Моисей, яко поставити скинию, и помаза ю, и освяти, и вся сосуды ея, и олтарь и вся сосуды его, и приведоша князи израильтестии дары своя пред Господа. Числ. 7:1–3.

Третий день в сей пустыне торжество, – и предмет праздников один и тот же. Разве недостаточно было одного дня и одного священнодействия, что бы явился освященным весь этот храм? – В священной книге читаем, что Моисей, как кончил устройство скинии, так в тот же день и освятил ее.

Из того же, впрочем, повествования видим, как тщательно и подробно было действие сего освящения. Не осталось ни одной, назначенной для священного употребления вещи, которая бы не была по чину помазана.

Но в храмах христианских все важнее и существеннее того, что было устроено ветхозаветными храмоздателями: **более Соломона zde (Матф. 12:42)**. Притом, как по благодати Божией храмов христианских устроится много: то отсюда потребовалось и установилось «обилие освящений».

Не одно нераздельное освящение третий день продолжается; а в каждый из сих трех дней свой отдельный храм освящен. Так и ныне освященный придел мог бы, и по наружному виду, быть отдельным храмом, если б не был соединен с соседственными, под одною кровлею и в единое здание, по правилам зодчества, подобно тому, как иногда в больших городах дома так тесно строятся, что несколько их представляют издали одно большое здание.

Впрочем, главная причина, почему для каждого придела нужно свое особенное освящение, заключается не в наружном положении храма, а в существе самого дела.

Хотя можно сказать, что ни одно место в новом храме, ни одна вещь не остается вне освятительных действий, по чиноположению церковному уставленных; однако же, не трудно приметить, что благодатная сила освящения преимущественно призывается и устремляется на алтарь и на престол.

Престол есть то место, на котором приносится бескровная жертва. Ради такого назначения, должен быть для каждого престола совершаем отдельно и чин освящения. Издревле жертвенники в церкви Божией освящаемы были чрез омовение и помазание. И ныне престол омыт простою и потом благовонною водою, соединенною с вином.

«Ради двояких целей, как объясняет Симеон Солунский¹¹¹, сие

совершается, чтобы и наружно очистилась трапеза омовением, и чтобы освятилась водою, приняв очищение духовное, так как она назначается быть вместилищем Духа. Почему и призывается на сию воду имя самого во Иордане крестившегося Господа».

После сего предпочистительного омовения, престол помазуется святым миром, потому что он назначается хранить в себе всегдашнее присутствие Святого Духа, и являет ту гробницу, в которой тело Спасителя было погребено, помазанное ароматами. поелику же учением святой церкви засвидетельствовано, и чудесными видениями подтверждено, что Господь вездусущий, как на небеси горе, в Своей славе, восседит, так и на святом престоле невидимо почивает; и поелику тайнозритель видел под алтарем, или, что то же, под жертвенником, **души убиенных за слово Божие** (Апок. 6:9): отсюда и произошел обычай полагать на престоле и под престолом частицы святых мощей. И когда в освящаемый храм торжественно вносятся святые мощи: то сие таинственное действие и бывает знаменованием, что вошел сюда, на Свой престол, и Сам Царь славы, во святых почивающий.

Довольно сих указаний, чтобы понять, почему каждый алтарь, или придел требует отдельного и великого освящения. Когда царь земной путешествует: не в каждом ли городе, не в каждом ли месте его отдохновения уготовляют приличное ему помещение? Вот Царь небесный изрек об истинном и угодном Ему храме: **и будут очи Мои ту, и сердце Мое по вся дни** (3 Царств. 9:3). Как же мы не позаботимся, чтобы не только прилично был украшен, но и с духовными песнопениями, и священными обрядами был освящен каждый алтарь, о котором желаем, чтобы он соделался местом селения славы Господней? Как потребны и благовременны предпочистительные действия освящения и молитвенные восклицания во всяком новом святилище, куда, в сопровождении святых мощей, грядет Сам Христос воссесть на престоле святом Своем!

Видена быша, в сии дни, и в сем храме, **шествия Бога Израилева** (Псал. 67:25). Остается вопрос: **принесли ли князи израилтестии дары своя пред Господа?**

Не о старейшинах племен израильских, не о кровавых жертвах теперь сей вопрос. **Древние** люди и ветхозаветные жертвы уже **мимо идоша** (2Кор. 5:17). «К себе восходи, человек», – вразумляет нас чин обновления храма. Нас, христиан, благодать **сотворила царями и иереями Богови** (Апок. 16).

Правда, бранными руками нашими принесены и на новом престоле Господу бескровные дары. Но это такая жертва, в которой Сам Он есть и

приносяй, и при носимый. Посему должны мы спрашивать себя: соединяем ли мы с бескровною нашу жертву добровольную, – жертву сердечного благоговения и чистоты помыслов?

Обитатели сей пустыни! Готово ли ваше сердце приносить в сей храм дары, Богу приятные? Вы молитесь, вы поете. Но если в ком громче псалмопения вопиют его мирские прежние привычки, его ропотливость: то не угрожает ли ему судьба малодушных израильтян, из Египта исшедших, но погибших в пустыне? Если в ком превьше его молитвы воздымается гордыня и помысл осуждения: не будет ли походить его молитвенная жертва на то кадило, от которого исходит только дым, но не слышно благовония? Соединяй с молитвою жертву сокрушения и терпения, и получишь венец вольного мученичества.

Пришельцы сей пустыни! Быть может, многие из вас приносят сюда свои дары. Дело святое: это дары Господу. Но многие ли помнят, что Господь сказал: если принесешь дар ко алтарю, и вспомнишь, что брат твой имеет нечто на тебя, поди прежде примиришь с братом твоим (Матф. 5:23)? Очевидно, надобно прежде стяжать и Богу приносить духовные жертвы незлобия, мира и любви, чтобы Ему угодны были и ваши пожертвования, в Его храмы приносимые. **Благотворения, но и общения не забывают: таковыми бо жертвами благоугождается Бог** (Евр. 13:16). Аминь.

4. Слово по освящении соборного храма в Белоградском Троицком монастыре (1864 г.)

Егда внидоша, въздоша на горницу, идеже бяху пребывающе. Деян. 1:13.

Апостолы, по вознесении Господа на небо, возвратясь в Иерусалим, възшли на горницу, где вместе с прочими Его учениками единокорно пребывали в молитве, размышлении и ожидании Святого Духа, которого и получили. Эта горница была не только первым христианским, но и первым соборным храмом: ибо не только совокупляла в себе сонм первых христиан, но имела для них особенное и великое значение.

Не внешние черты зодчества, но некоторые признаки духовного знаменования горницы Сионской могут быть усматриваемы и на сем храме соборном, имеющем особенное значение для жителей сего града.

Тайнозритель Иоанн Богослов удивился, когда в видении узрел город, и не видел храма в нем. Но то в другом мире, где будет Бог во всех, и все будут в Боге. А в сем мире нет верующего города, чтобы не было в нем храма, и если в нем церковей несколько, одна делается главною, соборною. Таков, например, издревле был собор святой Софии в Цареграде, где предки наши впервые узрели великолепие православного богослужения. Радость ли в городе общая? Жители стекаются к своему главному храму, чтобы разделить ее между собою, и возблагодарить Бога. Обдержит ли их какая печаль, или болезнь? – Молитва общая об избавлении от зол предначинается в храме соборном. Сретает ли город Высокого Гостя? – Он надеется узреть его в своем главном святилище. Вспоминает ли прежние милости Божии к себе? – Раскрывает летописи своего древнего храма. Ожидает ли новых явлений Божией силы? – Устремляет взор надежды и мольбы к той святыне, которая в нем пребывает.

Так жители сего града, подобно как первые ученики Господни в горницу Сионскую, привыкли притекать в сей соборный храм, который, хотя стоит не на возвышенном месте, но мысли наши и сердца возводит горе, к высоким впечатлениям и воспоминаниям.

Это есть тот храм, который современен гражданскому и духовному процветанию сего града и свидетельствует о святом усердии жителей его. Это есть тот храм, который около двух столетий был престольным для святителей, послуживших христианскому просвещению здешнего края, и в котором воздевал молитвенные свои длани приснопамятный святитель Божий Иоасаф. Это есть тот храм, которому Промыслом вверена великая

святыня – икона святителя Николая. На сих днях совершилось ровно сто лет, как чудотворный образ угодника Божия внесен был внутрь этого собора на постоянное в нем пребывание. Какая крепкая городу охрана! Потому образ этот и назван «Ратным», что ополчился некогда за верных против не верных. Какая благодать всем притекающим сюда! Ибо для них с представлением о величии и святости сего храма соединяется мысль о чудодейственном предстательстве святителя и чудотворца Николая.

Когда прежнее украшение храма сего уступило разрушительной руке времени и оказалось несоответственным его величию духовному и хранимой в нем святыне: тогда, при благословении свьше и при пособии некоторых из здешних граждан, приведен он в настоящий вид. Обновление его, по чиноположению церковному, мы ныне радостно празднуем. Как древле Бог послал Духа Святого, и обновилось лице земли; так наитием того же Духа сообщилось ныне зданию сему обновление духовное. Краски, золото и все дорогие вещи еще недостаточны: все довершает благодать. **Егда скончавахуся дние пятидесятницы**, снизшел Дух Святой и **исполни дом, идеже** верные ученики Христовы **бяху сидяще**. Действие того же Духа почило и на сем доме Господнем. Когда окончились не малочисленные дни возобновления здания сего, сподобились ныне и мы, при молитвенном предстательстве угодников Божиих, очами веры видеть, как по степеням священнотаинственных учреждений – омовения престола, кропления и миропомазания его и стен, возношения молитв и псалмопений, наконец, вместе с внесением святых мощей, благодать Божия вошла сюда и наполнила все место, где мы теперь пребываем.

Богом вверена этому храму святыня на охранение и городу; взаимно и городу вверяется попечение о поддержании сего храма в его благолепии. Да помнят здешние жители, как первые христиане приносили к ногам апостолов пожертвования от своего доброхотного усердия. Ужас гонений не позволял тогда украшать храмов, и даже поддержать первого из них, горницы Сионской. Но ныне красота соборного храма в православном городе может свидетельствовать о благочестии жителей его; напротив, упадок благолепия церковного есть верный признак ослабления их нравов и духа православия.

Благодатью Божьею храм освящен; но в нем есть предостережение для входящих в него. Смрад корысти и разврата да не приближается к святилищу сему. **Храм Божий свят есть (1Кор. 317)**: и мы, взирая на него, устремляясь для лобзания святыни его, должны удерживать себя от начинаний бесчестных, внимать внушениям совести, хранить себя от нечистых дел, как все нечистое не свойственно святому храму.

Бог триипостасный, имени Которого храм сей посвящен, да очистит нас от всякой скверны и спасет души наши. Аминь.

5. Слово по освящении храма святителя Николая на хорах Курского Знаменского собора

Доброхотна бо дателя любит Бог. 2Кор. 9:7.

Нет надобности говорить, какая причина побудила в сем соборном храме изменять то, что могло бы еще оставаться в прежнем виде. Всем любопытствовавшим это было объясняемо, и все, сюда входящие, видят, что изменение последовало не к худшему.

Оставалось бы только радоваться, что Господь увенчал предприятие успехом, молиться за тех, которые вняли нуждам сего храма и способны украшать его.

Но пред судом человеческим и доброе дело иногда требует защиты; а любящих благолепие дому Божия нужно предостерегать от нынешнего духа времени, который, по-видимому, дышит теплотой человеколюбия, а в сущности, как знойный летний ветер, иссушает свежие ростки христианского благочестия.

«Для чего, говорят, очень заботиться об украшении церквей, и еще просить на то пожертвований?»

В ответ довольно нам указать на слова апостола: **доброхотна дателя любит Бог.**

Ясно, что хотя и доброхотные, а должны быть датели, и что их любит Бог.

Апостол Павел для церкви иерусалимской делал сбор в разных местах, между прочим, и в Коринфе. Богатых Коринфян к пожертвованиям он побуждал то примером Македонян, которые даже выше своих средств оказались доброхотны (8:3), то благодарностью иерусалимских христиан и их молитвою за благодетелей (9:14). При сем он хотел, чтобы каждый уделял не с огорчением, не с принуждением, а по чистому расположению сердечному (ст. 7). В предупреждение же сомнения, что приношения пойдут на доброе дело, собирать их поручено было апостолу Варнаве, как человеку примерной честности. Златоуст называет его «экономом церковных имуществ», и назначение его в качестве собирателя объясняет тем намерением, чтобы христиане «сделались усерднее к подаянию, когда принимающие сии подаяния будут люди испытанные, так что никто не мог бы иметь на них никакого, даже ложного подозрения»¹¹².

Из сего апостольского распоряжения очевидно, что сбор подаяний есть древнейший способ удовлетворения нуждам церковным, и хотя для частных лиц не принудительный, но для православных общин не

необязательный. Потому, власть церковная, в распоряжении которой должен находиться он, имеет право назначать его и напоминать о нем.

Скажут, что церковные нужды еще уважительны, а церковные украшения – роскошь. Но роскошь ли? – О вещах надобно судить относительно. Шелковая одежда на простолюдине обращается ему в нарекание, что хочет жить не по состоянию; а богослужебная риза священника, без всяких украшений из шелковой ткани устроенная, кажется бедна и проста. Золото в комнате есть изысканность; золото в иконостасе есть законная его принадлежность. Нигде не заповедано держать храмы в нищете и бедном виде; но то у всех народов принято, чтобы вещи многоценные и изящные приносить Творцу всяческих, так как **и небо небесе не довлеет** Ему. Сие рано вошло в обычай и закон и в церкви христианской. Из многих на то указаний и примеров довольно припомнить, что случилось в жизни святителя Николая, в честь которого посвящен ныне этот храм. Незадолго до поставления его в сан епископский, явился ему Иисус Христос и вручил Евангелие, украшенное золотом и жемчугом, тогда как с другой стороны Божия Матерь возлагала на него омофор¹¹³. Видение это служит объяснением, почему на иконах святителя, как, например, на Белогородской, изображаются подле него Спаситель с Евангелием и Божия Матерь с омофором. Чудесным сим знаменем засвидетельствовано было высокое достоинство святителя. Но не следует оставлять без внимания и того, что ему вручено было Евангелие, украшенное жемчугом и золотом. В деснице Спасителя не могло быть того, что Ему не угодно и чему быть не следовало в храмах.

Украшать церкви есть своего рода нужда, очень важная по своим благим следствиям, и удовлетворяемая усердием христиан, которому не должно быть стеснения. Апостол никому не говорил: «жертвуй на одно, и не жертвуй на другое»; но он ясно выразил желание, чтобы Коринфяне и все достаточные христиане были богаты и не скупы для всякого доброго дела (9:8).

Датель назван доброхотным не потому только, что он охотно, без принуждения, жертвует, но и потому, что он свободно своему пожертвованию назначение избирает. Иначе, какая же охота жертвовать не на то, что приятно, а на то, что противно? Некто спросил одного святого старца: «какое бы мне доброе дело предпринять?» – Старец посоветовал: «чего по Богу желает душа твоя, то и делай»¹¹⁴. **По Богу** – значит то, что предпринимается по чистым побуждениям и сообразно с божественным законом. Посему даже пред судом светского приличия не правы те защитники всякой свободы, которые осуждают и стесняют свободу

благочестивых жертвователей. Обыкновенно они защищают себя тем, что на богатые дары для церквей много можно бы сделать добра для страждущего человечества. Но вот явление, которое многократно и неизгладимо начертано в летописях судеб человеческих: как объяснить, что когда ниспровергаемы были алтари и осквернялись храмы, неизбежно проливались и потоки человеческой крови; а там, где строятся и украшаются храмы, возникают и умножаются богадельни, училища и другие человеколюбивые учреждения?

Итак, ничем не смущаясь, твердо должны верить все доброхотные датели, и никогда не забывать, что их любит Бог. Аминь.

6. Слово по освящении храма святителя Тихона Задонского на хорах Курского Знаменского собора

Внидите во врата Его во исповедании. Псал. 99:4.

Сии псаломские слова святитель Тихон положил в основание своего краткого увещания, «како подобает в святые храмы входить на славословие». Увещание это он разослал во все приходы своей паствы.

В новоосвященном его храме, прилично нам принять от него поучение.

Если бы кто предупредил вопросом, почему этот придел посвящен имени его: бесполезно, как и не трудно, указать на то причину.

Восточные части здешней области, лет сто назад, принадлежали к епархии святителя Тихона. Тот Дух Божий, который чудодействовал в древних святых, прославил и сего святителя. Не только все мы слышали о чудесах его; но иные из нас сами видели и тех, которые при мощах его получили исцеление. По вере в сию приснодействующую благодать, рассуждено этот алтарь посвятить новоявленному угоднику Божию, да вспомоществует он охранительным заступлением своим благосостоянию сего соборного храма, откуда и в другие храмы раздаются освятительные вещи, как то: святое миро и святые антиминсы; да простирается отсюда благословение святого архиерея Божия и на всю здешнюю паству, не малая часть которой находилась некогда под личным его управлением.

В его время, как и ныне, не все вели себя хорошо в церкви. Это побудило его разослать увещание, сущность которого в сих выражениях:

«От смеху и разговоров крайне берегися. Понеже кто в церкви смеется, или разговаривает, Бога вельми раздражает; не отдает бо чести святому месту, и другим, соблазняя, препятствует молиться. Слушай прилежно чтение и пение, и оттого умиляйся. Аще мысль твоя отвлекается к дому твоему, или к мирским вещам; всячески тщись ум твой обращать к слушанию славословия Божия, псалмов и молитв чтомых, да с пользою из церкви изыдеши»¹¹⁵.

В сих словах две мысли: первая – чтобы в церкви стоять скромно; вторая – чтобы не напрасно.

Тишина всякого, дозволенного законом, собрания покровительствуется силою того же закона. Никто безнаказанно не позволит себе неприличное поведение даже на зрелищах, или в таком собрании, где что-либо во всеуслышание читается. Кому же позволительна нескромность в храме, где совершается действие небесное, и должно быть

забыто попечение земное? где говорит Бог и **должна пребывать в молчании всякая плоть человека?**

Против этого, впрочем, люди рассудительные и спорить не станут. Обыкновенно говорят, что трудно удержаться от ответов, когда в церкви предлагаются вопросы лицами знакомыми.

Это затруднение можно преодолеть, если с своей стороны не подавать повода к разговорам. Надобно не только очи устремлять к алтарю, но и мысль к тому, что в нем совершается. В училище самые резвые товарищи мало беспокоят того ученика, который прилежно занят своим делом и не расположен к шалостям и шуткам. Так и в храме, этом общем училище благочестия, не возбудит в своих знакомых охоты к разным вопросам тот, кто, как евангельский мытарь, углублен в себя и помнит только свое благочестивое дело, за которым в церковь пришел.

Без внимания к пению и чтению нет даже пользы от частого хождения в церковь. Слаба та лампада, в которую к маслу подлито воды: плавает масло поверх воды, но с треском горящий светильник уже ощущает враждебную себе влагу, и скоро угасает. Входит иной в церковь, возжегши в себе усердие, благоговение и любознательность; но поелику сии святые расположения не объяли всей души, то рассеянные помыслы, вторгаясь в нее, производят шум, как вод многих, – и светильник молитвы и духовного умудрения тотчас угасает. Рассеянный слышит часто повторяемые слова, но остается не знающим их значения; видит священные действия, но не постигает внутренней их силы. Сколько раз повторяется это возгласие: «премудрость, прости!» Но сколько на свете людей, которые так и жизнь оканчивают, не узнав, что это за «премудрость», и что значит «прости»! А между тем, во всем, что совершается в храме, есть великая премудрость, и после каждой службы церковной христианин может вынести отсюда не малую пользу для души.

Посему данные святителем Тихоном предостережения не излишни и ныне для входящих во врата сего обширного святилища. Если храм сей велик; то не для того, чтобы со многими знакомыми можно было здесь видеться, а чтобы всем желающим удобнее было молиться. Если благолепен; то не для того, чтобы и долгую службу не скучно было стоять, а чтобы и образованному, и простому удобнее было ощущать, что это есть действительно **место селения славы Господней (Псал. 25:8)**. Всем сюда отверсты двери; но одно здесь занятие для всех – молитва. Аминь.

7. Слово по освящении храма в восстановленной Белогорской пустыни

И поставлю пустыню его, яко рай: радость и веселие обрящут в нем, исповедание и глас хваления. Ис. 51:3.

Сие Божие обетование, чрез Исаию возвещенное, исполнилось во внешнем смысле, когда народ израильский, возвращенный из плена Вавилонского, заселил снова опустошенную свою землю; а в духовном, начало сбываться, как скоро раздался глас вопиющего в пустыни: **Уготовайте путь Господень** (Марк. 1:3); когда Сам Христос **бе отходя в пустыню** (Лук 5:16); когда не только в Палестине, но и в других концах мира пустыни стали заселяться множеством христианских подвижников.

Много лет протекло, как пролился первый свет благодати и на сии горы. Иноки Феодосий, Кесарий, Памва и другие, избегая нашествия и плена татарского, пришли сюда с реки Дона, и основали здесь обитель. По грехам человеческим, пришла она в запустение. И ныне снова Господь призрел на место сие. Благодать иконы Пречистой Владычицы привлекала сюда молящихся и усердствующих; восстановилась общежительная обитель; освятился сей, быстро и успешно построенный храм, и, дерзнем помыслить, что Господь хочет сию **пустыню поставить, аки рай**.

Монастырь сей есть общежительный. Откуда же ведет начало, и кем установлено монашеское общежитие?

Был в Фиваиде инок Пахомий, один из великих подвижников, удостоенный дара прозрения и многих видений. Однажды, когда он сидел в своей пещере, явился ему ангел Господень, и сказал: «Пахомий! Отныне не должно тебе оставаться в этой пещере. Пойди, собери молодых монахов, живи с ними, и управляй ими по уставу, какой тебе дам». За сим вручил он ему свиток, в котором начертаны были правила иноческого общежития, касающиеся не только молитвы и иных подвигов духовных, но и келлии, пищи, одежды и вообще внешнего поведения иноков. Первый общежительный монастырь, в котором настоятельствовал сам Пахомий великий, и который был рассадником других обителей, имел братии более тысячи человек¹¹⁶.

Итак не земное, а небесное происхождение того устава, которому следуют монастыри общежительные, и который в сей обители полагается основанием иноческой жизни.

Когда постригается кто-либо в иноки: церковным языком о нем говорится, что он «восприял ангельский образ». Выражение это становится

попятно, если припомнить, что устав монашеского жития дан Пахомию ангелом; а еще более делается понятно, если вникнуть в самую сущность иноческих обязанностей.

От инока требуются и ему свойственны: чистота мыслей и целомудрие чувств; отречение от земных привязанностей; смирение и послушание; молчание и внимание к себе; молитва прилежная, и столь живая, как пред лицом Божиим; псалмопение и духовное о Господе радование. Это такие добродетели и качества, которые, отрешая человека от земли, приближают его к образу жизни и состоянию небожителей. Посему не удивительно, если познавшие высоту и сладость жизни монашеской предпочитают ей все, что есть высокого на земле. «Поверьте мне дети», – говорил один святой старец, – «что я скажу: честь и слава тому, кто отказался бы от самого царства, но стал монахом, потому что духовное выше чувственного»¹¹⁷.

Правда, «не все те суть истинные иноки, которые живут в монастырях, а только те, которые творят дела иноческие»¹¹⁸.

Что-ж из сего: монастыри ли не нужны и излишни, или осуждающие монахов не рассудительны и не справедливы? – Свято и высоко евангельское учение; а все ли святы те, которые христианами именуются, и обязаны следовать учению Христову? За пороки некоторых можно ли осуждать всех? Вместо того, чтобы в монастырях искать, нет ли где худого монаха, не лучше ли рассудить, чего в них ищет, и что действительно в них находит наш православный народ. Куда стекается он, желая видеть чин и порядок древнего православного богослужения? – В пустынные обители, где старательно соблюдается устав священнодействий, святыми отцами преданный и в церковных наших книгах изложенный. Обремененный тяжкими грехами, или впадший в неудоборешимые сомнения совести, где охотнее ищет и вернее находит себе советника и духовника? – Между старцами строгих обителей. Утомленный заботами житейскими и среди мирского шума почувствовавший внутреннюю, душевную пустоту, куда стремится, чтобы утешением духовным освежить иссохшее сердце свое? – В обители иноческие, из которых многие самую живописность своего местоположения привлекают взор путника, и в которых всегда можно услышать назидательные повести от старчества, насладиться пением благозвучным, найти иные невинные удовольствия, соединенные с простотой пустынножительства, и предлагаемые любовью иноческого братства.

Посему радоваться должны жители этой местности, что здесь снова насаждается пустынножительная обитель, как бы некий рай благодатный,

где, если Бог новое насаждение утвердит, ищущие будут обретать веселие духовное, исповедание истинноподвижническое и глас немолчной хвалы Богу. За сии блага духовные не обязаны ли окрестные жители охранять тишину новой обители, содействовать благолепному ее украшению, и снабдевать собравшуюся в нее братию тем, что необходимо для жизни. Всем мирянам напоминает апостол: **аще мы духовное сеем вам, велико ли, аще ваша телесная пожнем (1Кор. 9:11)?** Аминь.

8. Слово по освящении храма Преображения Господня, в Борисовской пустыни

Петр же и сущий с ним бяху отягчени сном. Убудшеся же видеша славу Ею, и оба мужа стояща с ним. Лук. 9:32.

Благодатью Всесвятого Духа освятился ныне сей храм Христа Спасителя, во имя славного Его Преображения.

Не будет противоположно величию Преображения Христова, если мы с горы Фаворской возьмем некоторые черты, и приложим их к сей горе, сему храму и к тому, что ныне совершилось в нем.

Для знающих эту обитель нетрудно приметить, как в краткое время изменился вид ее. Она распространилась, наполнилась благообразно устроенными келлиями, отовсюду оградилась стенами, и вместо невместительного, малоудобного храма, в ней возвышается теперь этот новый, от которого совсем преобразился внешний вид обители. Гора остается та же; но приобрела иной вид и красоту.

Однакож, такое изменение к лучшему здешнего места, как бы ни было примечательно, не составляет главного. Не маловажно, например, то, что простые вещества, доставляемые природой, под руками художников издателей образовали это величественное здание. Но здание осталось бы обыкновенным зданием, и не могло бы именоваться храмом, если б не произошло в нем преобразования внутреннего, если б не совершилось его освящение, по чиноположению церковному. Ибо не прежде, как во время освящения, **слава Господня вниде в храм** (Иез. 43:4).

Когда же именно это совершилось, и почему мы не видели славы Божией, вошедшей в храм? – Так могут спросить многие из видевших его освящение.

Вы, конечно, слышали, как повелевалось вратам сего храма отнять преграду, чтобы вошел сюда Сам Царь славы. Когда врата отверзлись, чрез них внесены были святые мощи, которые храм живущего в них Святого Духа суть (1Кор. 6:19). Сим действием изображалось торжественное вхождение Иисуса Христа, Царя славы, да воссядет Он здесь на святом престоле, подобно как сидит одесную Бога Отца на небе, да исходит от освященного алтаря благодать, подобно как с горы Фаворской воссиял свет Его присносущный. Как там явились с ним Моисей и Илия, так вошел Он и сюда, с сонмом небесных сил Своих, почивая во святых угодниках Своих.

Но почему же мы не видим ясно, как слава Господня наполнила храм?

Пред нашими очами совершается обряд, который имеет свое великое значение; но нет никаких знамений и чудес, которые бы для всякого ощутительно свидетельствовали о близком и славном здесь присутствии Божиим.

Должно заметить, что и издревле слава Господня хотя пребывала в истинных храмах Божиих, но всегда была прикровенна, и редко бывала для всех очевидна. Скиния свидения хранила в себе нечто чудесное; но рассматривать ее подробности не было дано свободы взору человеческому. Пишется о храме Соломоновом, **яко исполни слава Господня храм** (3Цар. 8:11). Но и эта слава не столько была ознаменована, сколько прикровенна тем облаком, который осенил и наполнил храм, так что **иереи не можаху стати служити от лица облака**. Однакож несомненно, что облак сей был ощутительным знамением невидимого благодатного присутствия Божия в храме. Подобно сему, хотя и в храме христианском присутствие благодати и славы Божией несомненно, непреложно и постоянно, с того дня, как он освящен; однакож благодать сия, для всех удобоприемлемая, не для всех, а только для достойных ощутительна, и слава сия скрывается под облаком таинств и таинственных вещей.

Причины же этой таинственности, которою прикровена слава Божия, пребывающая в наших храмах, заключаются в свойстве и немощи нашей природы.

Человек легко привыкает к тому, что видит постоянно или часто. Великолепен свет солнечный; но всякий так к нему привык, что редко обращает на него внимание. А когда появится какая-нибудь малая звезда, только отличная от прочих, сопровождающаяся длинным отблеском света: на нее смотрят все с любопытством, а иные с изумлением и ужасом. Господь и в церкви Своей не расточает знамений чудесных, и не всегда их делает для всех приметными, чтобы для гордого человеческого ума не перешли они в разряд явлений обыкновенных.

Притом, Господь обнаружения Своей велелепной славы всегда соразмеряет с удобоприемлемостью человеческого естества. Слово Божие уверяет, что человек не остался бы жив, если бы узрел лице Божие, в необъятном Его сиянии (Исх. 33:20). Это может объяснить отчасти и простой опыт. Наше зрение так устроено, что мы не можем смотреть прямо и долго на солнце, когда оно сияет в полном своем блеске. Можем ли теми же бранными очами взирать на Того, Кто сотворил это ослепляющее наши глаза солнце, и Кто Сам живет во свете неприступном? Открыт был свет Божества ученикам Христовым на Фаворе; но и они видели славу Божию не вполне, а в той только мере, **якоже можаху**. Для

них нужен был светлый облак, который осенил их, чтобы сила света божественного не поразила их очей.

Таинственность священных учреждений в наших храмах имеет и ту цель, чтобы обнаружить силу веры каждого из нас. Что достойного похвалы в том, если человек видит, чего нельзя не видеть? Но в том высокое достоинство человека, когда он очами веры проникает к ее тайнам, и усматривает многое, что недоступно омраченному страстями, телесному зору. Посему, все таинственные учреждения в храмах суть предмет веры и каждому из сомневающимся говорит Господь, как некогда сестре Лазаревой: **аще веруеши, узриши славу Божию (Иоан. 11:40)**.

Действительно, не мало было людей столько крепких верою, что они явственным образом сподоблялись видеть славу Божию в храме во время совершаемых в нем священнодействий. Так некоторым благочестивым открыто было или то, как ангелы сослужили священнику, подобно диаконам, или то, как Дух Святой, в виде огненном, нисходил на предложенные дары, или – как хлеб и вино, по преложении в тело и кровь Христову, оставляли Свой естественный вид, принимали действительные свойства плоти человеческой и крови. Были также свидетели и тому, как суд Божий, во время священнодействия, карал недостойных священнослужителей, и отдалял их от престола и приносимой на нем бескровной жертвы.

Такое прозрение в тайны Божественные, такое видение славы Божией, в храме пребывающей, не скоро и не легко достигается. Уже не мало времени Фаворская гора покрывалась светом; на верху сей горы стоял Спаситель, преображенный и светосияющий; явились и беседовали с Ним жители иного, далекого мира, Моисей и Илия: а избранные и ближайšie ученики Его поверглись долу на земли, и спали. Только тогда, когда пробудились, они **видеша славу Его, и оба мужа, стояща с Ним**. Если для таких великих апостолов, каковы Петр, Иаков и Иоанн, нужно было, и не вдруг последовало пробуждение, чтобы увидеть славу преобразившегося Господа: не тем ли более нам, погруженным в сон плотяный и греховный, нужно усилие пробудиться и очистить духовное веры око, чтобы видеть, как и здесь Царь славы сидит на престоле святом Своем, как существенно обитает полнота Божества в той самой крови Его и плоти, из которой некогда на Фаворе, по выражению песни церковной, «лучи Божества исхождаху»?¹¹⁹. Можно ли требовать, чтобы внутренняя сторона таинств, совершающихся в храме, была нам доступна, когда и внешнюю, для всех открытую их сторону, понимают не все, предстоящие в храме? Видят, например, все, как священник, во время литургии, исходит одною дверью

из алтаря, я входит снова в алтарь царскими вратами; но все ли понимают, что это значит, для чего он это делает? Правда, не мало есть людей, которые хорошо знают порядок и значение богослужебных действий. Но и между сими, по-видимому, просвещенными, кто похвалится тем, что он уже препобедил в себе снотворную для ума силу житейских попечений, греховных привычек и мечтаний воображения, что ум его, во время священнодействий в храме, никаким суетным помыслом не занят, и на крылах умиленной молитвы свободно возлетает к созерцанию таинственной славы Господней?

Сей-то свободы ища и от душевного сна убегая, многие избранные девы и жены востекли на эту гору подвижничества, под сень священных алтарей и безмолвных келий; мир для них остается внизу, у подошвы горы, и не касается стопам их; однообразный и глухой шум молвы житейской, который так располагает светского человека к усыплению греховному, с трудом достигает их слуха, и не может прервать поучительной тишины уединения, которому так благоприятствует устав жизни иноческой, и в глубине которого душа лучше может слышать себя и рассмотреть себя. В сем состоянии удобно очищается духовное око души, просветляется благодатью, и делается более способно к созерцанию предметов веры и той таинственной славы, которою теперь преисполнен и сей храм Господень. И хотя для каждого из нас неизбежен сон смертный; но не страшен он для того, кто предочистил себя целомудрием, верою, смирением и молитвою. Пробудившись некогда от сего сна смертного, он увидит славу Господа, и всех святых мужей и жен, с Ним стоящих, и с Ним торжествующих. Аминь.

9. Слово по освящении нижней церкви в Курском женском монастыре (1806 г.)

Из глубины возвах к Тебе, Господи! Псал. 129:1.

Вчера и ныне, в первый раз, воссылаем был ко Господу глас моления нас грешных из глубины сего обновленного храма, на раменах которого иной высится храм величественный, и который сам несколько подобен храмину пещерной.

Этот скромный вид его располагает к воспоминанию о простоте древних храмов.

В первые века христианства церкви, за изъятием немногих, были самые простые и без богатых украшений. Они обыкновенно устроились в потаенных и оставленных зданиях и пещерах. Собираться в таких местах побуждала христиан необходимость: они должны были укрывать свое богослужение, таинства и священные обряды от внимания и взора гонителей своих. Но была и другая причина. В сих неприметных церквях, и около них, в подземных пустотах, христиане погребали своих умерших собратий. Редкое семейство тогда не имело своих кровных и знакомых между замученными за Христа. Девы юные, как их отцы и матери, приобретали ценою своей крови и жизни мученический венец. После их страдальческой кончины, родственники и знакомые собирали их останки, и погребали в глубине потаенных склепов, над которыми, или вблизи которых, устрояемы были священные алтари. Пред сими алтарями живые молились за умерших, воспоминали их подвиги, воодушевлялись примерами их мужества и твердости в вере, и сами готовились умирать за имя Христово. Тесные и сумрачные места, куда собирались древние христиане, отрешая их от всего, что сладко на земле, тем сильнее воспламеняли их молитвенный дух, и, наконец, услышан был Господом глас их воздыханий, – настали времена спокойные, и храмы постепенно изменялись из потаенных в открытые, из темных – в светлые, из простых – в великолепные.

Так дошло до нас, и мы окружены церквями благоукрашенными. Но между ними на сем простом храме осталась отпечатлена его поучительная особенность.

Под его священною сению покоятся тела подвижниц, которые и нам оставили пример терпения и благодушного приготовления к смерти. Такие примеры ободряют слабых, чтобы не малодушествовали во дни испытаний, ниспосылаемых нам свыше за наши грехи. Памятование

смерти не ускорит ее: ибо, по неисповедимым Божиим судьбам, всякому назначен свой предел жизни. Но слыша и беседа о тех благочестивых христианах, которые весь живот свой, всю свою судьбу Христу Богу предавали, мы и сами подкрепляемся в духе, приобретаем упование, сладостное успокоение в Боге, позволяющее сказать: **Аще и пойду посреде сени смертных, не убоюся зла, яко Ты со мною еси (Пс. 22:4).**

Простота сего храма всем нам внушает, что не от внешнего церковного великолепия спасение зависит, а от нашего смиренномудрия и подвига. Когда созидали этот храм, то, без сомнения, сначала построили нижнюю церковь, а потом на ней верхнюю, высокую. Так, поступающим в сию обитель, ради спасения души, надлежит прежде положить в себе основание простосердечия, послушания, уверенности, что без помощи свыше ничего мы сделать не можем. Тогда на сем первоначальном здании, в таком устройении души, Господь явит дивные дела Своей благодати. Имея в виду строгую жизнь первых христиан и силу их веры, преподобный Исидор Пелусиот сказал: «Если б от меня зависело; то я пожелал бы лучше жить во апостольские времена, когда церковные здания не так были изукрашены, церковь же увенчалась божественными и небесными дарованиями»¹²⁰.

Простота сего храма напоминает входящему, что молиться должно со смирением. Читаем в Евангелии о мытаре, что он и в светлой церкви не смел даже поднять глаз на небо (Лук. 18:13). В священных углублениях сего храма и неба не видно. Воспользуемся же этим обстоятельством, чтобы научиться, как сосредоточивать и держать молитвенную мысль в углублении сердечном. Чем меньше кто рассеивается, чем с большим умилением устремляет свой духовный взор к живущему на небеси: тем выше восходит молитва такого смиренномудренного человека. Посему в Писании и замечено: **молитва смиренного пройдет облака (Сир. 35:17).**

Итак, под сению сего храма нужно ниспуститься в глубину самоосуждения, в чувство своего недостойнства пред Богом, чтобы языком сердца сказать: **Из глубины возвах к Тебе, Господи! Господи, услыши глас мой! Аминь.**

10. Слово по освящении храма в загородном урочище, при надлежащем Белградскому женскому монастырю (в октябре 1866 г.)

А жена бежа в пустыню, идеже име место уготовано от Бога. Апок. 12:6.

Слова сии относятся к судьбам церкви Христовой. В апокалипсическом видении она представлена под образом жены: вся в лучах солнечных, потому что свет Христов просвещает ее; увенчана двенадцатью звездами, которые суть апостолы; под ее ногами луна, – земная мудрость, с ее бледными познаниями и обманчивыми утешениями. Церковь Христова имеет своего врага, от которого бежала в пустыню. Это, по разуму православных толкователей, было тогда, когда христиане, всюду язычниками преследуемые, скрывались в местах уединенных, потаенных, иногда в подземельях и горных ущельях.

Времена гонений миновали; по пустыня продолжает быть полезною для церкви Христовой, способствуя иногда ее охранению, и всегда ее процветанию. **Все хотящие благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут (2Тим. 3:12);** и как прежде те, которых весь мир не был достоин, **в пустынях** скитались, **в горах и в вертепах, и в пропастях земных (Евр. 11:38)**, так и ныне ищущие спасения ощущают нужду удаляться в пустынные места.

К числу таких мест принадлежит и то, где мы теперь находимся. Оно уготовано от Бога, чтобы ищущие спасения жены и девы могли удаляться сюда, для подвигов жизни благочестивой. Иначе для чего же это место, ознаменованное иконою Пречистой Богородицы, соделалось принадлежностью женской городской обители? Для чего эта дебрь украсилась уже вторым храмом, столь прекрасным и простым, яко крин в пустыни? Не для того ли, чтобы прочнее водворилось здесь пустынножителство, которое само оправдывает себя и своею древностью, и духовною пользою, как святой подвиг, не только мужчинам, но и женщинам доступный?

Из глубокой древности ведет свое начало женское пустынножителство. Кто не слышал о преподобной Марии Египетской, которая пустынным своим житием удивила «ангелов чины и человеков соборы?»¹²¹. Но в той же Египетской стране еще гораздо прежде подвизались и прославились многие пустынножительницы. Там, говорил

Златоуст, «можно видеть воинство Христово, – одно, состоящее из мужчин, другое – из женщин. Ибо и жены вступают в брань со властями тьмы; и в сей брани естественная слабость их пола не служит им препятствием. Главное – не сила телесная, а произволение душевное. Посему и женщины часто превосходили подвигами мужей¹²².

Великий Пахомий, уставивший общежитие для иноков, утвердил и женское пустынножительство. Пришла к нему его сестра. Сначала он велел ей сказать, что довольно для нее, если знает, что он жив. Но когда она передала ему свое желание подражать его образу жизни: то он устроил для нее в пустыне монастырь, куда скоро поселились многие жены и девы. Там они ночи проводили больше в молитве, а дни – в рукоделии¹²³. Это был первый женский монастырь, послуживший образцом для женских пустынных обителей, к числу которых можно присоединить и сие уединенное место.

Многие думают, что древнее пустынножительство ныне не приложимо; никому не нужно бежать в пустыню, и инокиням назначают в городах служить обществу делами человеколюбия.

Хорошо служить обществу; но древний гонитель всех, без различия пола, людей благочестивых жив и теперь. Это дух мира, который препятствует душе в шуме житейском подумать о себе; а если и решится она работать Господу, окружает слабую соблазнами, преследует крепкую насмешками, и повсюду расставляет препоны на пути ее приближения к Богу. Не говорим о людях вольномысленных и порочных, которые удовольствие находят в своей ненависти к званию иноческому. «Что вся наша жизнь в обществе?» вопрошает святой Амвросий, призывая желающих в пустыню. «Что здесь кроме искушения? Узрело око, и превратилось чувство; услышало ухо, и намерение изменилось; повеял запах, и остановилась мысль»¹²⁴.

От многих вольных и невольных увлечений и преткновений избавляет пустыня. В ней нет искушений языка, взора и слуха. Не видит здесь глаз, на что смотреть не должно; не слышит ухо новостей, питающих праздное любопытство; нет злоречия, ибо некого, и не с кем осуждать. В такой тишине, конечно, будет чище и молитва. Христос, так часто молясь в пустыне, чрез то не указал ли и нам, что мы там легче Его можем найти? Кому не знакомо то сладкое ощущение, когда в знойный летний день, из удушливого и пыльного города, из громкого уличного шума, случится быстро перенестись в тишину полей, и дышать воздухом, который пропитан запахом цветов и свежестью растений? Таково уединение для духовной жизни. Все препоны для нее там, где, с умножением людей,

умножаются и страсти; а в пустыне – одна невинная природа, среди которой душа скорее может ощутить близость Божию, и опытом уразуметь, как среди природы райской человек ходил с Богом.

Такое уединение пустынное помогает душе видеть себя и исправлять себя, если имеет застарелые привычки, или еще не омытые слезами, покаяния грехи. Трое друзей избрали разные пути, чтобы угодить Богу. Один стал мирить враждующих, другой – ходить за больными, а третий пошел в пустыню на безмолвие. Первый, сколько ни трудился, не мог прекратить между людьми раздоров. Второй тоже скоро изнемог от малодушия, и не в силах был более ходить за больными. И пошли оба они к третьему спросить, какую получил он пользу в уединении. Тот налил в сосуд воды, и говорит: посмотрите. Вода была мутна. Через несколько времени опять им говорит: посмотри те же, как вода сделалась светла. Те посмотрели, и как в зеркале, в ней увидели себя. Тогда сказал им: среди людского шума и суеты мы не замечаем своих грехов; а кто в покое и в уединении, тот ясно видит себя. Но «кто себя видит, тот блаженнее сподобившегося увидеть ангелов»¹²⁵.

Итак, блаженны и близки к спасению те души, которые, вследствие ли семейных утрат, или от волн греховных, или вообще от враждующего против добродетели мира, как жена апокалипсическая от страшного змия, бегут в пустыню, чтобы там найти себе **место, уготовано от Бога**. Аминь.

11. Слово по освящении храма, в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, в Белгороде

Едино просих от Господа, то възшу, еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети красоту Господню и посещати храм святыи Его. Псал. 26:4.

Если бы кто спросил, какое лучшее для человека утешение на земле; не обинуясь, можно отвечать: пребывание в храме Божиим, услаждение тем, что в нем видится и совершается.

В таком ответе руководит нас святой пророк Давид. Он не находил и не просил у Господа более высокого наслаждения, как только посещать храм святой Его. Правда, когда выразил сие желание Давид, он не был еще царем, и даже в тесных был обстоятельствах; ибо гоним был Саулом, и скрылся от него во храме. Но не изменился взгляд Давида после, как сделался он и царем. **Господи, взывает он, возлюбил благолепие дому Твоего, и место селения славы Твоея (Пс. 25:8). Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни (83:1, 2).** Давид имел свой царский дворец, конечно, с царскими к жизни удобствами; мог доставить себе всякие развлечения и удовольствия. Однако-ж душа его стремится к дому Божию, который не был и великолепен, как потом, построенный Соломоном. Следовательно, храм Божий привлекает царя Давида своим внутренним величием, своим духовным значением, как место молитвенного приближения к Богу, селение славы Господней, дом отрады для души.

Если так было желательно пребывание в храме ветхозаветном; то гораздо большее получается наслаждение в храме христианском. Там прообразование, а здесь исполнение; там была тень, а здесь самая сущность; там закон, а здесь благодать; там жертвы кровавые, здесь жертва бескровная; там предвозвещение Христа, здесь изображение Его жизни и страданий; там только обетование, но не получение, здесь спасение чрез Христа, чрез причащение плоти и крови Его. Если там было утешение; то здесь неисчерпаемый источник утешений.

Пища вкусная и сладкая доставляет удовольствие. Однако ж мы заботимся, чтоб она была не только приятна на вкус, но вместе и здорова. Так надобно судить и о всем том, что считается удовольствием. Развлечения в жизни, наслаждения сердечные тогда хороши, когда они невинны, не сопровождаются упреками совести, не разрушают душевного покоя. Разные житейские удовольствия, которые в обществе считаются

дозволительными, и к которым не только юность, но и старость с жадностью стремится, большей частью влекут за собою пустоту души, разочарование надежды, разгар зависти и вражды, сожаление о прошедшем, страх за будущее. Ничего подобного нельзя и подумать о тех впечатлениях, какие получаются в Божием храме. Чтение Божественных Писаний, пение умилительных песнопений, совершение священнодействий, имеющих свой глубокий смысл и благодатную силу, таинственность алтаря Господня, лики изображенных здесь святых, приглашение присутствующих к одной молитвенной мысли, к одной святой цели, – все это так может настроить душу, что она не только забывает вражду, успокаивается от порывов страстных, но и отлагает всякое житейское попечение, ощущает легкость, как бы находясь в мире горнего блаженства, а не суеты земной. Лучше **приметатися в дому Бога, неже жити в селениих грешничих** (83:11). Лучше в храмах черпать утешение, нежели искать веселия в жилищах грешников. Что к удовольствию придумывается в обиталищах суетных забав и чувственных наслаждений, то приковывает человека к земле и может погубить его; а что чувствуется и приобретается в святом храме, то есть залог жизни небесной и с душою перейдет на небо.

Блаженны те люди, которые любят благолепие храмов, и ревнуя украшать их, тем и сами **обредают благодать пред Богом** (Деян. 7:46), и другим доставляют высшее в жизни утешение. Хотя не в богатстве и многом украшении духовная сила Божия храма: однако же внешнее его благолепие более способствует нашему брэнному оку **зрети правоту Господню**. Поэтому ничего лучше нельзя пожелать украсителям храмов, как то, чего просит им священник, молясь ко Господу: «Освяти любящие благолепие дому Твоего, и в свое время прославь Божественною Твоею силою». Аминь.

12. Слово по освящении храма Святой Троицы, в Щигровском соборе

Яко скры мя в селении Своем в день зол моих. Пс. 26:5.

Это слова пророка Давида. По какому же поводу произнес их, о каком селении говорит здесь пророк Давид?

Он говорит о храме Божиим. Единого просил он у Господа, чего искала душа его, а именно, чтобы жить в дому Божиим, зреть красоту небесную, посещать храм святой Божий. И сам объясняет, почему особенно желал сего: потому, что Господь в этом селении Своем, в Своем храме, укрыл его в день зол его. – Какое же время своих зол разумеет святой Давид, свидетельствуя о своей приверженности к Божию храму? Для объяснения сего надобно припомнить, что Давид, во дни молодости своей, был жестоко преследуем царем Саулом, который завистливо видел в нем своего соперника. Однажды, спасаясь от неминуемой смерти, Давид, без оружия, голодный пришел в скинию или подвижной храм ветхозаветный, и там нашел дивную помощь свыше, в двух необычных обстоятельствах: с ним там встретился один из приверженцев Саула, и однако же оставил его в покое и неприкосновенности; а первосвященник Авимелех утолил его голод хлебами предложения, которых не подобало есть Давиду, как мирскому человеку. Вероятно, вспоминая этот случай, святой Давид любовь свою к храму Божию подкреплял тем, что некогда покрывал его Господь в тайне селения Своего.

Если же храм ветхозаветный для человека верующего был источником утешения, прибежищем во дни зол: то не с большею ли решительностью это надлежит сказать о каждом храме новозаветном, для которого прообразованием служило устройство ветхозаветного богослужения и храма? Действительно, прибежищем для бедствующих и печальных, вместилищем духовных утешений должно признавать и этот храм, ныне освященный во славу триипостасного Бога, Творца, Искупителя и Утешителя.

О том, что в жизни каждого человека бывают и могут встретиться дни зол, – нет нужды и говорить. Кто не знает, что нет полного счастья на земле и что, напротив, в жизни многих бывают не только дни, но даже годы, также полные несчастий, как сосуд, полный горького питья? К большей горести и страданию, постигают иных из нас такие бедствия, в которых всякая помощь человеческая оказывается бессильною и никакое утешение земное не утешительно. Чем, например, вознаградится та утрата,

когда муж лишается жены, и дети остаются без матери?

Когда, таким образом, изменяет несчастному всякая помощь человеческая, ведет его вера и приводит в священную тишину Божия храма, в таинственное селение славы Господней. Здесь он видит изображения подобострастных нам людей, всего лишенных, все претерпевших Христа ради, и в Нем обретших наслаждение себе. Здесь он слышит примеры, какими чудными путями ведет Господь своих избранных, направляя к их благу и горькие обстоятельства их жизни; слышит глас самого Господа, и ныне призывающего к Себе труждающихся и обремененных скорбями житейскими. Здесь священное чтение учит христианина, как беседовать с Богом, и пение, умягчая душу, укрепляет ее и помогает ей отторгаться мыслью от земного, и воспарять желанием к небесному.

Правда, что подобные духовные занятия доступны для нас и вне храма: ибо можно и дома читать, размышлять и молиться. Но то, что не совсем и не для всякого удобно дома, всякому открыто в храме, где все духовное действует на человека изобразительно и более ощутительно. При сем не должно забывать главное, что совершается в храме и что неотъемлемо и отличительно ему принадлежит: мы видим здесь престол, на котором совершается таинство Евхаристии; это таинство есть основание и необходимое условие высших духовных утешений на земле. В литургии воспроизводится вся земная жизнь Иисуса Христа. Здесь видит верующий, до какой степени истощания дошел Он ради нас, как делил и горести и нужды с учениками, избавляя в то же время их от всякой нужды; как совершил с ними тайную вечерю, на которой их, печальных, утешил обетованием неотъемлемой радости. Каждый, присутствуя при литургии, может все это приложить к себе. Но еще высшее получает он утешение, когда сам в храме делается причастником трапезы Господней, или просит, чтоб его помянули при ней. Ибо как воин одушевляется от слов, взгляда и общительности любимого военачальника, и бывает готов идти на всякую опасность, забывая всякое лишение: так и верный воин Христов, чрез таинственное общение со всемогущим Вождем своим всегда будет далек от уныния в скорбях, и мужественно привыкает смотреть на превратность счастья земного.

Но нередко мы болеем чужою болезнью и страдаем состраданием; и что особенно странно, мы тогда более возбуждаемся помочь любимому человеку, когда, по-видимому, менее удобна помощь. Он в отсутствии: мы боимся, не в опасности ли он. Он умер: нас мучит неизвестность его участи загробной.

Во всех подобных случаях, бескровная жертва, приносимая в храме, есть высшее средство утешения для скорбящих и помощи для тех, которых они оплакивают. Не рука и язык священника составляет важность, но искупительная сила Христовых страданий. Посему священник, поминавший имена при бескровной жертве, смиренно молится: «отмый, Господи, грехи всех, поминавшихся zde, честною Твоею кровию». И опыт показывает, как велика польза для живых и для умерших от сего поминовения.

Святой Григорий Двоеслов повествует, что некто взят был в плен неприятелями. Жена сего пленника, оставшись и скучая по нем дома, в известные дни делала за него жертвоприношение. По времени он избавился от плена, и, возвратившись, поведал ей, что в иные дня чудесным образом спадали с него оковы. По сличении, оказалось, что это именно были те дни, когда была приносима за него в храме бескровная жертва¹²⁶.

Не мало сохранилось в благочестивом предании подобных повествований; но довольно и сего, чтобы нам, вместе с святым Давидом, возвеселиться, как скоро, в час нашей душевной печали, скажут нам: **в дом Господень пойдём!** Аминь.

13. Слово по освящении придельного Николаевского храма в Щигровском соборе

Праведный щедрит и дает. Притч. 13:11.

Если бы кто подумал, который это по счету устроен храм в честь Святителя Николая, и если б нам удобно было сосчитать все созданные в честь его храмы, по крайней мере, в России: то оказалось бы, что их количество превосходит самые смелые предположения. Довольно сказать, что в одной Москве имеется более ста храмов, главных и придельных, посвященных имени сего угодника Божия.

Множество храмов, как и сей новый, служат очевидным свидетельством общего усердия к угоднику Божию. Чем объяснить такое великое усердие?

Премудрый сказал о человеке праведном, что он **щедрит и дает**. Слова сии, в их полном смысле, мы можем отнести к Святителю Николаю.

Жизнь его земная была непрерывным выражением самого разнообразного милосердия. Кто не знает чудес его, которые все были направлены ко благу и спасению людей, в нужде бывших и бедствовавших! Отец, угнетаемый нищетой, обрек дочерей своих на жертву пороку: Святитель Николай, в окно дома его, бросает невидимо узлы золота, и погибавшее семейство избавлено от порока и гибели. Трое граждан, невинно осужденных на смерть, уже подклоняли главу под меч: как вдруг расступился народ, является угодник Божий Николай и, отклонив приготовленный меч, сам снял оковы с несчастных. Мореплаватели погибали во время бури на море: Святитель спешит на помощь к ним, и после, когда миновала опасность, проникнув их грешные наклонности, приводит их своими словами на путь раскаяния и исправления.

Но земная жизнь Святителя была, можно сказать, только началом чудес его. По преставлении своем, до ныне, он «миру всему источает многоценное милости миро и неисчерпаемое чудес море»¹²⁷.

Хотя мощи сего Святителя, по неисповедимым судьбам Божиим, были взяты в страну неправославную, и остаются там на вразумление и обличение неправо мудрствующих Латинян; но это лишение вознаграждается для нас явленными и чудотворными иконами угодника Николая. Таковы: Новгородская, Зарайская, Великорецкая, Гостунская, в нашей области Белогородская, и другие, которые все свидетельствуют, как о милостивом покровительстве сего великого Чудотворца отечеству нашему,

так и о разнообразии его чудотворений. В нем обретают, – как указывает песнь церковная¹²⁸, – «пастырие и учителяе добраго пастыря, иже в недузех врача, иже в бедах избавителя, грешнии заступника, нищии сокровище, иже в скорбех утешителя, путешествующий спутника, на море сущий правителя».

Такое разнообразие благодеяний, являемых Святителем, служит ближайшею причиною народного необычайного усердия к нему.

В богатом и щедром дому, чрез кого бы ни оказывалась милость нищим и нуждающимся, нет от того вражды между членами доброго семейства, отец которого тем больше утешается, чем больше дом его полезен обществу и ближним. Так и в святом небесном семействе: чрез кого бы ни действовала Божия благодать, радуются на небе все святые о грешнике, вспомошествоемом на земле. А почему один из святых чудодействует больше, нежели другой, сокрыто в путях Провидения Божия. Причину сего можно находить, впрочем, и в нас самих. Не во всяком городе Сам Христос совершал много чудес; пришел Он **в отечество Свое, – и не сотвори ту сил многих, за неверство их (Матф. 13:58)**. Очевидно, помощь Божия призывается верою. Святитель Божий Николай, при жизни, разнообразную оказывал людям помощь. Посему, и по кончине его, стали звать его на помощь. А чем больше молятся ему, тем очевиднее действует чрез него всемогущая сила Божия.

Итак, устройство храма в честь угодника Николая есть благословение свыше граду сему. Но жители его должны помнить, что жизнь сего Святителя была милосердие, и потому молитву свою должны подкреплять взаимным миролюбием, призрением убогих, и вообще делами любви, о которых Господь, чрез святых принимающий наши моления, изрек: **милости хочу, а не жертвы (Матф. 9:13)**. Аминь.

14. Слово по освящении придельного храма в Суджанском соборе

Се полн славы дом Господень. Иезек. 43:5.

Таким видел храм Господень пророк Иезекииль в видении своем.

Таким ли мы видим этот храм, в котором находимся, который обозреваем не в видении, а в сущности?

Если остановимся только и на внешности, то не трудно согласиться, что он не чужд славы, что он принадлежит к числу достопримечательных храмов. Красота стен, украшение икон, обилие утвари церковной, внушают каждому то убеждение, что усердие храмоздателя не щадило издержек, и его терпение преодолевало затруднения, в добром и великом деле неизбежные.

Сим усердие храмоздателя и содействие поспешников его еще не ограничится: размеры храма будут возвышены; будет он украшаться внутри, и обогащаться вещами.

Но если б и все в нем и около его было совершено по мысли здателей его, еще нельзя было бы сказать: **полн славы храм Господень**. Как изображение живописное, хотя бы и священные предметы содержало, именуется картиною, а не иконою, доколе оно не освящено для священного употребления: так и храм, как бы ни был великолепно устроен, есть просто дом, а не храм, доколе он, по чиноположению церковному, не освящен. Только после и по силе сего освящения можно сказать: **исполнен славы храм Господень!**

В чем же состоит та слава, которая отныне наполнила и этот новоосвященный храм?

Она состоит, во-первых, в ниспослании на него Духа Святого. Молитвою общею предстоящих и священнослужащих призывается сия благодать Господня; миропомазанием престола и стен навсегда запечатлевается. До сего действия в освящаемом алтаре нет огня; но когда по миропомазании свеча возжигается от кадила, это служит напоминанием того, как Дух Святой низошел некогда на апостолов, в виде огненных языков, в иерусалимской горнице, которая с тех пор перестала быть обыкновенною горницею, а соделалась первым храмом христианским. Сие вселение Духа Божия в освященном храме служит причиною и объяснением того церковного закона, что нельзя больше нигде совершать литургию, или собственно таинство Евхаристии, как только в храме, который восприимчив освящение по чиноположению, от

святых отцов преданному и до нас дошедшему.

Далее, очевидным признаком славы Господней было вшествие Самого Царя славы, когда внесены были сюда святые мощи. Так как силою Христовою были непобедимы святые мученики, терпеливы святые подвижники, и в их телесах нетленных почивает сам Христос Своєю благодатью: то частицы святых мощей, сюда внесенные и на престоле полагаемые, знаменуют сидение Господа здесь, на престоле святом Своем. О втором храме иерусалимском, оставшемся до воплощения Христова, было предсказано, что **велия будет слава** (Агг. 2:10) его, и потому велия, как объяснено было недоумевавшим иудеям, что в этот храм восхотел прийти сам Господь, как Спаситель, которого они искали, и Вестник нового завета, которого они желали. Тот же самый Спаситель не только пребывает Своим таинственным присутствием в каждом храме православном, но и существенно является в святых дарах пречистого тела и крови Своей.

Наконец, славе храмов православных способствует поставление в них тех икон, в честь которых они создаются и которые от того сами называются храмовыми. Издревле нередки примеры, что сии храмовые иконы ознаменовывались проявлениями силы и милости Божией. Так и сия досточтимая икона, которой этот благолепный храм посвящен, уже известна жителям града сего как святыня, от которой, по выражению песни церковной, «неоскудно цельбы и исцеления подаются». Эта святыня не только составляет лучшее украшение здешнего храма, но и служит залогом будущей славы его.

Итак, отныне это здание, вновь возведенное, не есть просто храм, но храм освященный и святой. Чего же требует его святость от всех, входящих в него?

Тому самому пророку, который видел полный славы храм Господень, дано было свыше такое повеление: **Сыне человек! Покажи дому Израилеву храм, и да престанут от грехов своих** (Иез. 43:10).

Вот и присутствовавшим здесь показано было то, что совершила сила Божия нашими бренными руками: храм этот не в видении, а в сущности явился и пребывать будет освященным. Не нужно ли всем нам подумать, как бы отставать от грехов? Иначе, какая же для грешников беспечных будет польза от освященного храма? Когда тело совсем охладело и сделалось трупом, оживет ли оно от того, что будет внесено в тепло нагретую комнату? Когда человек совсем не видит глазами: что увидит он, хотя бы то место, где находится, залито было светом от множества горящих свечей? Так охлаждение души от пороков, ослепление

сердца от страстей бывает для многих причиною, что они, находясь в храме, не получают отрады и пользы для души своей. Кто стоит в храме не для того, чтобы, взирая на действия, в нем совершаемые, постигать их смысл духовный, а для того, чтобы на других посмотреть, и себя показать; кто, забыв обязанность приличия и скромности, смеется во время службы церковной, когда бы надлежало подумать о себе, каяться, и умиляться; кто, даже почувствовав здесь, что ему надлежит быть не таким, каким он живет, однако же, вышедши из храма, спешит возвратиться к тем своим постыдным привычкам, которых рабом приятно быть ему: спасет ли такого нечувственного и рассеянного человека то духовное богатство, каким наполняет благодать Господня каждый освященный храм?

Силой воли, а еще более силой молитвы и помощи свыше, будем обуздывать свои греховные порывы, будем отставать от дурных привычек, и тогда сердцу нашему будет внятно и поучительно всякое изречение и действие богослужбное, всякое изображение священное, и все велелепие святых храмов. Аминь.

15. Слово по освящении храма Вознесения Господня в городе Рыльске (1866 г.)

Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная: и внидет Царь славы. Псал. 23:9.

Сии пророческие слова относятся к событию Вознесения Господня. Когда Иисус Христос возносился на небо: тогда огласило горния страны повеление, что бы поднялись верхи врат небесных пред Ним, как пред Царем славы. Но поелику силы бесплотные увидели сего Царя, исшедшего с человеческою плотию; то «ужаснухся ужасом», и в изумлении вопрошали: **Кто сей Царь славы? – Господь сил**, – было ответом.

Сии же самые слова были возглашены, когда в этот храм совершалось внесение святых мощей. Слабой нашей вере, любопытствующей, кто тогда входит, свойственно было спросить: **Кто есть сей Царь славы?** Но глас церкви уверительно возвестил, что тогда именно вошел сюда Сам **Господь сил**, чтобы Своею благодатью постоянно пребывать здесь, а в Евхаристии и пречистою Своею плотью.

Но как Христос пострадал и воскрес, чтобы нас совоскресить; во славе вознесся на небо, чтобы «падшее вознести естество наше и Отцу спосадить»¹²⁹, чтобы верных Своих последователей совознести в горния, **иде же Он Сам, предтеча о нас (Евр. 6:20), вечное искупление обретеный (9:12)**: так и в храм православный таинственно входит Он, чтобы соделать сие святилище для нас преддверием неба, вратами, чрез которые души приудостоившиеся могли бы возвестись в страну живых, в горний Иерусалим, в царство небесное.

Что храм есть преддверие неба, духовное небо на земле, – для сего довольно вспомнить, кто в нем царствует, и что в нем совершается. Небо, как место блаженства, не может быть без Господа, без Его славного там и все осиявающего пребывания: и здесь, в храме, Он пресущественно, хотя и прикровенно, присутствует. Но, скажем словами святого Златоуста¹³⁰, – «когда видишь Господа, принесенного в жертву, и священника, предстоящего тайнам и молящегося об окропляемых оною бесценною кровью: думаешь ли, что ты еще между людьми, и на земле? Не вознесен ли ты на небо»? – Воистину, Господи, «в храме стояще славы Твоя, на небеси стояти мним».

Такая честь однако же принадлежит только храму православному, и потому именно, что он Святым Духом освящается, и Его селением

делается, как Сам Господь изрек о первом неподвижном храме православном: **Освятих храм сей, еже положити имя Мое тамо во веки, и будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни (3Цар.9:3)**. А что действительно при освящении храма по чиноположению православному все совершает Дух Святой и отбегает дух нечистый, – в объяснение сего полезно вспомнить повесть, преданную нам святым Григорием Двоесловом¹³¹. «В Риме одна еретическая церковь два года стояла запертою. Когда потом перешла она к православным, они положили освятить ее внесением туда мощей святых мучеников Севастиана и Агафии. И вот в то время, как в церкви совершалось торжественное священнодействие, и по малости места народ теснился, некоторые из стоявших вне святылища вдруг почувствовали, что у их ног бегают туда и сюда нечистое животное. Оно бежало из церкви, и удивительно, что все, между которыми оно прошло, это ясно чувствовали, а осязать его никто не мог». Святой повествователь заключает: «Божественное милосердие для того попустило это, чтобы всем было очевидно, что из того места вышел нечистый обитатель».

Поелику и ныне, как прежде, существуют расколы и ереси, то и в наше время спрашивают: какие же отличительные признаки храма православного? Православным именуется тот храм, в котором и христианские таинства совершаются, и учение преподается, во всем согласно, не только с Словом Божиим, но и с отеческими писаниями, и вселенских соборов законоположениями, в греческих подлинных книгах, к нам перешедшими; тот храм, в котором частицы истинных мощей святых, хотя в антиминос, полагаются, и имена не только древних, но и новых угодников Божиих воспоминаются, так как не престаёт в истинной церкви пребывать благодать, в святых иконах и мощах чудодействующая.

Все сие должны твердо помнить те, которые внимают своему спасению, и желают, по миновании скоротечной земной жизни, вознестись туда, куда Своим вознесением преуказал нам путь Царь славы, Христос. Как внезапно и широко отверзаются врата смертные, кому это неизвестно, и кто их зиянием не был смущен в мимошедшее время губительной болезни? Но для какой именно души, по разлучении с телом, отверзлись врата вечные к ее славе и блаженству, и какая душа уже ощутила **воню животную, в живот: к сим кто доволен**, – кто столько силен и самоуверен, чтобы определительно отвечать на этот вопрос (2Кор. 2:16)? – **Позна только Господь сущие Его (2Тим. 2:19)**. А для нас всех то несомненно и непреложно, что как **несть иного имене под небесем**, кроме имени Христова, **о нем же подобает спастися нам (Деян. 4:12)**, так

нет иного входа в царство небесное, кроме церкви, Христом созданной, то есть православной. Другие грехи могут быть прощены, ибо ее же средствами очищаются; а кто отступник от нее самой, где и чем тот очистится? Одного старца искушали, называя гордецом, пустословом и другими не хорошими именами; он все брал на себя, и отвечал: «грешен»; а как скоро назвали еретиком, он твердо сказал: «нет, я – православный». После его спросили, почему он на первые несправедливые укоризны соглашался, а на последнюю нет, старец объяснил: «Сознание в тех грехах полезно душе моей; а быть еретиком значит отпасть от Христа. Не хочу быть я разлученным от Христа, ни в сем, ни в будущем веке»¹³². Аминь.

16. Слово по освящении придельного храма, в Старооскольской Благовещенской церкви

Паче всех их потрудихся: не аз же, но благодать Божия, яже со мною.
1Кор. 15:10.

Первоверховные апостолы, в честь которых освящен ныне сей придел, не воздвигали великолепных храмов, – что в их время, по причине гонений, было и невозможно. Но они приняли на себя более трудное: повсюду насаждали веру, устроили и утверждали церковные общества.

Однако ж из своих великих дел ничего они себе не приписывали, а во всем признавали действие благодати Божией. «Не мы», говорят, «потрудились, а благодать Божия, которая с нами».

Поучимся и мы из их примера всякий добрый успех приписывать Божией силе, и ни в чем на себя не полагаться.

Для растения недостаточно, чтобы оно укоренено было в земле; но нужны еще и свет солнца, и орошение дождем: иначе оно не будет расти, и не принесет плода. Так для благополучного окончания наших дел всегда нужно благословение свыше. Собирает человек все средства к успеху своего предприятия, счастливо предупреждает препятствия, так что по всем соображениям добрый конец казался несомнительным после начала: но вдруг неожиданное изменение обстоятельств разрушает все надежды, исторгает успех из рук, подобно как внезапный напор воды разрушает крепкие оплоты, или как сильная буря ниспровергает большие деревья. Возьмем в пример дело храмоздательства. Сколько существует таких храмов, строение которых начиналось с немногими лептами. Бывали, напротив, печальные случаи, что при богатых средствах воздвигаемые храмы долгое время, по причине непредвидимых обстоятельств, не могли быть приведены к окончанию, или даже доведенные до верха, падали. Чем то и другое можно объяснить, как разве только в благоприятных случаях содействием свыше, а в несчастных удержанием, по грехам нашим, Божия благословения?

Тем более потребна для нас Божия помощь, чем опаснее самонадеянность. В грешной природе нашей кроется склонность к самомечтанию, по которому человек некоторые, удачно им совершенные дела, почитает великими подвигами, и свои слабые силы достаточными для трудных предприятий. Встречаются такие гордые лицемеры, которые думают сами о себе, что они святые, и не стыдятся выдавать себя за великих подвижников.

Но да не хвалится крепкий крепостию своею (Иер. 9:23). Неистошимо богатство благодати, укрепляющей душу, непреборима сила имени Иисусова, **о нем же подобает спастися нам** (Деян. 4:12); а сам в себе человек и беден, и несчастен, когда свое убожество хочет называть богатством. Враг рода человеческого легко примечает одиночество души, ослепленной самонадеянностью, и искусно окрадывает последнее, какое было собрано, ее достояние. Посему апостол предостерегает: **мняйся стояти да блюдется, да не падет** (1Кор. 10:12). Кто успел сделать что-нибудь для души своей, тот да покрывает свои добродетели смирением, и исканием Божия заступления да отклоняет опасность падения. Один блаженный подвижник¹³³ говорил: «Разбойник был на кресте, и одним словом оправдался. Иуда был в лике апостолов, и в одну ночь погубил весь труд свой. Посему никто не должен хвалиться успехом в добрых делах. Ибо все уповавшие на себя пали».

Горькими опытами человек уверяется, что самонадеянность вредит и временному его благополучию. Как **благоволит Господь в боящихся Его, и в уповающих на милость Его** (Пс. 146:10): так, напротив, удаляет свою помощь от надменных и самоуверенных. Посему нередко обращается к их вреду то, в чем они полагали надежное средство для своих целей. Хотят ли они обеспечить себя дорогим имуществом? Его изъедает моль, и тля тлит (Иак. 5:2). Надеются ли на обширность своих, засеваемых хлебом, полей? Первый же неурожай может им показать, что **ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возвращаяй Бог** (1Кор. 3:7). Стремятся ли в отдаленные города, чтобы **куплю деять и приобретение?** Но кто за себя уверен, что еще жив возвратится? По крайней мере, от сей уверенности всех предостерегает апостол Иаков: **Кая жизнь наша? Пара бо есть, яже в мале является, потом же исчезает** (4:13,14). Хвалится ли ученый мудростью своею? **Запинает Господь премудрых в коварстве их** (1Кор. 3:19). Вообще, полагается ли кто на свою предусмотрительность, чтобы обезопасить свое благосостояние? **Аще не Господь сохранит град, всеу бде стрегий** (Пс. 126:1).

Не в древние времена только, но ныне и присно **близ Господь всем призывающим Его во истине** (Псал. 144:18). Будем же всякое наше дело начинать, и всякое наше пожертвование, в храм ли святой, или на пользу общую, замышлять, испрашивая Божия благословения, и предварительно рассуждая сами с собою так, как руководствует апостол: **Аще Господь восхощет, и живи будем, и сотворим сие, или оно** (Иак. 4, 15). Аминь.

17. Слово по освящении Успенского храма в слободе Борисовке

Аще принесеши дар твой ко алтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред алтарем, и шед, прежде примирился с братом твоим. Матф. 5:23–24.

Храм сей красками, веществом и лучшим, против прежнего, устройством обновленный, ныне обновил Дух Святой Своим невидимым наитием во время освящения. Духовное, что освящает, принадлежит Богу и Его благодати; вещественное, видимое, что освящается, зависело от усердия христиан, прихожан сего храма. Ибо их приношения в их были власти: они могли жертвовать, и не жертвовать.

Усердие жертвователей заслуживает справедливой похвалы, и их приношения, как и труд старателей, не будут Богом забыты. Но поелику и в устроенных храмах приличны новые украшения, и новые храмы требуют поддержки; а жители этой веси любят обновлять и украшать храмы: то всем усердствующим и о церковном благолепии пекущимся полезно знать, какие приношения в церковь Божию приятны Богу, и что нужно, чтобы они были Ему приятны.

Был один только храм иерусалимский, когда Господь был на земле. Но Он предвидел усердие христиан; и чтобы не стеснять свободы усердствующих, хотя не постановил относительно церковных пожертвований какого-либо определенного и непреложного закона, однако же указал некоторые существенные черты сих приношений в своем слове. Если ты, говорит, принесешь дар алтарю, и вспомнишь, что брат твой имеет нечто на тебя; оставь дар пред алтарем, поди помирись с братом, и потом дар свой принеси.

Аще принесеши дар. В сих словах предполагается наше добровольное, ничем и никем невынуждаемое усердие. Богу вседовольному ничего от нас не нужно; но мы сами чувствуем потребность благодарить Его за то, что Он дает нам **и жизнь, и дыхание, и все** (Деян. 17:25). Место этой благодарности, Им самим освященное, и для всех открытое, есть храм. Чтобы выразить пред Богом свою благодарность, не жди сборщика, который бы своею требовательностью внушил тебе твою обязанность, или бы избличил твою к Богу непризнательность; но сам, по расположению твоего сердца, по соразмерности твоего достояния, по соображению твоих семейных обстоятельств, сам принеси дар твой в Божию церковь, стараясь о том,

чтобы он только Богу был ведом, и сколько можно, менее известен был людям. Вам известно, что наша святая вера пошла от Иисуса Христа и Его апостолов. Но апостолы Христовы разве за сбором подаваний ходили, когда повсюду проповедовали веру Христову? Они точно принимали приношения на святое дело; но какие приношения? – Совершенно добровольно приносимые. В священной книге читаем, что первые христиане, кто что имел и что хотел, приносили сами к апостолам, и к ногам их полагали. А при самом Иисусе Христе, одна бедная вдова, никем не побуждаемая, пришедши в церковь, положила в церковную кружку свои последние лепты, и Господь похвалил ее усердие, сказав, что она все состояние свое туда положила. Не всякого, но только **доброхотного дателя любит Бог (2Кор. 9:7)**.

Аще принесеши дар твой. Глубокое дает тебе Господь вразумление, напоминая, что дар должен быть **твой**. Из чужого достояния жертвовать легко; но будет ли приятна Богу такая жертва, – это весьма сомнительно. Предпринимают иные прихожане строить новый храм. Но как скоро начнут рассуждать о средствах, о нужде пожертвований, многие начинают отказываться. Один говорит, что торговля худа, и понес убытки; другой, что дом построил, и в долги вошел; третий, что землю купил, и прибыли еще не получил. И множество в семейной жизни найдется неудач и затруднений, по которым неусердный прихожанин увольняет себя от пожертвований на свой приходский храм. Когда, таким образом, оказывается ясно скудость средств для построения его, изобретательные прихожане избирают уполномоченных сборщиков для сбора по миру православному на их храм подаваний. Если б эти чужие подаяния и были столь значительны, что на них действительно построен был бы новый храм: сколько-ж тут достойного похвалы для самих прихожан? Не похоже ли сие на то, как если бы кто позвал к себе почтенного гостя, и постарался бы угостить его на чужой счет? – **Чти Бога от твоих праведных трудов (Притч. 3:9)**. Сим рассуждением однако ж нисколько не охуждаются общие сборы на церковные нужды, как, например, у нас повсеместен сбор на Гроб Господень, и другие древлеправославные, требующие помощи места. Такие подаяния и при апостолах были собираемы и отсылаемы в Иерусалим; даже апостол Павел особенно похваляет македонских христиан за то, что они показали себя **по силе, и паче силы доброхотными (2Кор. 8:3)**, то есть, что у них сбор был очень хорош. Но такие сборы не пример церквам и обществам приходским. Во-первых, Сион святой – мать всех церквей; а во-вторых, общие сборы всегда назначаются правительством, а не самочинно производятся.

Но и твое собственное приношение храму не будет богоугодно, если ты находишься не в должных отношениях к ближним. Преступно одной рукой Богу дар приносить, а другую – ближних обижать. Если ты, принося дар, **помянеши, яко брат твой имать нечто на тя, остави ту дар твой, пред олтарем, и шед, смирися с братом твоим.**

Достоин примечания, что Господь не сказал: «возьми назад твой дар»; а говорит: **оставь пред олтарем.** Говорит же так не потому, чтобы какой-либо дар наш был Ему нужен; а потому, что все, обещанное нами Богу, должно быть отдано Ему, и более не принадлежит нам. **Аще обещаеши обет Господу, не умедли воздати,** сказано в Писании (Еккл. 5:3), и пример Анании и Сапфиры предостерегает нас, как опасно удерживать, что отдано Господу. Они пожертвовали Богу имение; а потом пожалели, и часть его при передаче апостолу Петру утаили. Апостол тогда же избличил их, и они поражены были внезапною смертью.

Помянеши, яко брат твой имать нечто на та. Кто же этот **брат?** и что такое **нечто?** Брат наш есть всякий наш ближний, от начальника высшего до последнего нищего. А, что такое **нечто,** – это лучше скажет совесть каждого из нас. О, как было бы желательно, чтобы наши ближние ничего против нас не имели, по крайней мере, тогда, когда мы идем в храм помолиться! К сожалению, на опыте иногда бывают самые прискорбные явления. Иной не хочет знать требований законного начальства, а какими-нибудь жертвами мечтает угодить Богу; дома своих должников разоряет, а храмы строит; у своих наемников удерживает ничтожную плату, а серебром и золотом иконы одевает; в своем семействе жесток и неприступен, а об украшении приходской церкви заботится с предупредительностью. К таким жертвователям Господь устремляет грозный свой глас: «Что Мне множество жертв ваших? Все это всеуе и напрасно» (Ис. 1:11–13). Посему, когда расположишься что-нибудь пожертвовать в церковь и почувствуешь, что с кем-либо еще не умиротворен: поди прежде помирись с ним. Не знаешь, как помириться? – Вспомни Закхея, который сказал Господу: **аще кого чим обидех, возвращу четверницею** (Лук. 19:8). Нет у тебя на это достатка? Просто поклонись обиженному; признайся, что виноват пред ним, и попроси христианского прощения.

Тогда носи твой дар в церковь; тогда он будет приношением негибнущим и богоприятным. Вот недавно огонь истребил здесь некоторые дома. Что внушает это несчастье? – То, что все прах и пепел. Сгоревшие вещи уже не возвратимы в том же виде. А то, что от чистого и незлобивого усердия приносится в храм Божий, никогда не гибнет, и

сторичную от Господа мзду принесет, хотя бы, попущением Его, и огню подверглось. Нужно и дом свой устроят, и с ближними в мире жить, и дома Божия не забывать. Кто с таким расположением будет делать приношения в церковь, того Господь благословит и помилует, молитвами Богородицы, Еяже славному Успению храм сей посвящен. Аминь.

18. Слово по освящении Троицкого храма в слободе Борисовке

Обетование Святаго Духа прием от Отца, излиая сие, еже вы ныне видите и слышите. Деян. 2:33.

Если храм освящен, то он должен иметь и свой храмовой праздник.

Этот храм обновлен, и ныне освящен во имя Пресвятой Троицы.

Праздники Троицких церквей бывають в один из двух дней, – или в день Пятдесятницы, или в следующий за тем понедельник.

Значение сих двух дней тем нужнее изъяснить, что многие почитают воскресенье Пятдесятницы днем Святого Духа, а следующий понедельник праздником всей Пресвятой Троицы.

В пятидесятый день по воскресении Христовом сошел Дух Святой на апостолов. Но поелику Дух Святой исходит от Отца, а Иисусом Христом посылается, и поелику Его сошествие было заключительным действием в устройении человеческого спасения: то богомудрые отцы уложили, чтобы день Пятдесятницы был общим праздником в честь Божественных Лиц Пресвятой Троицы. Основание такому празднованию можно находить в словах апостола Петра, который, объясняя нисшествие Святого Духа в виде огненных языков, указал на совместное действие всех трех Лиц Божества, проповедовал, что Иисус Христос, приняв от Отца обетование Святого Духа, изливал благодатные дары на апостолов. Посему на вечерне Пятдесятницы и в молитве читается, что Иисус Христос «в сей последний, и великий и спасительный день Пятдесятницы праздника, тайну святых, единосущных, и неразделимых, и неслиянных Троицы показал нам»¹³⁴.

Непосредственно за сим общим праздником Пресвятой Троицы, «чести ради ко Всесвятому Духу, раздельне узакониша праздновати и Ему, иже вся добре разчинившии отцы»¹³⁵.

Понедельник Пятдесятницы издревле называется днем Святого Духа; а на повечерии того дня читается и особый канон Святому Духу. Сим празднеством святые отцы не только отдельно хотели воздать честь третьему лицу Триипостасного Божества; но и имели целью показать, что действие Святого Духа, видимо начавшееся в день Пятдесятницы, продолжается и не кончится в церкви Христовой до скончания века. Как апостол Петр, указуя на явление огненных языков, изъяснял народу: «от Духа Святого излилось то, что вы ныне видите и слышите»: так теперь и мы, недостойные, можем сказать: «от Духа Святого произошло то, что вы ныне видели и слышали при освящении храма сего». Святым Духом

осеняемые, апостолы созидали церкви, устроили жертвенники: Его же благодатью и пришествием совершается освящение православных храмов. Его благодать действовала, когда помазуемы были миром престол и стены; ибо миро есть печать дара Духа Святого. Его пришествие означалось и внесением святых мощей во храм; ибо чудодейственное нетление мощей, частицы которых полагаются на престоле и под престолом, было бы совсем невозможно, если бы плоть праведную, но брэнную и умершую, не хранил от нетления животворящий Дух Святой.

Таково значение праздников, которые чтутся храмовыми в Троицких церквах. Праздники эти великие, и великой требуют чистоты от нас, при их праздновании. Бывают они весною, когда народ, радуясь, что все зеленеет и цветет, любит и сам предаваться веселью. Но по тому самому, что воспоминается сошествие Святого Духа, что празднуется Богу – Духу, надлежало бы тогда тщательнее избегать всякого чувственного и плотского удовольствия. Для сего в апостоле, который читается в Духов день, напоминает православным: **Не упивайтесь вином; но паче исполняйтесь Духом (Еф. 5:18).**

В те дни храмы наши украшаются зеленью и цветами. Обычай этот произошел из церкви ветхозаветной, где он имел, между прочим, и то значение, что предуказывал собою духовное плодоносие церкви Христовой. Святым Духом, как в природе все обновляется, так и всякая душа живится. Посему если в праздник Троицы в церквах зелень и цветы; то чрез сие внушается нам, чтоб и души наши, которые суть **храмы Божии (1Кор. 3:16)**, показывали в себе признаки жизни богоугодной. Только зеленеющая ветвь приносит цвет и плод, а не сухая. Так и душа, только живущая верою и благодатью, может приносить духовный плод. **Плод же духовный есть: любовь** к ближним, **радость** спокойной совести, **мир**, насколько он от нас зависит, **долготерпение** в обидах и напастях, **благость** к враждующим, **милосердие** к бедным и несчастным, **вера**, твердая в православии, **кротость** в обращении со всеми, воздержание от греховных удовольствий (Гал. 5:22).

«Сие празднику плодопринеси! Сие чтится обновлений день»¹³⁶.
Аминь.

19. Слово по освящении храма в слободе Морквиной, Новооскольского уезда

Понеже взыде на сердце твое, еже создати храм имени Моему, добре сотворил еси. 3 Царств. 8:18.

Из всех предприятий царя Давида, намерение его построить храм священный, хотя оно даже и не исполнилось, заслужило особенную похвалу от Бога. Господь сказал ему: «У тебя на сердце построить дом имени Моему? Хорошо, что ты имеешь такое желание».

По этому отзыву можно судить, что если кто строит новую церковь, тот делает самое важное благодеяние своему селению и обществу, и заслуживает от Господа милость, и признательность от добрых людей.

Не Богу нужны церкви; ибо вся вселенная есть храм, в котором **всякое дыхание хвалит Господа (Псал. 150:6)**. Но необходим храм для самого человека, где бы он мог удобнее к Богу приближаться, и для души своей полезное находить. И святой царь Давид похвален был особенно не за то, что он, задумав построить храм, как будто мечтал сделать какое одолжение Богу, **Который не от рук человеческих угождение приемлет, Сам дая всем и живот, и дыхание, и вся (Деян. 17:25)**. Были другие причины, почему намерение Давида так решительно одобрено было свыше. Чрез построение храма Давид, между прочим, хотел и тому способствовать, чтобы народ был более усерден к вере и тверд в ней, боялся Бога и удалялся пороков, был крепче привязан к отечеству, и к своему государю благодетелю.

И действительно, согласиться надобно, что строение церквей выше и важнее других дел благотворительных.

Видя нищих, многие располагаются подавать им милостыню. Ради кого же, и для чего подают? – Ради Христа, и для того, чтобы самим по смерти получить милость от Христа. Но где во Христа не веруют, и церквей Ему не строят; мертва там и любовь между людьми, не приметно милосердие к старым и бедным. По мере ослабления веры, люди, как животные, **друг друга угрызают и снедают (Гал. 5:15)**.

Прекрасное дело заводить училища. Человек неграмотный ходит, как в потемках, а грамотный видит свет, потому что понимает все, что в хороших книгах написано. Но **Господь дает премудрость, и от лица Его познание и разум (Притч. 2:6)**; а в злохудожную душу не внидет премудрость (Прем. 1:4). Вообразим же теперь такую страну, где Христа не знают, и церквей христианских не имеют. Могут ли там быть полезны

училища, если б они и были заведены? Нельзя этого сказать, потому что без света Христова нет истинного просвещения, и ученость безбожнику тоже, что острый нож человеку злему и душегубному.

Благотетельное учреждение и больницы: ибо кому не дорого место, где можно возратить себе здоровье? – Но в Писании сказано, что **Господь создал врача, и Господь же создал от земли врачевания** (Сир. 38:4). Поэтому если Господь не поможет, не подействуют и лекарства. А как Господь поможет, если люди к Нему не прибегают, и храмы Его презирают? Притом болезнь заставляет человека подумать и о душе своей: какое же больному будет напутствие, если нет церкви и священника? Очевидно, и больница зависит от церкви.

Бывают еще дома призрения для бедных и престарелых. Но сколько бы человек ни жил, надобно же когда-нибудь ему и умереть. Потому как бы ни был хорошо он призреваем, душа его алчет сродной себе пищи. Она желает помолиться, ищет утешения в Богослужении, хочет послушать, как святые отцы жили, и чему учили. А для сего нужны храмы Божии, где все это найти можно.

Посему во многих городах ныне, в самых тех зданиях, где помещаются заведения учебные, сиропитательные и лечебные устроятся и Божии храмы, что бы можно было удовлетворять самой первой и важнейшей потребности человека: ибо как для рыбы нужна вода, так для души святая вера.

И так, великое вы, жители здешней веси, получили благодеяние, что нашелся человек, который на свое иждивение построил здесь вместо старой новую церковь.

К чему же обязывает вас это благодеяние?

Во-первых, нужно молиться за храмоздателя, и желать ему всякого добра. Во времена Христовы был сотник, у которого заболел слуга. Почитая себя недостойным принять Господа, он чрез старейшин иудейских просил Его даровать исцеление больному. Старейшины, исполняя поручение, сказали о сотнике Христу: «Он достоин, чтобы Ты это сделал для него, ибо он любит народ наш, и создал нам молитвенный дом» (Лук. 7:4 и сл.). Спаситель уважил ходатайство, исцелил слугу сотника, и чрез то показал, что одобряет и самое чувство признательности к храмоздателям.

Во-вторых, должно, как можно чаще, ходить в Божий храм, и для его поддержания и украшения по силе своей делать пожертвования. Иначе, за небрежение к нему, Господь накажет. Во дни пророка Аггея случилась страшная засуха, а народ не догадывался, за что Господь прогневался.

Тогда Господь Сам чрез пророка людям грешным сказал: «За то, что храм ваш пуст, и вы не ходите туда, небеса удерживают росу, и земля оскудела произрастениями» (Агг. 1:9 и след.).

Наконец, не должно упускать из вида, что хороший хозяин, когда достигнет главного, – построит себе со всеми удобствами дом: заботится об улучшении и прочих частей своего хозяйства. Дом Божий у вас теперь новый и благообразный; старайтесь сами и о своем общепольном хозяйстве, позаботьтесь, чтоб и дети ваши имели, где учиться, и больные, у кого лечиться, и ваши нищие и бесприютные убежище и помощь. **Вера бо чиста сия есть: неведущих просвещать, бедным и больным помогать, и посещати сирых и вдовиц в скорбех их** (Иак. 1:27). Аминь.

20. Слово по освящении храма в селе Колотиловке, Грайворонского уезда

И се Михаил, один от старейшин первых, прииде помощи мне. Дан. 10:18.

Благодатью Святого Духа освятился ныне в здешней веси этот благолепный храм, созданный во имя архистратига Михаила.

Содействующим построению сей церкви и прихожанам ее было бы непростительно не знать: Кто сей Михаил, и почему он назван архистратигом?

У Царя небесного больше воинства, нежели у всех вместе царей земных. Господь и именуется в писании **Саваофом**, Господом воинств, потому что **тысящи тысяч служат Ему, и тьмы тем предстоят Ему** (Дан. 7:10). Когда родился Христос, то Вифлеемским пастырям явилось **множество вой небесных** (Лук. 2:13). Всех этих сил бесплотных главным и первым военачальником поставлен архангел Михаил, что и означает греческим словом: «архистратиг».

Сначала все духи бесплотные были добрые. Но когда некоторые из них возгордились, отпали от Господа Вседержителя, и сделались злыми; то архангел Михаил стал говорить остальным, которых, впрочем, несравненно больше: «Вонмем! Станем добре пред Сотворшим нас, и не дерзнем помыслить что-либо против Бога. Смотрите, что пострадали те, которые были с нами, а теперь в бездну низринулись». – Все добрые ангелы послушали Михаила архангела; воспели: **Свят, свят, свят Господь Саваоф** (Пс. 6:3), и присно блаженствуют, пребывая верными Создателю, так что они уже пасть и сделаться злыми не могут, не по природе своей, а по благодати Божией, подобно тому, как люди святые, после своей кончины, находясь на небе, так и остаются на веки святыми и согрешить уже не могут.

Все ангелы, которыми начальствует архангел Михаил, не равного достоинства; но одни выше других, одни от других получают вразумления, и все посылаются на служение, чтобы нам грешным помогать, и за нас заступаться. Когда один ангел, после беседы с пророком Захарию, отходил от него; то другой ангел явился этому навстречу, и велел возвратиться к пророку, чтобы возвестить ему, что будет с Иерусалимом. По сему случаю святой Григорий Двоеслов замечает: «Когда ангел ангелу говорит: **тецы, и рци к юноши оному**, т. е. Захарии (2:3); то нет сомнения, что один ангел другого посылает. А посылаемые меньше и ниже

тех, которые их посылают и наставляют»¹³⁷. Подобным образом, один ангел другому повелевает изъяснить видение Даниилу, которое пророк этот видел, но понять не мог (8:16). В книге сего же пророка читаем, как архангел Михаил пришел на помощь другому ангелу. Ангел этот предстательствовал пред Богом за народ Израильский, страдавший в плену Вавилонском. По поелику грехи народа превозмогали, и успеху ходатайства препятствовали; то архангел Михаил стал просить Господа за несчастных пленников, вместе с ангелом, за них молившимся.

Из сих священных свидетельств мы, во-первых, ясно видим, что и у ангелов есть свое начальство, что одни из них повелевают, а другие повинуются, что одни наставляют, а другие вразумляются. Если же такой порядок у ангелов, которые грешить не могут: не более ли он нужен для людей, которые на каждом шагу поползновенны претыкаться? Сама наша природа требует, чтобы более способные, сведущие, опытные и призванные несли бремя начальствования; а все прочие пребывали в скромной доле подчинения. **Повинитесь убо всякому начальству человеческому, Господа ради (1Петр. 2:13)**, который и на небе архангелов поставил, и на земле **сущие власти учинил (Римл. 13:1)**.

Далее опыт из первоначальной жизни духов бесплотных научает нас, как важно повиновение законному начальству. Те из них, которые послушали архангела Михаила, верными остались Богу, и за то блаженством наслаждаются. Так всякий должен слушать начальников и старших, которые добру учат, и внушают соблюдать то, чего требует церковь православная и закон государев. А от исполнения требований начальства зависит благоденствие подчиненных. Иначе непослушные должны опасаться праведного гнева Божия. Господь не пощадил и духов, оказавшихся непокорными. **Ангелы, не соблюдающия своего начальства, но оставльшия светлое жилище свое**, Он, связав вечными узами мрака, блюдет, чтобы подвергнуть их большему наказанию в день страшного суда (Иуд. 6) за их злобу и вред людям.

Наконец, из священных повествований об ангелах мы уверяемся, что они верные наши помощники. Много бывает у нас трудных дел, и часто нам угрожают опасности, особенно потому, что духи злобы всякому доброму начинанию стараются препятствовать. Но тому нечего бояться, у кого совесть чиста. Для доброго христианина на небе больше помощников, нежели в темной области врагов. Один благочестивый подвижник, почувствовав искушение и уныние, пришел к другому великому старцу, который, поняв его состояние, повел его на крышу, и говорит ему: «посмотри на запад». Вдруг на западе показалось множество демонов, как

будто приготавливающих на брань. Потом старец говорит ему: «посмотри на восток». Тотчас на востоке явилось бесчисленное множество святых ангелов, облеченных славою. Тогда старец, указав на ангелов, сказал унывавшему: «Вот наши помощники; их гораздо больше»¹³⁸. Посему не должно унывать ни в какой напасти. Кто бережется греха, к тому близок небесный заступник. **Ополчится ангел Господень окрест боящихся Его, и избавит их (Псал. 33:8).** Аминь.

21. Слово по освящении верхнего храма в Белогородской Преображенской церкви

Рече Давид к Нафану пророку: се из живу в дому кедрове, кивот же завета Господня под кожами. И рече Нафан к Давиду: все, еже в сердце твоём, твори, яко Бог с тобою есть. 1Пар. 17:1–2.

По любви к благолепию дома Божия предпринято возобновление храма сего. И хотя, совершено уже освящение его по чиноположению православному, но очевидно всякому, что усердие жертвователя не остановится на сделанном, и к тому, что видим, присоединит еще новые украшения.

Не довольно ли и того, что сделано? – скажет иной любитель простоты. Зачем богатство в храмах, для чего краску покрывать золотом, и иконопись одевать серебром?

Богоспасаемый град сей до того усерден к украшению храмов, так красуется их благолепием, что подобные вопросы покажутся странными и неуместными для жителей его. Но дух нынешнего времени таков, что и священную тишину храмов не оставляет в покое, и на их величие смотрит оком подозрительности, чтобы не сказать, зависти. Действительно, есть глаза, которые не стыдятся свидетельствовать о себе, что они чувствуют боль от блеска и великолепия иных храмов Божиих; есть уста, которые во всеуслышание утверждают, будто по мере заботливости о внешнем великолепии храмов угасает в христианах дух любви к ближним.

Все это ныне не только можно слышать, но и читать. Потому не удивительно, если и люди благочестивые придут к недоумению: не погрешают ли они как-нибудь в своем усердии к храмам Божиим? угодны ли Богу их заботы и жертвы, посвящаемые на украшение церквей? А те, которые смотрят на богатство здешних храмов, могут поколебаться вопросом: не лучше ли было бы, если б это богатство принесено было в жертву Богу иным путем, – употреблено было на дела милосердия к ближним?

Древнейшим храмом рукотворенным можно назвать скинию, или подвижный храм еврейский. Он был устроен не по человеческой мысли, или произволу, но по **образцу**, который **показан** был Моисею самим Богом, **на горе** Синайской (Исх. 25:9–40). Скиния, как простая палатка, была сама по себе вещь не дорогая; несмотря на то, она вмещала в себе великое богатство, не духовное только и таинственное, но и вещественное. Она имела златую кадильницу, золотой сосуд с манною и самый ковчег, в

котором хранился он, был **окован всюду золотом** (Евр. 9:4); это святилище **осеняли херувимы славы**, в виде золотых изображений. Богатству, с каким устроено было Святое Святых, соответствовали и драгоценные одежды первосвященника, имевшего право входить туда. Скажут: это все так устроено было для евреев, чувственный взор которых блеском внешнего величия нужно было возбуждать к созерцанию высоких предметов веры. Правда, но не должно забывать, что никогда Бог не употреблял для Своих целей таких средств, которые были бы противны чистоте истинной веры и божественным Его свойствам. Относительно же скинии, Самим Богом не только показан был образец, как устроить ее украшения, но предварительно было указано и то, где взять для них вещество: по Его повелению, для сей цели золото евреями вынесено было из Египта.

Кто не слышал о богатстве царя Соломона? – И однако ж лучшие из своих драгоценностей употребил он при построении и на украшение храма Господня; даже чего из веществ ценных не мог найти он в своем царстве, то старался приобрести из чужих стран, ревнуя принести в жертву Богу то, что лучшего на земле. Эта великая жертва удостоилась и великих знамений Божия благоволения: Сам Господь не только освятил храм Соломонов видимым явлением Своей славы, но и человекообразно изрек о нем: **будут очи Мои ту, и сердце Мое по вся дни** (3Цар. 9:9). Если же пришли дни, когда отвратил Господь очи Свои от сего храма и попустил ему быть разрушенным; то не великолепие его, казавшееся изысканным, не богатство его украшений было причиною сего несчастья, а грехи вероломного народа, за которые и сам он отведен был в плен, и храм иерусалимский был Богом отвергнут.

Скажут еще, что все это было и прошло в ветхозаветные времена; а храмы христианские, по крайней мере, первые и к Христову на земле пребыванию ближайšie, были просты. – Мало сказать: просты; они даже были бедны. Но так было не потому, что будто их бедность была заповедана Христом, или что она строго соответствовала духу веры евангельской. Могли ли первые христиане думать о великолепных храмах, когда по причине лютых гонений, совершали богослужение и в простых храминах, даже в пещерах, не ручаясь притом за свою безопасность ни на один час? – При всем том, не должно забывать, что Сам Спаситель, когда определил совершить Тайную Вечерю, то предварительно повелел **приготовить** комнату, и известно, что она не просто была приготовлена, но и не бедно украшена, по усердию хозяина и обычаю страны. Но как Тайная Вечеря была первая из литургий, совершаемых в церкви

христианской: так Сионская горница, с ее украшением, была первым из христианских храмов. Потому не удивительно, что как только Евангелие возгосподствовало над язычеством, христиане немедленно стали строить и украшать храмы, в чем показал примечательный пример сам равноапостольный царь Константин. Много он построил церквей, и с царскою щедростью украсил их; а созданный им в Константинополе храм во имя двенадцати апостолов так дорого стоил, что по богатству своих принадлежностей и украшений назван был «золотым».

Мысль о великолепном украшении храмов держится на врожденной сердцу человеческому потребности приносить что-либо, по возможности, лучшее в жертву Богу. Это естественный долг благодарности от твари Творцу, от человека Богу. Исполнение сего долга так древне, что современно первым людям на земле, и так чисто и неукоризненно, что самим Богом многократно было одобрено. Авель выбирает в жертву Богу лучших животных из своего стада, и жертва его благоволительно принята Богом. Давид рассуждает: стыдно мне жить в дорогом доме, построенном из кедрового дерева, тогда как храм Божий остается в виде простого шатра, тогда как **кивот** завета Господня находится под кожаными покрывалами. Бог благословил меня богатством: Ему принесу лучшую часть моего достояния. В ответ на сие обетное желание пророк Нафан говорит ему: «Хорошо, что ты помыслил это сделать. Твори, что взошло тебе на сердце» (3 Царств. 8:18). Люди нынешнего века скажут: Бог только не препятствовал Давиду, одобряя желание его строить храм; но, быть может, лучше и для Бога приятнее строить больницу, или иное какое человеколюбивое заведение. В ответ на это припомним два случая, бывшие во время земной жизни Спасителя. Вдовица опускает две лепты в церковную кружку. Не сказал Господь, за чем она их не отдала таким же нищим, как сама; напротив, похвалил ее усердие к храму Божию, проникнув, что в этих лептах заключалось все состояние ее, и следовательно она пожертвовала для храма всем, что имела. Другая женщина принесла сосуд драгоценного мира и помазала им ноги Спасителя. Видя это, Иуда заметил, что лучше бы было, если б сие миро продано было, и вырученные деньги розданы были нищим. Но Спаситель воспретил останавливать усердную жену, указав ту причину, что нищие найдутся всегда, а такое усердие редко, и предсказал, что пример ее сделается известен всюду, где будет проповедано Евангелие, – и для чего же, как если не в поучение грядущим поколениям? Подобные примеры так отрадны и так близки сердцу человеческому, что трудно угасить в нем желание им подражать. С одной стороны, мысль, что делающий

приношение алтарю, приносит свой дар Самому Христу, совершенно справедлива и утешительна. С другой стороны, столько же справедливо, что в жертву Богу должно приносить лучшее и ценное, а не худшее и презренное. Странно было бы и горько человеку верующему видеть, если бы православные христиане, для вкушения пищи и питья, употребляли серебряные или золотые чаши; а в приходском их храме богослужебные сосуды были оловянные. Не Сам ли Господь сказал: **Мое есть серебро, и Мое злато** (Агг. 2:9)? И если Тот же Бог дал человеку смысл, чтобы злато и серебро извлекать из земли и употреблять по своему произволу: то не Богу ли преимущественно он обязан приносить лучшее из всего, чего не может взять с собой, отходя сам в землю? Если люди в общежитии, по светскому приличию, по духу века, употребляют вещи многоценные: то не будет ли подражанием Иуде осуждать благодетелей, которые значительную часть достояния своего жертвуют на храмы Божии, по чувству своей зависимости от Бога и своей благодарности к Нему?

Думают иные, что богатые жертвы в храмы нередко истекают из тщеславия. – А разве человеколюбивых заведений не строило тщеславие? Надобно исправлять побуждение; но не должно осуждать самое дело.

Что может быть осудительного в усердии христианина, когда он строит храм, не для похвалы человеческой, а для того, чтобы добрые люди с ним вместе молились, и за него помолились? Притом не должно забывать, что истинно христианские дела содружественны между собою, и невозможно подумать, чтобы тот, кто чисто полюбил одну добродетель, возненавидел другую. Едва ли будет сочувствовать страждущему человечеству и пойдет с своими дарами в дома плача тот, кто решится на свое достояние строить дома зрелищ и увеселений; но большею частью бывает, что кто на свое иждивение строит и украшает храмы, делит свое достояние между Богом и бедными, или точнее сказать, служит своими избытками Единому Богу, благодатью Своею живущему в храмах и приемлющему жертвы через руки нищих.

Итак, да не смущается сердце ревнителей благолепия церковного, когда коснется их слуха насмешливый отзыв современного легкомыслия. Но да вливается в их душу сладость, когда они слышат, как церковь молится за них: «Господи, освяти любящие благолепие дому Твоего, и воспрослави их божественною Твоею силою»¹³⁹. Аминь.

22. Слово по освящении храма в селе Уланке, Суджанского уезда

Вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему в страсе Твоем. Псал. 5:8.

Благодатью Святого Духа ныне освятился храм сей, стоивший многих трудов и, быть может, не малых печалей его попечителям и здателям. Но и нечто необыкновенное послужило к утешению их. Ибо благословение святой горы Афонской, ознаменованной чудесами Пресвятой Богородицы, пришло на храм сей, в котором, как известно жителям этой веси, и самый престол устроен из дров, произрасших на Афоне.

Сие обстоятельство утешительно и поучительно. Оно потому и случилось, что мы исповедуем ту же веру православную, которая сохраняется в странах восточных от времен апостольских. Посему едина вера и у нас, и на Афоне. Это нас обязывает подражать древним христианам и нынешним благочестивым подвижникам и в строгости поведения при посещении святых храмов.

Кто входит в дом Божий, тот должен поклоняться в страхе. Не того при входе в храм нужно бояться, что как будто нам угрожает здесь опасность, или беда какая. Напротив, церковь не есть место горести и страха, а прибежище утешения, надежды и спасения. Но надобно нам здесь бояться за себя и свое недостойнство. Кто входит к начальнику своему, тот заботится, чтобы ничем не оскорбить его. Кто идет в жилище Божие предстать с молитвою лицу Божию, тому нужна осторожность, как бы чем не оскорбить Господа.

Оскорбляют святость храма те, которые по лености уходят из него прежде конца службы. На Афоне и ныне некоторые церковные службы продолжаются непрерывно по десяти часов и более; но кто ищет спасения души своей, тот не тяготится продолжительностью беседы своей с Богом. И в наших храмах всякое богослужение есть такое действие, в котором мы слышим слово Господа к нам, видим спасительное Его о нас промышление, и можем воссылать к Нему свои воздыхания и мольбы. Ради нашей лености и неизбежных забот житейских, священнослужения в наших храмах уже не так продолжительны, как на Афоне. Но тем виновнее тот, кто и при этом не хочет выслушать полной службы церковной, забывая, что и земного отца может сын опечалить, когда уйдет от него не выслушав, что тот хотел сказать ему.

Оскорбляют святость храма и те, которые стоят в нем рассеянно. В

древней православной церкви считалось неприличным не только заниматься разговорами в храме во время богослужения, но даже и слово сказать ближнему, хотя бы кто встретился с таким другом, с которым давно не видался. Григорий Богослов, вспоминая о своей благочестивой матери, говорит: «Кто благоговейнее ее стоял во время всенощных бдений и дневных служб? Не было слышно там ни одного ее слова. Она чтит святыню молчанием; никогда не становилась задом к алтарю; не плевала на пол в Божием храме»¹⁴⁰. Так должно быть даже и по нашим житейским обычаям. Чем почтеннее и чище дом, тем осмотрительнее держит себя человек, вошедший туда. Какой же на земле дом может быть почтеннее дома Божия? Может ли быть что-либо в наших жилищах святее алтаря Господня? Какие высокие тайнодействия совершаются в нем! Ангелы Божии невидимо служат таинствам, совершаемым руками священников, и невидимо смотрят на всех находящихся в храме.

Но и те оскорбляют святость храма, которые, хотя и молча стоят, но думают не о том, что пред ними совершается в храме, или, пред лицом Бога мира и любви, продолжают питать к ближнему чувство злобы и вражды. Не можешь ты принять никакой пищи, если не раскроешь рта: не увидишь и таких предметов, которые перед твоими глазами, если не обратишь на них внимания и дозволишь, чтобы воображение было увлечено и помрачено какими-нибудь страстными мечтаниями. Так часто и для многих не совсем понятным кажется наше церковное богослужение: но не сами ли они большею частью виновны в том? ибо не хотят открыть сердце, чтобы проникла туда сила церковных песнопений, не хотят внимать даже и тогда, когда диакон возглашает: «вонмем». Слышится пение: «отложим всякое житейское попечение»; а слух у иного закрыт, и закрыт именно от того, что душа занята заботою о чем-либо житейском, или враждой против человека, который стоит тут же в храме. Не так поступали древние благочестивые христиане. Они и дома рассуждали о том, что видели и слышали в храме, чтобы от других получить объяснение, чего не вдруг могли понять сами. А в знак мира между собою и христианской любви, они в храме лобызали друг друга, что и поныне совершают священнослужители в алтаре. Если такое лобзание в нынешнее время по многочисленности присутствующих в храме неудобно; то напротив, для кого неудобно простить своему знакомому оскорбление, от него полученное, помириться с обидевшим, исполнить слово Христово: «Ты, если принес дар в церковь, и вспомнишь, что брат имеет нечто против тебя, оставь здесь твое приношение, и иди, примиришься прежде с братом твоим» (Матф. 5:23)?

Оскорбляют святость храма и те, которые идут сюда в нечистоте, или несут сюда что-либо нечистое, или запрещенное. Древние христиане перед входом во храм омывали лицо, руки и ноги. Сие они делали как из уважения к месту, куда шли, так и для побуждения к чистоте духовной, сердечной, в уверенности, что ничто, по небрежности, нечистое не может быть угодно Господу. Посему и тот, кто в земледельческих трудах, не освобождается от обязанности идти чистым в Божий храм: не белизна кожи, а очищение тела и души требуется от всякого. Омой свое лицо не только водою, но и воздержанием, трезвостью, – и твое хотя не белое, но чистое лицо не постыдится пред лицом Божиим. Так и в вещах, приносимых в церковь, нужна разборчивость. В иных местах держится обычай приносить в храм мясо на панихиду, за упокой души, будто ей будет от того отрада. Никакой отрады усопшим не будет от этого обычая, который соблюдают невежественные люди. Потому что царство небесное, для душ отшедших, не есть пища телесная или питье, а радость от Духа Святого подаваемая. Если же дозволена заупокойная трапеза, то как благотворение за них. Принести в церковь хлеб, красное вино, свечи, ладан, масло, пшеницу, иногда плоды, – это святыми отцами одобрено, и издревле считается чистою жертвою храму Господню. А всякие пиршества в церквах святые отцы всевозможным образом возбраняли; о мясах вот что на шестом вселенском соборе законоположили: «В Арменской стране, как уведали мы, бывает, что некоторые, сварив части мяс, приносят внутрь храма, и разделяют священникам по иудейскому обычаю. Посему, соблюдая чистоту церкви, определяем: да не будет сие никому же позволено... и аще восхощет дати клирикам приносящий, то таковое приношение да бывает вне церкви» (Пр. 93).

Братия святого храма сего! Однажды, Господь, явясь Моисею, сказал ему: «иззуй сапоги; место, на котором ты стоишь, свято» (Исх. 3:5). Вот дал вам Господь святейшее место, где вы стоите теперь: отбросьте же, как нечистую обувь, худые привычки, очищайте себя миролюбием, воздержанием, трудолюбием, повиновением, чтобы Господь слышал вами отныне приносимые в сем храме моления. Аминь.

23. Слово по освящении возобновленного Успенского храма в слободе Михайловке, Новооскольского уезда

Тако и мы во обновлении жизни ходити начнем. Римл. 6:4.

Апостол Павел напоминает нам, что мы для того крестились во Христа, чтобы нам ходить в обновленной жизни.

Кто обновляет свой дом, тот знает, в чем состоит его обновление. Надобно из старого вещества взять что пригодно; надобно перестроенное украсить так, чтобы тот же дом, но казался иным, лучшим. Жизнь обновленная есть изменение души к лучшему, оставление привычек худых и обращение к занятиям богоугодным. У нового по духу человека на каждый день свои новые добрые дела.

К такому обновлению жизни побуждает нас и нынешний праздник. Прихожане храма сего празднуют ныне его обновление. Он обветшал, – и усердием их возобновлен; потемнело его благолепие, – и явилось в нем новое украшение; против прежнего, все изменилось в нем к лучшему. Богу ли это нужно, который ни в чем не нуждается, Сам подавая нам все? – Нет, обновление храмов нужно для духовного обновления и освящения людей. «К себе восходи, человече! Буди нов, вместо ветхого, и души празднуй обновление. Да обновляется тебе всякаго жития путь. Сие празднику плодопринеси, добрым изменением изменяем»¹⁴¹.

Каким же образом обновлению нашей жизни храм Божий способствовать может?

Пример видим в Пречистой Деве Марии, в честь которой ныне освящен этот обновленный храм. С трех лет воспитывалась Она при храме. Что-ж Она там делала? – Молилась, училась, услаждалась священнодействиями; с ангелом беседовала, и духовным обновлением до того возвысилась, что Материю Господа нашего соделалась.

Если ее пример высок; то припомним другую Марию, по прозванию Египетскую. Она была сначала великая грешница, а потом стала великая праведница. От чего-ж она так изменилась? От того, что святыня храма Божия дала ей почувствовать греховное ее безобразие. Она хотела войти внутрь его; но невидимая сила останавливала ее в притворе. Тогда она воззрела на икону Богоматери, и слезы раскаяния полились из очей ее. Быв потом допущена в храм, и причастившись, она отправилась в пустыню Иорданскую, на подвиги поста и молитвы¹⁴².

Такие примеры показывают, как храм Божий способствует, чтоб душа обновлялась. Все в нем душе полезно, что в нем видится, слышится и

совершается. Святые, написанные на стенах его, напоминают нам, что и они были подобострастные нам человеки, и своими житиями объясняют нам, как можно Богу угождать. То читается здесь Евангелие, – и мы слышим Самого Христа; то беседуют здесь с нами, чрез свои писания, апостолы и пророки; весь состав церковных песнопений сложен так, что каждое в них изречение назидает душу, и возбуждает ее к молитве. Потому Сам Бог назвал **церковь домом молитвы** (Лук. 19:46), что в ней лучше и успешнее можно помолиться, нежели где-либо на ином месте. Многие примеры то подтверждают. Анна, мать Самуила, скорбела о своем неплодстве, и **при празе двери храма Господня** (1Цар. 1:9) получила уверение, что будет по ее прошению. Захарии в церкви ангел возвестил, что жена его родит Иоанна Крестителя. Мытарь, смиренно молясь в храме о грехах своих, сниде оправдан в дом свой (Лук. 18:14). Храм необходим для таинства Евхаристии: ибо нигде на простом месте не может быть она совершаема. Но в сем таинстве заключается необходимое и высшее условие обновления жизни нашей. **Аще не снете плоти Сына человеческого, ни пиете крове Его, живота не имате в себе**, – сказал Спаситель (Иоан.6:53).

Так в храме Божиим все направлено к обновлению души. Если войти в комнату, наполненную ароматами; то и по выходе из нее ощущается запах ароматный, на одежде и на теле. Если из душного и зловонного места выйти на чистый воздух: тотчас почувствуется облегчение в дыхании, и освежение во всем теле. Подобное даруется и в храме Господнем: кто с благоговением сюда входит, тот сам почувствует, как освежается его душа. Ибо здесь благоухание святых, с которою никогда не может смешаться разлитое в мире зловоние греха. Посему великое дело сделано, возобновлением и сей церкви, которую ныне, по совершении вещественного ее благоуукрашения, обновил и Дух Святой. Остается входящим сюда и молящимся здесь духовно обновляться. Такое обновление, – кто его сподобится, – есть также праздник великий и небесной даже радости достойный. Как мы ныне светло празднуем обновление сего рукотворенного храма, так ангелы празднуют обновление всякой души христианской. Ибо Сам Христос сказал: **радость бывает у ангелов Божиих о едином грешнике кающемся** (Лук. 15:10). Аминь.

24. Слово по освящении храма великомученика Димитрия в селе Дорогоще, Грайворонского уезда

Обретоста Его в церкви, сидяща посреде учителей, послушающа их и вопрошающа их Лук. 2:46.

В нынешнее время повсюду возбуждается заботливость о воспитании детей. Правительство требует и от простолюдинов, чтобы их дети не были оставляемы без наставления и обучения, для чего по многим селениям учреждаются училища.

Но простолюдины говорят: «мы люди темные, сами ничему не учились, проводим жизнь в земледельческих и других черных трудах. Как нам воспитывать своих детей? Чему мы их научим, кроме тех работ, которые весь век свой исполняем сами?»

Такие речи не совсем справедливы. И неученые простолюдины могут найти средство, как уменьшить мрак той темноты, в которой погружены и сами и их дети. Есть место, всем доступное, в котором и малые, и взрослые могут многое узнать, и многому научиться. Такое место есть храм Божий. Как же храм Божий способствует воспитанию детей?

Иисус Христос, как Бог, не имел отца по плоти, ибо Он родился от Духа Святого и Девы Марии. Дни своего младенчества, вместе с нею, Он провел у мнимого отца своего Иосифа, которому она была обручена. Этот Иосиф был простой человек, ремеслом древодел, а по просторечию, плотник. Он не мог дать Иисусу Христу того образования, какое получали тогда дети знатных и богатых людей. Но он имел благочестивый обычай ходить в Божий храм, и водить туда мнимого сына своего Иисуса. Однажды, когда Иосиф и Мария возвращались из храма Иерусалимского домой в Назарет, отстал от них отрок Иисус. Долго, но без успеха, родители искали его между знакомыми и спутниками; с дороги вернулись в Иерусалим, и уже на третий день нашли Его в храме, где сидел Он подле Иудейских учителей, слушал их и делал им разные вопросы. А ему было только двенадцать лет от рождества, Иисус Христос, хотя был в младенческих летах, но как Бог, все знал, и не требовалось, чтобы кто учил Его. Для чего же, – спрашивается, – Он во храме выслушивал церковных учителей, и желал от них изъяснений по предметам веры? Хотя главная Его цель была та, чтобы еще в отрочестве показать Свою божественную мудрость; но это пребывание Его в храме ясно внушает нам, что от дней младенчества каждый христианин должен ходить в церковь Божию, и может приобретать в ней различные душеполезные познания.

Издrevле храмы Божии почитались училищами народными, по той причине, что здесь предлагаются поучения народу, способствующие его духовному просвещению. Из сих поучений, по мере того, чем проще они излагаются, могут извлекать и дети понятные для себя наставления.

Но если б, по обстоятельствам, и не было произносимо в каком-либо храме поучений, во всяком читается исповедание веры, молитва Господня, священное писание, и вся служба церковная сложена из разных стихов и песнопений, которых содержание дает многие, понятные и для детей наставления. Например, как приятно для родителей, чтобы дети почитали их; но иная мать и сама не знает, что сказал о том Бог. А в церкви, по временам, во всеуслышание возвещается Божия заповедь: **Чти отца твоего и мать**, и прибавляется, что это **первая заповедь**, соединенная с **обетованием**; ибо детям почтительным обещано благоденствие и долголетие (Ефес. 6:2,3).

Самое богослужение, совершаемое в храме, хотя не всегда приметно, но весьма благотворно действует на ум и сердце детей. Порядок церковного богослужения, устройство и расположение церковных принадлежностей, действия священнослужителей, их облачения и благолепие алтаря Господня, – все сие вместе так действует на воображение детей, что они хотя и не знают, какое значение имеют таинственные обряды, но то ощущают, что здесь присутствует Сам Бог, и заранее привыкают благоговеть пред Ним. А это чувство благочестия, в котором дети не могут дать себе отчета, делается для них на всю жизнь стражем их поведения и основанием их успехов в учении, и счастья в жизни. Ибо сказано: **боящемуся Господа благо будет напоследок** (Сир. 1:13) и **начало премудрости страх Господень** (Ис. 110:10). Замечено, что те дети и благонравнее, и учатся прилежнее, которые чаще приходят в церковь Божию и с большим любопытством наблюдают за всем тем, что совершается здесь.

А любопытство детское особенно сильно возбуждается святыми иконами, и вообще священными изображениями, которыми украшаются иконостас и стены храма. Видит здесь дитя большое распятие, какого не случалось видеть ему в домах; оно любопытствует, Кто это висит на кресте, и когда ему скажут, оно спрашивает, за что иудеи Христа распяли. Так святые изображения способствуют детской душе обогащаться полезными и спасительными познаниями. И какие неизгладимые впечатления они оставляют на всю жизнь, это показывает нам воспитание святого великомученика Димитрия, в честь которого освящен ныне сей храм. В то время, когда он родился, было страшное гонение на христиан.

Родители его, люди не бедные, тайно веровали во Христа и имели в доме своем особое место, куда ежедневно приходили молиться. Здесь поставлены были иконы Спасителя и Божией Матери. Когда младенец Димитрий вырос, так что уже мог понимать и рассуждать; то родители привели его в это место молиться, и там, указав ему на святые иконы, изъяснили ему сущность христианской веры. Димитрий слушал со вниманием, потом поклонился пред иконами, приложился к ним, и с тех пор стал веровать во Христа, так постоянно и так крепко, что впоследствии принял страдания и мученическую кончину за Него¹⁴³. Если же так подействовали на Димитрия иконы в домашней молитвенной храмине; то еще глубже могут они производить впечатление на детское сердце в святом храме, где их и больше, и они величественнее.

И так приводите детей чаще в храм Божий, и приводите не для того, чтобы они здесь вели себя рассеянно и неприлично (ибо и им тогда нет пользы, и богослужению препятствие), но для того, чтобы поучались и приближались ко Христу. Христос сказал: **оставите детей приходить ко Мне, и не возбраняйте им** (Марк. 10:14). Это Он сказал, когда ходил по земле. А теперь куда же им идти к Нему? В святой храм, где Он таинственно присутствует и на каждой литургии, в священном слове, вещает: **приидите, чада, послушайте мене: страху Господню научу вас** (Псал. 33:12). Аминь.

25. Слово по освящении храма в селе Дяконове, Курского уезда

И взыщите Господа Бога вашего, и обрящете Его, егда взыщете Его от всего вашего сердца. Втор. 4:29.

Лучшее место, где можно найти Бога, есть церковь. Сам Господь сказал об священном храме: **будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни** (3Цар. 9:3).

В здешней веси уже существует поместительный храм: зачем же нужен стал другой?

Ответ не затруднителен: тот храм холодный, а этот теплый, и устроен для того, чтобы удобнее было молиться в зимнее время.

И так устройство сего храма соответствует потребностям времени, и жители здешние должны быть признательны к тому доброму человеку, которому пришло на мысль устроить эту теплую церковь, и к тем, которые помогли ему в таком святом деле.

Но теплота в здании церковном еще не много значит, если не будет тепла молитва молящихся в нем.

Чтобы искать Бога, с надеждою приблизиться к Нему, надобно от всего сердца искать Его. Когда в лесу один потеряет другого: ищет его, напрягая взор кругом, где однако ж ничего не видно; зовет его голосом, прислушивается, не откликнется ли на зов; старается прийти на то место, где сойтись условились. Так и в дебрях суеты житейской надобно почувствовать духовное с Богом разлучение, избегать стезей, которые удаляют от Него, спешить в то место, где Бог близок призывающим Его, а именно в святой храм, и здесь внимательно слушать, что говорит о себе Господь, познавать, как является Он таинственно в священнодействиях, и воображением, сердцем, взором обращаться к Нему, как подле нас пребывающему и вечно живому; это самое и есть, что составляет и что поддерживает теплоту в молитве.

Если пол в церкви каменный, или чугунный: он не перестанет быть холодным, хотя бы там было и очень тепло. Так душа грубая остается холодною и во время молитвы. Равнодушный и рассеянный молится только внешними знаками, кладет поклоны, крестное знамение, выговаривает иные молитвенные слова, а в сердце пусто, нет умиления. Угодно ли это Богу, можно судить по простому опыту. Если б подошел к нам какой человек, и стал что-нибудь рассказывать, но так вяло и но завлекательно, как будто нехотя говорит, – едва слышно, а что и слышно, в

том не видно ни конца, ни связи речи: какая была бы охота слушать такого собеседника, не поспешили ль бы мы оставить такого рассказчика одного, чтобы беседовал сам с собою? – Тем более оскорбительна для Бога подобная вялость и холодность в беседе с Ним, называемой молитвою, в которой мы можем изъяснить пред Ним свои нужды и грехи, и просить милости себе. Один церковный учитель (Августин) предостерегает: «Как же ты хочешь, чтобы Бог тебя слышал, когда ты сам не слышишь, что пред Ним говоришь?». И действительно, Сам Господь осуждает тех, которые без сердечного участия, холодно молятся. **Приближаются Мне люди сии усты своими, и устнами чтут Мя; сердце же их далече отстоит от Мене. Все же чтут Мя (Матф. 15:8–9).**

Тепло молиться может всякий, и простолюдин. Тут не нужно многословие. Истинный и стыдливый нищий мало говорит, но унылый вид его лица, отпечаток истомленной горем и нуждою души, его взор умоляющий и жаждущий подаяния, его рубище, едва покрывающее наготу его, – все это вместе говорит за него убедительнее слов. Так пред Богом должна быть открыта вся наша бедная обнищавшая душа. Не многословить советуют нам святые Отцы, а произносить молитву: «Отче наш», или, воздев руки, говорить: Господи! как Тебе угодно, помилуй; а если нападает искушение, взывать: «Господи, помоги!»¹⁴⁴ Была в древности благочестивая жена, по имени Анна, долго скорбевшая о том, что не имела детей. Пришла она в храм, и начала пламенно молиться, чтобы дал ей Бог сына. Говорила же она в сердце своем, только уста ее двигались, а голоса не было слышно. Первосвященник, бывший там, счел ее нетрезвою и упрекнул ее. А она кротко отвечала ему: «Нет, мой владыко, я жена, скорбящая духом, вина не пила, но изливаю душу пред Богом». Тогда первосвященник, поняв ее состояние, сказал ей: «иди с миром, Бог исполнит прошение твое». Вскоре после этой пламенной молитвы, Анна зачала и родила сына, Самуила, великого пророка (1 Цар. 1:13 и след.). Так иногда сильно говорит пред Богом чувство, хотя и язык молчит.

Люди простые скажут: «Где нам так усердно молиться, как молились угодники Божии!» – Всякое дело требует навыка. Человек, если упадет в воду, утопает. Но кто умеет плавать, тот держится на поверхности воды, и не тонет. Душу нашу поглощает суета греховная. Но всякий может возникать из этой глубины на высоту добрых расположений. Сами святые отцы (Иоанн Лествичник) сознавались, что не развлекаться мыслями свойственно только ангелам. Однако же то развлечение, против которого борешься, еще не уничтожит теплоты сердечной. Смотри на икону Спасителя, и воображай, что Сам Он здесь; слушай Евангелие, и помни,

что это Сам Христос говорит. От такого благоговения возгорается теплота молитвенная, при которой сердце рвется и стремится к **Богу крепкому, живому** (Псал. 41:3). **Предзрех**, говорит Давид, т. е. ясно вижу, **Господа предо мною, яко одесную мене есть** (Псал. 15:8).

Как усердно и богоугодно могут молиться самые простые люди, – отчасти напоминает нам это храмовой праздник освященной ныне церкви. Она называется Покровскою. Что же такое – покров? – Лет около тысячи назад неверные Сарацины хотели завоевать Царь-град. Жители испугались, и собрались во множестве в храм Пресвятой Богородицы. Все очень усердно молились, и между ними Андрей юродивый, который считался малоумным, но был высокой жизни, и непрестанно молился. К концу всеобщей молитвы, он видит, что Сама Матерь Божия явилась, и покрывает всех молящихся своим омофором, т. е. длинным полотном. Андрей указал видение другому простому, но благоговейному христианину: и вскоре враги были побеждены, и прогнаны.

Да притекают же в сей теплый храм его прихожане, среди всякого холода и зимнего, и душевного; да согревают свои души тем, что здесь видится, и что здесь совершается. Ибо нет сомнения, что всякий может обрести милость Божию, кто ищет ее от всего сердца, молитвою усердною и теплою. Аминь.

26. Слово по освящении храма в селе Вязовом, Грайворонского уезда

Человек некий бе домовит, иже насади виноград, и оплотом огради его, и ископа в нем точило, и созда столп. Матф. 21:33.

Ныне мы слышали причту Христову, взятую с того, как один человек домовитый насадил виноградник, огородил его, устроил место для виноделия и поставил среди сада горницу. Под виноградником разумеется народ иудейский. Бог оградил его оплотом, – законом, данным на Синае; устроил среди его жертвенник, для принесения жертв, и создал горницу, то есть храм, который сначала был подвижной и назывался скиниею, а потом постоянный и великолепный, в Иерусалиме.

Если Бог сам дал народу своему храм: то не следует ли заключить, что и мы, когда строим Богу храмы, делаем дело, Ему желательное и удобное?

Действительно, Бог сам желает, чтобы созидались Ему церкви. Храм иерусалимский, за грехи народа Божия, был разрушен Вавилонянами. Но как скоро иудеи возвратились из плена вавилонского, Бог побуждал их, чрез пророков Аггея и Захарию, строить новый. **Созиждите храм, и благоволю в нем (Агг. 1:8). Обращая к Иерусалиму щедротами, и храм Мой созиждется в нем (Зах. 1:16).**

Во второй храм иерусалимский приходил сам Иисус Христос; охраняя его честь, Он однажды выгнал вервием оттуда торжников и всех, которые вели себя там не хорошо. А что у народа иудейского был иерусалимский только храм, на то свои были причины. Это побуждало иудеев чаще собираться в Иерусалим, теснее соединяться между собою, остерегаться лжебожия и суеверия, и тверже помнить, что в Иерусалиме надлежало умереть и воскреснуть Иисусу Христу.

Иудеи так и знали, что **в Иерусалиме есть место, идеже Богу кланяться подобает (Иоан. 4:20)**. поелику же Христос пришел снасти всех; то с распространением Христианской веры повсюду умножаться стали и христианские храмы. Чтобы поощрить Христиан к устройению молитвенных собраний, Господь дал нам обещание: **идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их (Мф. 18:20)**. А церковь есть главное место собрания для молитвы. Посему в молитве на освящение храма упоминается, что «Сам Господь по всей земле насадил церкви своя и жертвенники своя».

Молитвенные места у первых христиан были малоукрашенные и потаенные, потому что гонители язычники препятствовали строить

церкви, а построенные сжигали, или разрушали. Но когда сами цари сделались христианами, как, например, равноапостольные Константин и Елена: тогда и храмы стали умножаться, и строились один великолепнее другого. Так и в русском государстве от времен князя Владимира, церкви невозбранно строились, и ныне не только церкви умножаются, но и монастыри открываются вновь.

Между тем, людьми неблагонамеренными распространяется слух, будто многие церкви предположены к уничтожению. Не может это быть в нашей стране, доколе она православна: в ней Сам Господь воздвигает храмоздателей, в ней храмостроение поощряется правительством, как дело, Богу желательное и угодное. Если же ныне указано, чтобы кроме самостоятельных, были иные приписные: то распоряжение это имеет свою полезную цель. Кто бывал в наших древних северных городах, тот знает, что там в ином одном приходе имеются две, или даже три церкви. Когда прихожане по малолюдству и бедности не могут ни храм свой поддерживать, ни причт обеспечивать: тогда им предоставляется соединиться с другим соседственным приходом, чтобы при удвоенных средствах и церковное хозяйство, и самостоятельный приходский храм навсегда избавлены были от опасности прийти в недостаточное состояние. Если же и при малочисленности своей прихожане показывают великое усердие наблюдать свой храм в приличном виде, и содержать свой причт в полном довольстве: то у таких прихожан и церковь их останется самостоятельною.

По сему можно судить, как хорошо поступили жители здешнего селения, построив вместо ветхого деревянного, новый каменный благолепный храм. Детям своим и потомству они оставляют священное и вековое наследие, и душам своим стяжали надежду милости Божией. Ибо **взыскающий Господа добрыми делами не лишится всякого блага** (Псал. 33:11). Аминь.

27. Слово по освящении храма в селе Журавлевке, Белгородского уезда (1869 г.)

Не все ли суть служебнии души, в служение посылаеми, за хотящих наследовати спасение? Евр. 1:14.

Усердием здешних обитателей, при особенной ревности некоторых из них, построен этот новый храм, и ныне освящен в честь архистратига Михаила и прочих Сил бесплотных.

Силы бесплотные, Божии ангелы суть служебные духи, посылаемые, как говорит апостол, на служение для тех, которые имеют наследовать спасение. Куда ж и откуда они посылаются? – Им определено житие на небе; но посылаются они туда, где живут люди, – на землю.

Поелику же мы их не видим на земле; то и опять спрашивается: куда именно они посылаются, и где больше находятся?

На этот вопрос решительно можно отвечать, что в храмах Божиих самое приличное, и более приметное их пребывание.

Священные храмы суть места нашего спасения. Здесь и спасительные таинства совершаются, и сами совершители таинств поставляются. Посему надобно предполагать и предпочтительное пребывание ангелов в храмах, как помощников нашего спасения.

Это не есть произвольное гадание, но древнее, от отцов святых перешедшее к нам предание.

Подобно священнику Захарии, который видел ангела, стоявшего **одесную алтаря кадильного** (Лук. 1:11), многие священники, проводившие чистую жизнь, видели в храмах ангелов Божиих. Сии видения подтверждают то, что указывается и поется в чине литургии. Когда священнослужители стоят и священнодействуют пред престолом Божиим: то и ангелы с ними невидимо служат. Когда в святых дарах входит внутрь святилища Сам Царь славы: тогда Ему предходят чины ангельстии, многоочитии херувимы и шестокрылатии серафимы. Дым фимиама с молитвами святых рукою ангела возносится пред Бога (Ап. 8:4). Это апокалипсическое изображение указывает на то, что ангелы к нашим молитвам, в храмах приносимым, присоединяют и свое ходатайство и возносят моления наши в пренебесный жертвенник. Самое охранение церковей доверено ангелам: они, по выражению Григория Богослова, суть «назиратели» церковей¹⁴⁵. Об одном святом повествуется, что некогда он, вошед в церковь, увидел ангела, стоявшего по правую сторону алтаря. Когда, объятый страхом, он возвратился к себе в келью,

тот же ангел явился ему, и сказал: «С того времени, как освящен сей храм, мне повелено находиться в нем»¹⁴⁶. Известно также, как Михаил архистратиг сохранил от разрушения созданный во имя его храм. Церковь эта стояла на низменном месте; язычники, чтобы подмыть ее, пустили на нее воду из двух рек. Но архистратиг чудесно открыл расселину в земле, и поток весь устремился туда, не достигнув церковного здания. Это чудо было в Хонех, и доньше воспоминается в церкви православной¹⁴⁷.

Такие опыты уверяют нас, что святые храмы служат местом пребывания ангелов, и ими охраняются. Посему возможно ли, чтобы в нашей православной стране, где еще держится всякое благочестивое верование и к святым храмам уважение, – храмы сии были закрываемы и уничтожаемы, как о том распространяем был слух людьми неблагонамеренными? Напротив, распоряжения правительства клонятся к тому, чтобы и прежние, и вновь построенные церкви поддерживались в подобающем благолепии, чтобы сами прихожане оказывали больше, нежели прежде, усердия к украшению своих храмов, и к довольству своих церковных причтов.

Но, к сожалению, по местам между людьми возрастает к вере холодность, относительно храмов Божиих нерадение, а к делам порочным неудержимое пристрастие. Вот что может способствовать запустению и закрытию церквей. Великолепен был храм Соломонов, и Сам Бог являл в нем видимое Свое присутствие. Но поелику иудеи преогорчевали Бога Вышняго, и заповедей Его не сохраняли, а вдалились в идолопоклонство и разврат; то Господь изрек такую угрозу: **храм сей, его же освятит имени Моему, отвергу от лица Моего** (3Цар. 9:7). Действительно храм Соломонов, за грехи народа, разрушен был иноплеменниками до основания.

Эта сбывшаяся угроза предостерегает и нас, что бы мы сами берегли наши храмы не только заботливостью об них, но и добрым своим поведением. Во многих наших церквах на двери входной, а иногда алтарной изображен ангел с пламенным мечем в руках, или со свитком и пером. Это не есть изобретение иконописца, не есть мечтательный плод его воображения; нет, – это согласно с священным преданием и с действительностью. Несомненно, в каждом храме присутствуют ангелы, и они как бы на хартии записывают, кто с худым, и кто с добрым расположением входит сюда, кто в мире с ближними и в покаянии молится, и кто, напротив, среди самой молитвы не оставляет вражды против ближнего и порочных своих желаний: таким-то ожесточенным и неисправимым угрожают ангелы огненным мечем гнева Божия. А если бы

случилось, что в какой-нибудь местности развратились все живущие там: на что им и храм? – Тогда действительно, храм придет в запустение; святыню из него вынесут, оставят его и ангелы.

Итак, то истинное предание, что в святых церквах пребывают ангелы, весьма поучительно для нас. Мы должны соблюдать наши храмы в благолепии, потому что в них присутствует Сам Бог с ангелами своими; должны входить сюда с совестью по возможности очищенною от дел, заведомо порочных, потому что здесь обитают ангелы, свидетели наших сердечных расположений; должны быть тверды в православии и благочестии, чтобы, в земных храмах удостаиваясь таинственного пребывания с ними, сподобиться и открытого блаженства с ними в небесных обителях. Аминь.

28. Слово по обновлении храма, в Курском тюремном замке

Аще принесеши дар твой ко олтарю и ту помянеши яко брат твой имам нечто на тя: шед, прежде смирися с братом твоим. Матф. 5:23–24.

Попечением лиц начальствующих и усердием благотворителей обновлен этот храм по внешнему своему виду, и ныне восстановлено в нем богослужение, по чиноположению церковному.

Какое же участие принимали в деле его обновления жители сего обширного дома, которые суть вместе и прихожане сего святого храма? Извиняя себя, они скажут, что они, не имея свободы, не имеют ничего, чем бы усердствовать Божию храму.

Жертва может быть принята и от малого достатка: ибо Господь похвалил и нищую вдовицу, когда она две ничтожные монеты опустила в церковную кружку. Но живущим здесь особенно нужно подумать о том, будет ли Богу приятна жертва от преступного сердца, от нечистой совести. Какой бы ты дар ни вознамерился принести Богу, – монету ли на украшение храма, вещь ли для употребления при богослужении, самую ли свою молитву, как фимиам кадилный в обновленном храме, – во всяком случае, ты должен прежде позаботиться о том, как бы помириться с ближними: иначе никакой пользы не будет душе твоей. Ибо вся кому из нас говорит Спаситель: если ты принесешь дар твой к алтарю, и тут вспомнишь, что брат твой имеет нечто на тебя: поди, прежде примиришь с братом твоим, и тогда принеси дар твой.

Ты скажешь: как мне пойти, когда меня не пускают? – Но в том и состоит высочайшее достоинство учения Христова, что и на свободе ему можно следовать, и в темнице его удобно исполнять. Каждый из вас пришел сюда или по открытой виновности, или по подозрению в преступлениях, от которых произошел вред ближним, оскорбление целому обществу. Средство примирения с оскорбленным обществом не отнято у вас с лишением свободы: это средство в ваших руках, в вашей совести, на языке вашем, – оно состоит в слове признания, в чувстве раскаяния.

Нераскаянность есть черта ожесточения, злым духам свойственного; раскаяние есть признак души, не совсем погибшей для добра. Поэтому, когда преступник показывает правду, обвиняет сам себя, плачет о своем преступлении: он чрез это самое возбуждает в ближних сострадание к нему, прибегает под покровительство человеколюбивого закона, приобретает права, чтоб ему облегчена была степень судебного взыскания.

Для благоденствия общества нужно знать подлинные и существенные подробности преступлений и их виновников: ибо если бы преступник делал людям зло, а сам бы оставался в неизвестности, то небезопасно было бы и жить в обществе. Но открывать подробности преступлений – дело нелегкое, при несознательности преступников. Посему, напротив, когда сами они приходят в чувство сознания и раскаяния, они облегчают дело правосудия, и привлекают к себе снисхождение судей своих и общества. – С виновным иногда подозреваются в соучастии невинные; но когда он правдиво рассказывает свои дела, чрез это он распутывает узел, который притягивал к суду и невинных. Таким образом, эти напрасно страдавшие люди, получив свободу, сами будут говорить, что преступник не захотел делать их несчастными. – Даже тогда, когда раскаявшийся злодей осуждается по закону, люди посторонние, ради его раскаяния, более жалеют о нем, иные стараются помочь ему, все желают, чтобы в дальней стране, в отчуждении от общества, он исправил поведение свое, и внутренне примиряются с несчастным.

Нет сомнения, что преступник, раскаивающийся пред судом гражданским, может и у Бога обрести милость. Мы знаем великих злодеев, которые, путем раскаяния исправив жизнь свою, сподобились помилования от Бога. Так, например, пишется о Моисее Мурине и о разбойнике Давиде, которые, почувствовав, наконец, всю тяжесть своих преступлений, провели остаток дней своих в трудолюбии, незлобии, молитве, и из людей отверженных сделались святыми. Но не знаем никого, кто бы, оставаясь в нераскаянности и злобе против ближних, услышал глас прощения свыше. Конечно, не сказал бы Господь и разбойнику, с Ним распятому, этих отрадных слов: **днесь со Мною будеши в раи**, если б прежде тот разбойник не осудил сам себя, призывая к покаянию и своего со брата: «мы осуждены праведно, и достойное по делам нашим восприемлем» (Лук. 23:41).

Если б между заключенными кто был и действительно невинен, и тому полезно вспомнить, что нет невинного пред Богом. Иногда человек, по наружности ни в чем невиновный, пред очами Божиими является великим грешником.

Каждый из вас правдивыми показаниями пусть докажет свою невинность и разоблачит виновность других; а когда будете приближаться к этому святилищу, пусть каждый молится молитвою мытаря: **Боже, милостив буди мне грешному!** Ибо вот какой глас слышится от святилища Божия: **Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися** (Ис. 43:26). Аминь.

29. Слово в день освящения храма зачатия святой Анны в Белгородском женском монастыре¹⁴⁸

О МОЛИТВЕ ПРОТЯЖЕННОЙ

В молитве терпите, бодрствуя в ней со благодарением. Кол. 4:2.

Поспешно приготовлен к освящению этот теплый храм, чтобы в сей обители было убежище для молитвы, более прилежной, нежели какая совершалась бы в храме холодном в зимнее время. Трудно путникам, и вместе идущим, среди оцепеняющего холода разговаривать между собою. Так хотя **дух бодр**, и **Господь благ**, но не может он свободно и продолжительно беседовать с Богом, когда немощная плоть принуждена бороться со стужей.

Отныне самое устройство сего храма будет более способствовать, чтоб и служба Божия совершалась протяжно, как требует устав монастырский, и молитва предстоящих здесь была крепче и теплее.

Но при сем не должно быть забываемо главное: **Господь дает молитву молящемуся** (1Цар. 2:9 по слав. пер.), а исполнение молитвы предоставляет себе. Молитва наша должна быть тверда и неотступна, но не самонадеянна, а соединена с преданностью Промыслу Божию.

Для чего нужна ее продолжительность? Для чего повторительно и усиленно должны быть воссылаемы к Богу желания наши?

Конечно не для Него Самого. **Весть бо Отец наш небесный и прежде прошений** наших, чего требуем мы (Матф. 6:32). Апостол Павел внушает нам: **да приступаем во святилище с искренним сердцем, во извещении веры** (Евр. 10:22). Какая же молитва лучше может доказать полноту нашей сердечной веры, – та ли, начало которой близко сходится с концом, или та, которая простирается на многие дни, месяцы и годы?

Продолжительность молитвы помогает и чистоте жизни. Кто усердно молится, тот греха боится, как бы он не повредил успеху сего святого занятия. Ибо **вемы, яко грешники Бог не послушает** (Иоан. 9:31). **Очи Его на праведныя, и уши Его в молитву их** (Псал. 33:16). По опыту святых отцов, молитва труднее всех добродетелей. Ничего тяжелого не почувствует тот, кто и не знает, что такое беседовать с Богом, кто в церковь заходит, чтобы только посмотреть, торжественно ли идет служба, и нет ли тут его знакомых. Когда апостол в молитве терпеть велит, значит в ней есть трудность, для которой нужно запастись терпением. Трудность эта состоит в напряженном устремлении ума к предметам духовным, в обуздании греховной природы, от них отвращающейся, в отгнании

уныния, когда не исполняется, чего просим. В продолжении сих и подобных затруднений заключается подвиг; а подвиг необходим, ибо без борьбы и победы не может быть и награды.

То высоко ценится, что с трудом достигается. Обыкновенны в глазах наших те блага, которые без наших прошений даются нам от Бога. Верх блаженства для души верующей в том, чего она достигает после молитвы пламенной, продолжительной и трудной. Пример успеха такой неотступной молитвы видим в жизни праведной Анны, которой храм сей посвящен. Она была в замужестве за Иоакимом и оставалась безчадна. Состояние девства тогда было необычно, а бесчадие почиталось наказанием Божиим, и было предметом презрения в обществе еврейском. Особенно тяжело было это лишение для потомков Давида, из роду которого должен был произойти Спаситель, и к потомству которого принадлежали Иоаким и Анна. Все это побуждало их усердно молить Бога, чтобы освободил их от поношения бесчадства. Уже исполнилось пятьдесят лет их супружества, а они продолжали молиться о том же. Соответственно своей чистой молитве, они вели и жизнь праведную и благотворительную; одну треть из имущества отдавали они бедным, другую – священникам. В один из великих праздников пришел праведный Иоаким в храм иерусалимский, чтобы принести жертву. Но первосвященник заметил ему, что жертва его, как бездетного, едва ли будет Богу угодна. Это так огорчило Иоакима, что он не вернулся домой, а удалился в пустыню, где паслись его стада, и там изливал свою скорбь пред Господом. Оскорбление, полученное мужем в храме и его удаление поразило новою печалью Анну; однако не впала она в уныние, а еще усерднее стала молиться о чадородии. Через несколько дней вышла она в сад, и на ветвях лаврового дерева увидела гнездо оперившихся птенцов. Больно было сердцу бесчадной, но удержалась она от ропота на Провидение. «Горе мне», – говорила печальная, – «горе мне одинокой, оставленной Богом и презираемой людьми. Я хуже и птиц небесных, которые утешаются детьми. Ты, Господи, Который дал Сарре сына в старости и пророчице Анне сына Самуила, разреши болезни сердца моего и узы моего неплодия, да рожденное принесется в дар Тебе и да прославится Твое милосердие». – Тотчас после сих слов явился ей ангел Господень и сказал: «Молитва твоя услышана. Родишь ты дочь благословенную. Ею дастся спасение миру, и наречется она Мариною»¹⁴⁹. Эта Мария есть Пресвятая Богородица, общая наша заступница. Таким увенчалась успехом молитва праведной Анны.

Однако, скажут, Анна получила желаемое: сколько же на свете

осталось молитв не услышанных и вовсе напрасных? Это сетование похоже на то, как если бы кто поставил Господу в укоризну, почему на свете больше злых, нежели добрых, и больше грешных, нежели святых. Если мало видим опытов счастливой молитвы, то вспомним, много ли молимся? Кто станет ныне пятьдесят лет молить Бога об одном и том же? Не спешат ли люди нового поколения страстями сокращать жизнь свою до того, что оказывается для них невозможною такая многолетняя молитва? Позаботимся со дня на день более бодрствовать в этом духовном занятии; научимся судьбу молений наших с благодарным сердцем предавать Божию о нас промышленности. Если отец не все то дает детям, чего они просят: следует ли отсюда, что он мало их любит? Многие, как объясняет апостол Иаков, не получают от Бога потому, что не на добро просят, а для того, что бы просимое употребить по своим вожделениям (4:3).

Чадородие, например, есть дар, Богом благословенный. Но все ли бесчадные супруги с безукоризненною целью желают иметь детей? Напротив, одни для того только, чтобы в шумных, не безгрешных забавах детей, в юношеских их шалостях, вспомнить годы своей веселой молодости; другие, – чтобы было кому оставить богатство, как будто нельзя, или не богоугодно оставить его бедным людям и святым храмам. Много ли таких родителей, которые желают видеть свою дочь в чине посвященных дев, или сына в священном клире? – С другой стороны всегда ли зрело стремление тех возрастных детей, которые молят Бога, чтобы ввел их в обитель иноческую? Нет, если бы обдуманно молились, то и не уходили бы оттуда снова в суету мирскую. И сколько каждый из своей жизни мог бы указать случаев, когда желания его исполнялись, а добра из того не выходило! Не лучше ли утвердиться в мысли, что когда они не исполняются, Господь отводит нас от греха. Пристрастие, прихотливость, упорство несовместны с молитвой покорной и терпеливой. Троекратно молился Спаситель, **да мимо идет от Него чаша** страданий; но каждый раз взывал к Отцу Своему: **обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты** (Матф. 26:39–44). Святой Василий Великий советует: «Проси себе того, что достойно Бога. Хотя пройдет и месяц, и год, и трехлетие, и большее число лет, не отступай, но проси с верою, непрестанно делая доброе, и получишь, если сие угодно Богу; ибо Он лучше тебя знает, что полезно тебе»¹⁵⁰.

Итак, о чем бы мы ни просили Бога, будем покрывать нашу молитву сим свидетельством нашей преданности Его промыслу: «Господи! Ты веси, яко твориши, якоже Ты волиши: да будет воля Твоя и во мне грешнем; яко благословен еси во веки»¹⁵¹. Аминь.

30. Слово по освящении храма во имя Святителя Николая

ПО ПОВОДУ ПОПЫТОК К ПРОСЛАВЛЕНИЮ ИКОНЫ¹⁵²

Слепец слепца аще водит, оба в яму впадут. Матф. 15:14.

Храм сей освящен во имя Святителя Николая. В честь его у нас, в России, весьма много церквей. Главная причина сему та, что в стране нашей много чудотворных икон его.

Какие иконы называются чудотворными, это всякому понятно. Но спрашивается, кому принадлежит решающее суждение об этом.

Как свидетельствовать святость мощей, так и признавать чудотворными иконы – предоставлено высшей церковной власти¹⁵³. Когда об иконе пройдет слух, что от нее бывают чудотворения, церковное правительство тщательно поверяет следствием все, вошедшие в огласку необычайные события, спрашивает очевидцев и свидетелей под присягою; принимает все законные меры, чтобы не было в показаниях неправды и в наследовании ошибки. Если подлинно икона чудотворная, она не оставляется в доме, хотя бы дотоле там находилась, а поставляется для молебствования в церкви, ибо **дому Божию подобает святыня** (Псал. 92:5).

Без предосторожности со стороны правительства было бы не мало злоупотреблений. Еще в древности обличал Бог соблазнительей народных: «Не пустое ли видение видели вы? Не лживые ли предвещания изрекаете вы?» (Иез. 13:7). Цель у таких обманщиков двоякая: они хотят в народе прославиться, будто они угодны Богу и избраны орудием чудодействующей воли Его; а больше их увлекает корысть: разглашая о святыне, ими будто бы обретенной или полученной, они тотчас начинают собирать пожертвования на нее, и таким путем стараются составить себе состояние. Они знают, как православный народ склонен верить чудесам. Принесут икону из Иерусалима или с Афона; народ готов думать, что она чудотворна, а того не понимает, что не всякая святыня, хотя бы принесена была из святого места, не во всякое время и не сама по себе имеет силу творить чудеса, но когда ей даруется сие от Бога, ибо один только Бог есть творяй чудеса (Псал. 76:15). Спаситель, в предостережение верующим, чтоб они не слушали чьих-либо вредных измышлений, изрек народное присловие: «Если слепой слепого поведет, оба упадут в яму». Повествователи о небывших чудесах, как будто бывших, предъявители мнимо-явленных икон, распространители ложных о них слухов,

самозванные сборщики на их украшение суть люди слепые: они или в прелести по невежеству, или их духовное око омрачено корыстолюбием. Слепы так же и те, которые таким вождям верят и их во всем слушают; они, увлекаясь, не внимают убеждениям, что под покровом святыни может скрываться обман, и не все то чудотворно, что по виду и назначению священо. В какую же они впадают яму? В ту яму, в которой нет света истины, в которой тьма суеверия и душевной гибели.

Вот причина, почему церковное правительство строго рассматривает дела о прославляемых иконах. Если бы верить всякому слуху, если бы по молве невежественной прославлять иконы; то им бы не было числа, и чрез это могла бы ослабеть вера к тем иконам, которые действительно чудотворны и такими признаны. Бог чудес не расточает, но совершает их по Своим премудрым целям, и иногда по Своим непостижимым судьбам не дает их там, где бы по человеческим гаданиям их можно было ожидать.

Восемьсот лет тому назад, агаряне, предки нынешних турок, завоевали область Ливийскую, где в городе Мирах почивало тело Святителя Николая. Великий чудотворец, избавивший многих от напрасной смерти, из сарацинского плена в один час перенесший некоего Василия, сына Агрикова, не только не был послан на защиту своего града, где святительствовал, но не остались там и святые мощи его. В Баре, Италийском городе, которого жители тогда были православные, явился Святитель Николай одному благочестивому пресвитеру, и сказал ему: «Иди и рцы людем и собору церковному, да в Мир-град шедше, возмут мощи мои; не могу бо тамо на месте опустошенном быти, тако изволившу Господу Богу моему»¹⁵⁴. Сии слова ясно показывают, что судьба народов, как и частных лиц, подвергается переменам не без изволения Божия. Мог бы Господь и тогда явить свою чудодейственную силу, и остановить нашествие агарянских полчищ, но попустил тому быть, что и Царьград взят был после ими, и восточные христиане уже несколько веков доньше страдают под владычеством турок.

Для чего сие поуще, это сокрыто в глубине Провидения Божия; но несомненно, что и для испытания нашей христианской любви. Наше сердце нам говорит, наша совесть нам внушает, что доколе бедствуют наши братия – славяне, с нами единовверные и единоплеменные, надобно им, кто чем может, помогать. Замученным да дарует Господь мученический венец; но лишены крова и средств жизни, израненные, едва дышащие, и еще живые ждут наших приношений, принятие которых повсюду открыто и которые приемлет всюду Сам Христос. Ибо придет час, когда скажет Он жертвовавшим: «Мне сотвористе!» (Матф. 25:40).

Аминь.

31. Слово по освящении храма в честь иконы Божией Матери «Неопалимая купина»

СВЯТОЕ МЕСТО

Место бо, на нем же ты стоиши, земля свята есть. Исх. 3:5

Сей придельный храм ныне освящен в честь иконы Божией Матери «Неопалимая купина». Откуда же произошло это наименование, и что оно внушает нам.

Пророк Божий Моисей, который извел евреев из Египта, прежде нежели принял па себя это дело, пас стада своего тестя. Однажды идя со стадом близ горы, он увидел необыкновенное явление: небольшой терновый куст весь был в огне и не сгорал. Моисей хотел подойти к кусту, чтобы лучше рассмотреть. Но его остановил голос: **Иззуй сапоги от ног твоих: место бо, на нем же ты стоиши, земля свята есть.** Он исполнил повеление, и тут же Господь послал его в Египет, чтобы освободить евреев от рабства. Между тем этот не сгоревший и в огне оставшийся зеленым куст, который на церковном языке называется «купиною», имел свое весьма важное значение. Он предизображал, что Дева Мария родит Иисуса Христа, и останется Приснодевою. Обыкновенно девица, когда выходит замуж и рождаёт, уже называется женщиною; а Божия Матерь, родив Сына, не перестала быть Девкою. Огонь Божества, чрез наитие Духа Святого, в Ней вместился, но не опалил Ее, и девственности ее не коснулся. Это самое мы и поем в церкви: «Образ чистаго рожества Твоего огнепалимая купина показа неопальная»¹⁵⁵. «Якоже бо купина не сгараше опаляема; тако Дева родила еси и Дева пребыла еси»¹⁵⁶. Один святой отец так изъясняет это значение купины: «Что в ветхом завете предизображалось пламенем и купиною, то ясно открылось в тайне Девы; как там купина горела и не сгорала, так Дева родила Свет, и пребывает нетленна»¹⁵⁷. Посему Божию Матерь изображают иногда в огневидном сиянии, и такие иконы как и здесь чтимые, носят название «Неопалимой купины».

Моисею в купине Сам Господь явился, потому и сказано было ему: «Место, на котором ты стоишь, есть земля святая». Место, где и мы теперь находимся, есть свято. Ибо здесь святые иконы, от которых исходит Божия благодать. Здесь Господь в священном алтаре на престоле Своем таинственно присутствует. Посему церковь Он и называет Своим домом: **Дом Мой**, говорит, то есть церковь, дом молитвы есть (Лук. 19:46).

Чего же требует от нас святость сего места? Моисею при купине было

сказано: «Сними обувь с ног твоих». В странах теплых, где он жил, доньше сохраняется обычай снимать обувь при входе в храмы, и даже в гостинные комнаты. Причина та, что на обуви всегда может быть грязь или пыль. Посему входящие в дом, чтобы не занести нечистоту внутрь жилья, оставляют у дверей замаранную обувь. В этом выражается уважение к хозяину. Если же такая предосторожность наблюдается в обыкновенных человеческих жилищах, тем более она нужна при входе в священное место. Посему и премудрый Соломон советует: **сохрани ногу твою, егда аще идещи в дом Божий (Еккл. 4:17)**. Всякий, кто идет в церковь, должен постараться, чтобы не только тело его было опрятно, но и душа его была далека от дурных мыслей и дел, оскорбляющих святыню.

В нашей холодной стране неудобно снимать обувь, входя в храм, и потому необычно стоять в церкви без обуви. Исполним то, что удобоисполнимо и в холоде и в тепле. Не пренебрежем опрятностью тела, а особенно позаботимся о чистоте души. Как на теле мы носим одежду и обувь, так душа наша одевается мыслями и делами. Как и одежда на теле бывает опрятна и прилична, или замарана и безобразна; так и душа или украшена добрыми мыслями и делами, или осквернена постыдными страстями и пороками. Поэтому и нужна забота, чтобы с чистым сердцем входить в храм, а все греховное оставлять за его порогом. Например, если ты с кем-нибудь поссорился; то прежде нежели придешь сюда, примиришься с обиженным. Так сам Господь заповедал: **Шед прежде смирися с братом твоим, и тогда принеси дар твой ко олтарю (Матф. 5:24)**. Или иной жаден до чужой собственности, готов хитростью, обманом, насилием присвоить себе чужую вещь. Таким и всем **сообщникам татей (Ис. 1:23)** Господь запрещает в церковь приходить: **ходи ко двору Моему не приложите (ст. 12), дондеже престанете от лукавств ваших (ст. 16). Не пожелай всего, елика суть ближняго твоего (Исх. 20:17)**.

Так и от прочих дурных наклонностей надобно удаляться всем нам, чтобы, стоя в храме, не прогневать Бога и не лишиться милости Его. Ибо кто будет услышан Богом в молитве? **Кто станет на месте святем Его? – Неповинен руками, и чистый сердцем (Псал. 23:4)**. Аминь.

32. Слово по освящении единоверческой церкви¹⁵⁸

ЗНАЧЕНИЕ ЕДИНОВЕРИЯ

Едино тело, един дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего, един Господь, едина вера. Ефес. 4:4–5.

Церковь сия, ныне освященная именуется **единоверческою**. Откуда же заимствовано ее такое именование? Из слов апостола, что у православных христиан **един Господь, едина вера**. И действительно, общество единоверческое в веровании ничем не разнится от всего общества православного. Единоверцы и мы веруем во святую равночестную Троицу, во единого Господа и Спаса нашего Иисуса Христа; чрез семь таинств напаяемся Духом благодати и **во едином уповании звания** нашего стремимся к вечному спасению; одни и те же чтим заповеди Божии; согласно приемлем правила апостольские, соборные и отеческие.

В чем же разность между единоверческими и прочими российскими церквами?

В некоторых обрядах и в книгах. Например, единоверческий чин требует, чтобы хождение в крестных ходах и в других случаях совершалось по солнцу, – то есть, по выходе из храма, на север, на восток и юг, а по чину, повсеместно у нас употребляемому, крестное хождение бывает против солнца. Еще пример: в книгах старопечатных возгласы оканчиваются словами: **и во веки веком**; а по новопечатным окончание произносится так: **и во веки веков**.

Откуда же произошли сии и подобные разности, и почему в единоверческих церквах совершается богослужение по несходственным с нашими книгам?

Церковные книги наши с греческого языка переведены были не вполне правильно. Печати не было; писцы были неисправные; в рукописях погрешности умножались. Они перешли и в книги, когда заведено было печатание. Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон, желая положить конец сумнительному разнообразию речений в церковных книгах, повелели собрать древние книги и рукописи, греческие и российские, и по ним исправить чиновники богослужебные. Исправление было сделано и утверждено собором. Но некоторые неразумные сим действием соблазнились, стали защищать и сами погрешности книг старых, соборному определению не покорились и составили раскол. По времени многие приверженцы старины убедились в правоте церкви

великороссийской, и искали сближения с нею; однако не хотели и старых книг оставить, по привычке к ним и по тому уважению, что по ним спаслись древние российские угодники Божии. Такое сближение началось около ста лет назад. Святейший Синод, снисходя к желанию ревнителей старины, благословил иметь им свои церкви, чтобы в них отправляемо было богослужение по старопечатным книгам, но священниками, правильно рукоположенными и от местных епископов назначаемыми. Так учредились церкви единоверческие, или еще называемые «благословенными»; так и в нашем городе устроилась эта церковь.

Благословенно единоверие, потому что особенности единоверческих обрядов не заключают под собою мыслей, противных вере православной, и вообще в таинственном толковании церковных обрядов единоверцы, как и мы, мудрствуют на том же основании, **еже есть Христос (1Кор. 3:11)**. Они идут по солнцу, желая идти во след Христа, изведшего души из тьмы кромешной; мы ходим против солнца, исходя в сретение Христу, просвещающему нас и призывающему к Себе. Единоверческие священники произносят: **и во веки веком**; а прочие все по современному словоупотреблению: **и во веки веков**. И в том и другом произношении смысл один, – что слава Божия есть вечная, и Богу подобает поклонение вечное. В таком разумении мы без смущения совести совершаем, когда приглашены, богослужение по старопечатным книгам.

Но могут спросить: почему же мы не служим по ним всегда и в своих церквах? Мы, не отвергая книг древних, употребляем правленные, как более понятные; и законам славянской речи более соответствующие. Сделано так, приспособительно к наставлению апостола Павла, который, когда еще составлялось христианское богослужение, не одобрял в нем язык незнакомый и требовал, у кого есть псалом, откровение, истолкование, чтобы все сие предлагалось на удобо-понятном языке (1Кор. 14:9 и след.). Если же многие угодники Божии спаслись по старым книгам, то спаслись они не потому, что тогдашние книги были неисправны и погрешительны, а потому, что их вера была правая и дела их были богоугодные.

Итак, если мы и единоверцы – **едино** церковное **тело**; то в нас должен быть **и един дух**. **Да не будет распри** в сем **телеси (1Кор. 12:25)**, одушевляемом единостью веры и благодатию Святого Духа. Да не упрекают нас в «новшествах»; ибо новы у нас только речения, а дело древнее, святое и неизменное. Да не подвергаются поречению и любители так называемого древнего обряда, когда они в вере не погрешают, и законному священноначалию повинуются. Все православные, **не забывают** заповеданного апостолом (Евр. 13:16) взаимного **общения**, как

чада единой, соборной и апостольской церкви, вне которой нет спасения.
Аминь.

33. Слово по освящении храма великомученицы Екатерины, в женском монастыре¹⁵⁹

ОБРУЧЕНИЕ СО ХРИСТОМ

Обручит бо вас единому мужу деву чисту представить Христови.
2Кор. 11:2.

Сей придельный храм освящен в честь великомученицы Екатерины. Эта святая дева славилась богатством, умом и красотой. Язычество, в котором она воспиталась, не удовлетворяло ее ни своими верованиями, ни обычаями. Много было искателей ее руки; но она отказывала, отвечая, что выйдет только за такого жениха, который бы не уступал ей ни образованностью, ни наружностью. Узнал это один старец-христианин, и, вступив с нею в разговор, сказал, что есть жених, который несравненно превосходит ее и мудростью и красотой. Она стала просить, нельзя ли его видеть. И вот, молясь пред иконою Богоматери с Предвечным Младенцем, которую дал ей старец, она заснула и видит во сне Царицу небесную и Божественного ее Сына. Сколько ни старалась она рассмотреть Его, Он отвращал от нее лице Свое, и сказал, что она недостойна, чтоб Он смотрел на нее. Как только настало утро, Екатерина поведала старцу свой сон и печаль свою. Он преподал ей подробные наставления в вере, и она приняла крещение. Возвратившись домой, она долго молилась, заснула и снова видит тоже явление; но Иисус Христос, милостиво смотря на нее, сказал Своей Пречистой Матери: «Теперь хочу, чтоб она была невеста Моя». Божия Мать взяла ее руку, и Спаситель возложил ей на палец драгоценный перстень. Проснувшись, она к удивлению нашла данный перстень на руке своей, и уже о том только помышляла, чтобы сохранить верность небесному Жениху.

Ни убеждения, ни соблазны, ни угрозы, ни мучения не могли склонить ее к отступничеству. Изнеможенная страданиями, покрытая ранами, она брошена была в темницу, куда голубица приносила ей пищу, и где сам Жених небесный, окруженный ангелами, явился ей, и, исцелив ее, сказал: «Не бойся: Я всегда с тобою».

Прилично было в обители дев устроить храм в честь этой обручницы Христовой. Подобно ей они оставили мысль о земном женихе и уневестили себя Христу; от Него получили златый перстень веры, украшенный, как дорогими камнями, дарами благодати; Ему обещали хранение девства и подвиг послушания. Не легка эта жизнь: одиночество, лишение мирских удовольствий, преломление своей воли и желаний,

перенесение искушений, – все это вместе служит достаточным основанием, почему иночество издревле названо вольным мученичеством. Да воодушевляют себя подвижницы примером святой Екатерины: она оставила свое богатство тленное, ища сокровища духовного; подчинила свою ученость простой сердечной вере; погубила свою красоту телесную, чтобы сохранить чистоту душевную; отвергла легко ей доступные наслаждения земные, и претерпела страшные страдания, чтобы войти в чертог небесного Жениха.

Как мал труд жизни иноческой в сравнении с ее страдальческим подвигом! Но не отвергает Господь и малого труда; укрепивший явлением Своим великомученицу, близок Он Своею помощью и ко всякой немощной подвижнице, таинственно вещая ей: «Буди верна мне до смерти, и дам тебе жизни венец» (Апок. 2:11).

Да не подумают однако же, что обручение со Христом есть отличительный признак только девственниц и подвижниц; напротив, это есть украшение, это есть обязательство каждой души христианской, истинно верующей. Апостол пишет к Коринфянам: «Обручил я вас единому мужу, чтобы представить вас Христу, как чистую деву». Но между христианами коринфскими были люди всякого пола и возраста. Как же он их обручил? Преподал им залог веры, раскрыл пред ними божественное достоинство Жениха небесного, богатство славы Его, и вечное блаженство душ, обручившихся Ему; а от них взял обещание, что они пребудут верны Ему.

Так и ныне для нас верен Господь во всех словесех Своих (Ис. 144:13), и тот же даровал нам святой залог веры; а мы с своей стороны при крещении дали Ему обещание веровать, как православная церковь учит, и жить, как закон Его повелевает. Правда, все мы крещены в младенчестве, когда еще не могли ничего понимать. Но кому заграждены способы, пришедши в возраст, уяснить себе, что вера православная есть самая чистая и святая? Только легкомыслие и развращение удаляют от Христа; а душа не омраченная сама стремится к Нему. Когда Христос жил на земле, не мало было таких, которые ходили за Ним и казались Его учениками, а потом по рассеянности и пристрастию ко греховным удовольствиям, оставляли Его. Спаситель спросил и апостолов: «Не хотите ли и вы отойди»? Но они Ему ответили: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной» (Иоан. 6:67). Так и мы, хотя во младенчестве обручили свои души Христу, к кому, кроме Его пойдем, где найдем успокоение для совести, питание для сердца, созданного веровать и любить? Не лучше ли теперь позаботиться о том, чтобы сохранить

достоинство своего духовного уневещения? Если душа христианская есть невеста, обрученная Христу; то отличительное украшение невесты есть чистота. В свете думают, что только принявшие на себя обет девства должны хранить целомудрие. Нет, ни брак, ни девство не для всех, а целомудрие для всех. В супружестве ли кто, или в безбрачии жизнь проводит, обязан всемерно соблюдать чистоту в чувствах, мыслях и делах. Ибо в тот небесный город, куда мы призываемся, не имать внити всяко скверно, и творяй мерзость и лжу, но токмо написанные у Агнца, Христа, в книге жизни (Апок. 27). Аминь.

34. Слово по оснащении храма Святителя Николая в Кишиневском реальном училище

ДУХ И ВЕЩЕСТВО

Дух есть, иже оживляет. Иоан. 6:63.

Название сего училища заимствовано из языка иностранного и такого, который, хотя уже почитается мертвым, дал, однако, жизнь многим наукам и искусствам. И наименование это указывает на ту особенность училища, что здесь преимущественно сообщаются ученикам сведения, которые способствуют удобствам жизни, усовершенствованию искусств, ремесел, промышленности, торговли.

Такое образование иногда возбуждало против себя недоверие. Были ученые изобретатели, которые проникали в тайны природы, но не познали ее Творца, Были образованные люди в мире промышленном и торговом, которые одному поклонялись божеству, – идолу корысти.

Но не науки в сем виновны, а сами люди, которые, углубляясь в какую-либо одну область ведения, впадают в односторонность. Если определил Господь нам жить в мире вещественном; то надобно человеку знать, как обращаться с веществом, как извлекать из него больше добра, пользы и невинной приятности для жизни. Чтобы Ной построил свой ковчег, нужно было ему уразуметь строительное искусство. Но неудобно было бы тогда строить ни домов, ни кораблей, если бы прежде Фовел не изобрел кования меди и железа. Священный писатель, рассуждая о ремесленниках и художниках, говорит: **кийждо в деле своем умудряется**. «Без них нельзя построить города, ни жить в нем» (Сир. 38:36–37). Так ремесла и художества древни, и издревле требовалась забота об их усовершенствовании.

Вещество без духа холодно и мертво. **Дух есть, иже оживляет**. Вот главный источник усовершенствования ремесел и искусств. И это мы видим на опыте. Один делает вещь по слепому навыку, грубо, нечисто, без вкуса, бездушно; его нельзя назвать и художником. В произведении другого легко примечается не только чистота и правильность, но мысль, вкус, отпечаток изящества. Посему «хотя художника и нет налицо, но искусства сами по себе показывают художнический ум; и ты можешь удивляться домостроителю, кузнецу, ткачу, смотря на их произведения». Изучение же образцовых произведений ведет к богопознанию. Если удивительны они, то тем более достохудны красоты природы. «От величия созданий сравнительно познается их Виновник» (Прем. 13:5). «Мир есть

такое художественное произведение, чрез которое ясно познается премудрость Творца»¹⁶⁰.

Дух есть, иже оживляет. Этот живительный дух приобретается, когда делатель не останавливается на дебелисти вещества, но вникает в невидимое основание бытия, возносится мыслью к тому зиждительному Духу, силою которого земля безвидная и неустроенная явилась в виде вселенной, прекрасной и великолепной. Чувством веры оживляются, словом молитвы освящаются художнические занятия. Набожный ремесленник не начнет утром своей работы, не положив на себе крестного знамения, или не помолившись на храм Божий. Не того только он просит, чтобы на работе не случилось несчастья, но особенно того, чтобы дело шло успешно и заслужило похвалу. Еще выше является это священное одушевление, когда ремесло переходит в искусство. От впечатлений веры заимлет чистые вдохновения врожденный талант. Великие художники забывали в работной своей хранине о дневной пище, молитвою окрыляли свое творческое воображение. Оттого и произошло, что лучшие произведения искусства суть вместе памятники веры.

Посему можно судить, какое особенное имеет значение этот освященный храм для учащих и учащихся здесь. Сам Христос назывался **тектоном** (Марк. 6:3), потому что как человек трудился в ремесле плотника. Сам Господь дал некогда древним художникам мудрость и искусство работать из золота, серебра и меди, резать камни и древодельствовать (Исх. 31:4–5). Близок Он и ныне к трудящимся здесь, ибо и на сей храм простирается Его обетование: **И будут очи Мои ту и сердце Мое во вся дни** (3Цар. 9:3).

Но, необходима сердечная вера, без которой бесполезно и входить в это святилище. **Взыщите Бога, и жива будет душа ваша** (Псал. 68:33); озарится разумение ваше; **исправятся к совершенству дела ваших рук** (87:17). Просите, моляся, да приидет на вас благословение свыше. **Обратитесь ко Мне, и обращуся к вам, глаголет Господь Вседержитель** (Мал. 3:7). Аминь.

35. Слово по освящении храма в Казанской духовной семинарии

И никтоже сам себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон. Евр. 5:4.

Честь, о которой говорит апостол, есть должность жертвоприносителя, священнодействования.

Эту честь никто не должен присвоить себе самочинно. Чтобы получить ее, нужно быть призванным от Бога.

Способы призывания свыше к священному сану различны. Для некоторых оно выражалось в чрезвычайных событиях и знамениях; обыкновенно же выясняется оно обстоятельствами жизни человека; самое рождение и воспитание могут служить признаками призвания.

Сим путем от Аарона до Христа сохранялось непрерывно ветхозаветное священство. Происходившие от левитов в этом видели призвание быть преемниками своих отцов. Хотя наследственная преемственность священства не узаконена в церкви новозаветной; но как благословенная издревле Богом, нередко имела место в ней. В нашем отечестве, еще прежде, нежели образовалось так называемое духовное сословие, бывали случаи, что при одном и том же храме сын преемствовал отцу на поприще церковного служения, в самом происхождении своем сознавая свое призвание. Наклонности родителей переходят к детям. Если добрый служитель Божий любил свое звание и всей душой был предан ему, несмотря на трудности и горести, с ним сопряженные; то очень естественно, что и сын его скоро начинает чувствовать врожденное расположение к тому же званию. Кто с млеком матери всосал в себя любовь к священному сану; для того судьба его происхождения есть ранний и первый признак его призвания.

Высокие и умилительные священнодействия, совершаемые отцом, со дня на день более сильное производят впечатление на сына-отрока, и укрепляют в нем желание, пришедши в возраст, самому их совершать. На помощь этому сердечному настроению приходит духовно-учебное воспитание. Этот учебный и другие ему подобные дома «суть воспитательные заведения для приготовления юношества к служению православной церкви»¹⁶¹. Ход учения и правила жизни здесь направляются к тому, чтобы воспитанники знали, **како подобает в дому Божии жити, яже есть церковь** (1Тим. 3:15), как действовать в ней. И этот ныне освященный храм устроен, между прочим, для того, чтобы

воспитывающимся здесь открылась полная возможность примечать весь порядок священнодействий, изучая на деле устав богослужебный, исполнять церковно-служительские обязанности, заранее предусматривать, как избегать преткновения в пастырском служении, к которому таким образом призываются.

В сем призвании ничего нет рокового; в сем приготовлении ничего насильственного. Кто от младенчества хотя имел удобство видеть привлекающие черты священного служения, и хотя приобрел уважение к пастырскому сану, но не ощущает ревности понести его бремя; тот не привлекается к ответственности за уклонение от него. Можно во всяком звании быть добрым христианином. «Только каждый поступай так, как Бог ему определил, каждый, как Господь призвал» (1Кор. 7:17).

И чтоб не впасть в ошибку, нужно тщательно испытывать себя. Как во всем поведении, так и в отношении к выбору звания и должности, **не бывайте несмысленны, но разумевайте, что есть воля Божия (Еф. 5:17)**. Внемлите себе, и помыслите: для чего Промысл судил вам родиться в звании духовном, для чего с малолетства приближал вас к святым храмам и к тому, что в них совершается; для чего вам дано жить под сению алтаря Господня? Вспомните отрока Самуила, который, когда жил при святилище, в одну ночь на ложе услышав голос, сначала не узнал, кто зовет его, а как только узнал, с готовностью сердца отозвался: **глаголи, Господи, яко слышит раб Твой (1Цар. 3:10)**. Быть может, многие из вас еще себе не уяснили, к чему призываетесь. Но вникните в обстоятельства своей жизни, обратите внимание на особенности вашего воспитания, посоветуйтесь с старшими и опытными, и вы внутренним слухом различите голос, зовущий вас. Да не заглушается он в сердце вашем речами хулителей духовного звания. Тверда высота священного сана и неуязвима его досточтимость. Да не устрашат вас затруднения, неизбежные на сем поприще. «И возрос Самуил, и Господь был с ним» (ст. 19). Когда возрастете и вы для принятия священного сана, вас ждет благодать, со дня рукоположения помогающая пастырю в трудах его служения. Не увлекайтесь выгодами светских занятий и должностей: все выгодное и корыстное временно; духовное же и святое вечно.

«Посему старайтесь утвердить себя в вашем звании и избрании». Сице бо обильно приподастся вам вход в вечное царство Господа нашего и Спаса Иисуса Христа (2Петр. 1:11). Аминь.

Отделение V. Слова на царские дни

1. Слово в день восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (1861 г.)

Аще кто служить, яко от крепости, юже подает Бог. 1Петр. 4:11.

Ныне все сыны России радуются о Царе своем, начинающем новое лето благословенного царствования. Мы радуемся о Царе своем: потому что Вышний, владеющий царствами человеческими, даровал нам Его; радуемся, потому что Он любовью своею возвышает благо отечества нашего, предпринимлет великие труды к улучшению благоденствия народного, изрекает постановления по духу закона евангельского.

Но радость наша не была бы вполне верноподданническою, если б оставалась бесплодною. Чтобы благому о нас попечению Помазанника Божия соответствовала наша радость о воцарении Его над нами, мы обязаны соответствовать Ему и в служении общему благу, и в сем так руководствует нас, христиан, святой апостол Петр: «Служите друг другу каждый тем даром, какой кто получил», и если «служит кто, служи по силе, какую дает Бог». Вот с каким тщанием, и в каком направлении обязаны мы действовать на общую пользу.

В первенствующей церкви апостольской были различные духовные дары. Одних Господь поставлял учить; другим вверял дары вспоможения, управления, врачевания. Подобно сему и в обществе гражданском установлены различные должности, существуют различные сословия. Как в церкви Божией различны служения, и **тойжде Господь (1Кор. 12:5)**: так и разделение обязанностей гражданских совершается под управлением промысла Божия: **ибо тойжде есть Бог, действуяй вся во всех** (ст. 6).

Если же **сущие власти** и благотворные служения **от Бога учинены суть (Римл. 13:1)**: то всякий, кто призван служить обществу, должен воодушевлять себя мыслью о помощи Божией. Ибо един Бог производит все во всех, и без Него не можете творить нечесоже доброго. Он каждому дает силы, просвещает разум, хранит телесное здоровье, и человека потребного воздвигает там, где более он нужен.

Но с мыслью о содействии Божиим необходимо соединять готовность пользоваться им, – горячее усердие к делу. Слово Божие предостерегает нас, чтобы благодать Божия, и вообще всякая помощь Божия принимаема была нами не напрасно (2Кор. 6:1). Без надлежащего усердия, силы и дарования, от Бога нам данные, не принесут в нас и чрез нас плода. Тот

раб ленивый, который скрыл серебро господина своего и за то подвергся ответственности (Матф. 25:18), изображает человека, не хотящего трудиться на пользу общую и во славу Божию. Трудно предположить, может ли составиться общество из людей, преданных самолюбию и лени; но то несомненно, что никакие учреждения полезные, никакие мудрые законы не достигнут вполне цели, если члены общества не будут им соответствовать своим усердным служением общему благу. Высшая степень пользы правительственных учреждений достигается тогда, когда дух их проникает во все труды и жизнь граждан. Не для того пишутся законы, чтобы они оставались только в свитках на суд книголюбам об их достоинстве и на память грядущим временам, а для того, чтобы споспешествовали благоустройству и процветанию государства, при содействии членов его. Но если исполнители законов вознерадят об их исполнении, желая избавить себя от забот и труда: можно ли ожидать, чтобы государство тогда стало процветать? Искреннее и неослабное усердие в прохождении гражданских должностей помогает законам быть более полезными для общества; а леность, уклончивость, своекорыстие у законов самых мудрых могут ослабить или даже похитить их благотворную силу. Итак, кому поручена часть общественного служения, тот тщательно да подвизается в служении, а если кто начальник, да начальствует рачительно, – заповедует апостол Павел (Римл. 12:7).

По той мере, как возрастает в членах общества усердие к тому служению, к какому кто призывается правительством, слабеют и пресекаются побуждения к недовольству, тунеядству и другим печальным явлениям в общественной жизни. По влечению самолюбия иные уклоняются от труда, завидуя тем, которые мало трудятся, а много имеют. Но если бы обеспеченные в средствах жизни не преставали усердно служить на пользу общую и своими трудами, и своими избытками: тогда и нерадивый, видя, как прочие вокруг него преданы своему долгу, скорее устыдился бы своей беспечности, и обратился бы к полезному труду. А кто привыкает к труду, для того даже нет времени завидовать другим. Трудом рук своих прилежно снискивая себе пропитание, всякий земледелец может заготовить некоторые избытки, чтобы хотя немного уделять лишенным способности трудиться; а сладость труда совместного, в обществе сограждан, преданных своему долгу и своему делу, может располагать и закрытую своекорыстием душу к жертвованиям на нужды общественные. Блаженно было общество апостольское, где все единомысленно помогали друг другу, и каждый рачительно служил общей пользе. Если взаимное, благотворное содействие граждан в государстве

бывает не повсеместно, если соревнование в трудах не всех оживляет: то не потому, что общество христиан многочисленно, а конечно потому, что иссякает любви многих, и благоденствие тех или других сословий в государстве является более предметом беспокойных прений, нежели целью усердия и труда, без которого малодействительна будет и самая заботливость об исправлении общественных нравов. Постоянство в полезных занятиях есть сильнейшее орудие в руках ревнителей доброго направления в обществе. Посему отцы и матери должны показывать пример скромного и безропотного труда; и тогда в детях меньше будет предрасположения к тому, чтобы предаваться мечтам и несбыточным желаниям. Особенно же те, которые призваны, или хотят быть впереди общества, обязаны показывать ревностное усердие в служении общему благу, чрез что и неопытные будут научиться, как проходить свои обязанности, и люди непостоянные восчувствуют скорее достоинство жизни не роскошной и трудолюбивой.

Итак, **да разумеваем друг друга в поощрении любви и добрых дел (Евр. 10:24)**, ревнуя взаимно в служении на пользу общую, и если кто служит, должен служить по мере сил, какую дает Бог: **да о всем славится Бог Иисус Христом, Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.**

2. Слово в понедельник светлой седмицы, и на празднество рождения Его Императорского Величества, Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (1861 года)

Не буди не верен, но верен. Иоан. 20:27.

Такое наставление дал Господь Фоме, который не хотел верить воскресению Его, доколе не осязает ран Его.

В сем наставлении заключается урок и для тех, которые, именуясь верующими, не хотят ничему верить, а также и для тех, которые ищут осязательных доказательств, чтобы чему-нибудь поверить.

Мрак сомнений, дух отрицания не есть состояние, свойственное нашей природе. Не может ум жить безумием, или отсутствием всякой мысли; не может жить сердце, в состоянии неверия, холодности ко всему. Сила веры есть сила для души живительная; состояние неверия есть состояние болезненное. Хотя иные говорили, что сомнение есть путь к истине; но справедливо это только в том отношении, что ничему не должно верить легкомысленно и слепо, а по испытании и зрелом размышлении. Напротив, когда привычка во всем сомневаться переходит на степень подозрительности, недоверия, отрицания: тогда неизбежны разрушительные явления в умственной и духовной жизни человека. Были люди ученые, которые, наконец, не хотели верить не только тому, чего не видят, но и тому, что все видят. Стали говорить, что наши чувства нас обманывают, что предметы не таковы в действительности, какими нам кажутся, и что только движения мысли человеческой сами в себе не подлежат сомнению. В таком умственном ослеплении повторяется то же, что в состоянии острых болезней, когда и предметы, действительно существующие, кажутся призрачными. Итак, нужна вера в самой умственной деятельности, – вера в соответствие внешних предметов нашим чувствам, вера в достоверность того, что внушают нам другие, вера в некоторую таинственность, которая составляет внутреннюю связь всех сил и законов природы. Любознательность, стремящаяся исторгнуться из пределов веры, есть посягательство на всеведение. Но так как всеведение совершенно невозможно человеку, то стремление к нему легко превращается в опасность всеневедения, всеотрицания. Против сего и дано предостережение: **не буди не верен**, не оставайся в неверии.

Скажут: удобно было для Фомы уверовать во Христа, когда ему дано

было осязать Христовы раны. Если б каждый мог видеть предметы веры: то всякий, неверующий, перестал бы не верить им. – Но разве такое уверение Фомы для того было устроено, чтобы показать, что вера каждого имеет право требовать видения, осязания, познания? Уверить Фому Господь мог легко, в течение сорока дней являясь апостолам беседовать с ними о царствии Божиим. Но потому для Фомы Он особенно явился в собрании учеников, что восхотел торжественно предостеречь всех от неверия, и возвестить блаженство веры. Он позволил неверующему коснуться ран Его; но в то же время произнес, что блажен не тот, кто видит, а тот, кто верит.

Но как верить тому, чего не видим? Не только можно верить, но предосудительно не верить, как скоро нам даны достаточные для веры основания. Возьмем в пример самое воскресение Христово, в сии дни и недели празднуемое в наших храмах. Когда Спаситель предрекал свое восстание из гроба, апостолы между собою рассуждали: что значит из мертвых воскреснуть (Марк. 9:10)? Но потом, когда Петр и другой ученик пришли ко гробу, и нашли там только одежды Христовы: они могли уже удобно усвоить себе мысль о воскресении Спасителя. И действительно, этот другой ученик, более внимательный к признакам великого события, **виде, и верова.** Он видел, что невозможно было умершему оставить свои одежды, отвалить камень, который очень был велик, пройти мимо стражи, которая, как римская, не должна была спать; все это ученик Христов принял во внимание, и в воскресение Христа уверовал, еще не видя Его воскресшего. Представим и другой случай. Ученикам, шедшим в Еммаус, явился Сам Спаситель. Но так как они хотели телесными очами видеть земного царя, и нужна была вера, чтобы в образе простого человека, видеть небесного Царя: то они Его не узнали, и не узнавали дотол, пока не отверзлись очи их сердечные, чрез разъяснение священных сказаний. Ясно, что для человека на земле вера нужна и тогда, когда есть видение, познание; и наоборот, вера его может быть отчетлива, основательна и тогда, когда на ее предметах лежит покрывало таинственности, не допускающей доказательств очевидных, осязательных. Спаситель назвал медлительными сердцем и несмысленными тех, которые медлили веровать тому, что предсказывали о Нем пророки: так и ныне было бы признаком упорства – не верить тому, что повествуют апостолы, что при исследовании не подвергается подозрению во лжи, что содержит высокие уроки истины, внушает чистейшую нравственность, – вообще тому, чему учит христианство.

Та же сила доверия нужна нам и в гражданской нашей жизни. Мы

празднуем ныне день рождения Императора. Каждый протекший год Его жизни оставляет неизгладимые следы Его благодеяний для России; каждый начинающийся год Его служит началом новых милостей к подданным. Но с полным ли доверием и довольством принимается то, что даруется Его милосердием? Объявлена свобода народу, находившемуся в крепостном состоянии. Что же освобожденные? Они говорят, что эта свобода первая, а за нею будет вторая, – и нужно усилие, чтобы разрушить недоверие к объявленной свободе. Говорят: здесь виновно невежество. Остается спросить просвещенных: полным ли доверием отвечают они сами благим и мудрым начинаниям нашего Царя? Так ли принимают они Его новые постановления, чтобы видеть в них постепенное движение к улучшению отечества, и оставить мечту, будто государство в немногие годы может прийти к совершенству? Так ли чтут терпеливую кротость нашего Царя, чтобы из уважения к ней, не простирать слово осуждения на все отечественное, не преследовать духом отрицания те благие учреждения, которых польза временем оправдана? На столько ли усвоят себе Его преданность отечеству, чтобы во всех Его действиях видеть семена благоденствия России, и чтобы не приносить дань хвалы тому легкомысленному народу, который уже больше полувека меняет свои правительства, ища и не обретая покоя себе?

Остережемся недоверия, и будем твердо верить, что в распоряжениях нашего Царя – залог благоденствия нашего отечества, и что в истинном христианстве полное удовлетворение нашего духа, наша твердая опора, наше блаженство. Аминь.

3. Слово на день рождения Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича, в среду недели жен мироносиц

Како может человек родиться стар сый? Иоан. 3:4.

В текущую неделю православная церковь, между лицами, послужившими Спасителю, воспоминает Никодима, с которым Он вел беседу о духовном рождении свыше, и который, еще не понимая глубокой тайны этого предмета, возразил Божественному Учителю: **как может человек родиться, будучи старым?**

В настоящий день, с воспоминанием евангельским, соединилось торжество рождения Государя нашего, которому определило Провидение увидеть этот свет, среди дней праздника Воскресения Христова и возрождения всего человечества, и который, царствуя, хочет и законодательствует, чтобы Россия возродилась к жизни новой.

Как может родиться русский народ, когда он стар?

Подобным образом могут спросить люди, которые не понимают, или не хотят понять сущности и способов народного возрождения. Они близки к мысли, что восстановлению неизбежно предшествует разрушение, и рождение нового порядка в обществе должно быть куплено ценою нескольких жертв смерти. Хотя и не скажут они с Никодимом: «ужели может человек вторично войти в утробу матери»; но стремясь к слепо задуманному народному возрождению, сами несчастно нисходят, и отвлекают других, многих и невинных, в утробу земли. Думают, будто нужно новое поколение, чтобы потекла новая жизнь с иным направлением!

Нет! Рождение нравственное, возрождение гражданское не требует от сынов отечественной страны болезней, или смерти матери своей. Сущность сего возрождения есть переход к лучшему гражданскому состоянию, который состоит не в уничтожении всего древнего, не в мечтательном изобретении только нового, но в укоренении и обширнейшем раскрытии основных христианских начал, и их приложении к жизни общественной. Спаситель, приближая к понятиям Никодима тайну возрождения благодатного, говорит, что Дух Святой дышит, как тихий ветер, который неизвестно откуда приходит, и куда идет. Так дух улучшений, постепенно и без резких проявлений, может проникать в народную жизнь, и своим освежающим дыханием водворять в народе

чувство довольства и тишины. Возрождение свыше совершается водою и духом; нечто приспособительное и подражательное сему можем усматривать в способах, употребляемых Царем нашим к возрождению народному.

Вода была лоном для образования мира, как купель крещения есть лоно для воссоздания человека. Подобно сему, в чистом источнике правительственной деятельности нашего Царя обновляется благосостояние русского народа. Все обнародованные учреждения Государя нашего так же чисты, как слезы добрых очей его; а даруемые народу милости так же обильны, как повсюду вода.

В этом, окружающем нас обилии милостей и новых постановлений носится и дышит благой и кроткий дух нашего Царя. Тем же духом должны и мы одушевляться, если усвоим себе имя верных подданных и честных граждан, если благоразумно заботимся о своем перерождении к лучшему гражданскому состоянию.

Государь наш вливает в наше судоустройство дух любви и гласной правды. Чем же руководятся судьи: зоркостью ли правды, доступностью милости, или иными побуждениями, как прежде, тайной корысти?

Он клонит воспитание к успехам науки и к очищению нравов силой христианства. Перестают ли являться учителя, которые надеются показаться более умными пред своими учениками, если будут говорить им что-либо несогласное с верою, или будто бы исправлять, по началам науки, открытое Библией, забывая, что тогда наука высока, когда служит вере, а не тогда, когда восстает против веры?

Он дал нам свободу слова, сам облакая им чистоту намерений и мыслей своих. Та же ли благонамеренность в слове многих пишущих? Не наполняются ли книги и листы тонким ядом вредных внушений, или насмешками, клеветами, язвительным охуждением нашей народности?

Он дал свободу путешествий в чужие края, сам любя и посещая свою страну. Наблюдали-ль эти путешественники за пчелою, которая хотя и далеко залетает, но, обремененная медом, старается прилететь в свой, полный сладости улей?

Он не скрыл от нас, что не любит между подданными взаимной вражды, личных неприятностей, сам желая всех соединить под миротворным величием своего единодержавия. В том же ли духе единства и согласия действуем мы среди общества? Помним ли, что издавна долг службы был поставляем выше дружбы, и тот, кто не способен быть другом, может быть добрым и честным сослуживцем?

Так, если мы отбросим предубеждения против всего старого,

отечественного, будем побеждать в себе чувство недовольства и порывы самолюбия, последуем примеру и манованиям нашего Царя, истинного христианина: то мы чрез сие сами будем помогать общественному усовершенствованию, и путями легкими, нам указуемыми, достигать действительных улучшений гражданской жизни. Аминь.

4. Слово в день священного помазания и венчания на царство Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (1863 г.)

Положил еси на главе его венец от камене честна; живота просил есть у тебе и дал еси ему. Псал. 29:4.

Что на главе нашего Царя положен венец из камней драгоценных – кто этого не знает? Бог благословил Россию богатством; и если все на земле сотворено на службу человеку, то не из обыкновенных: а из лучших веществ надлежало устроить украшения, которые служат знаменем власти, величия и прав нашего Императора, не менее как и его личных доблестей.

Но в какой мере относятся к Нему дальнейшие из прочитанных слов псалма? Какой жизни просил он у Бога?

Лучшее изъяснение сего заключается в той молитве, которую произнес он в храме во всеуслышание, когда венчался на царство: «Владыко и Господи мой! буди сердце мое в руке Твоей, еже вся устроить в пользу врученных мне людей и к славе Твоей».

Так молясь, Благочестивейший Государь не только жизнь свою вверял Промыслу, но и просил помощи свыше, чтобы все дни ее были направлены ко благу подданных и к славе Божией. Что можно еще указать умильнее такой молитвы и возвышеннее такой цели?

Протекшие годы Его царствования, по справедливости, должно назвать блистательным ответом на эту молитву, и подтверждением ее. Странно даже спрашивать: есть ли какое учреждение или постановление царское, которое бы не клонилось ко благу подданных? – Не всякое ли, напротив, сословие видит на себе следы царской милости, признаки новой жизни? Жаловались на рабство: оно уничтожено. – На тягость военной службы: она облегчена так, что, быть может, прежде тяжелее было военачальнику, нежели ныне простому воину. – На суровость наказаний: они заменены только позором преступников. – На некоторые стеснения в купле и продаже: и на этом пути открыто ныне более удобства честной промышленности и соревнованию. – Желали свободы слова: кажется, начинаем уже пресыщаться ею. – Говорили об изменении уставов, по распорядительной и судебной части: важнейшие и нужнейшие из них или усовершенствованы, или подвергнуты пересмотру. – Жаждали успехов просвещения: все просветители приглашены были дать отзыв, как

распространить свет науки.

Так Государь желает обновления нашему отечеству и соединяет силу своей веры с неутомимой деятельностью своею, чтобы новая жизнь текла во все концы России. Желают этого и все россияне; но кто дерзнет, обращаясь к Богу жизнедавцу, гласом радости воскликнуть об них: **живота просиша у тебе, и дал еси им?**

Если, однако ж, блага усовершенствований медленно переходят в нашу действительность: не сами ли мы виновны в том? – Все в мире подчинено закону постепенности; хорошее не все достается вдруг. Не скоро делается ученик знаменитым ученым; иной живописец многие годы трудится над одной картиной, что бы приобрести славу великого художника; и тот, кто осторожно занимается торговлей, не с больших дел начинает, но от скромных предприятий переходит к более смелым. Тоже и в жизни гражданской. Образованные государства, на которые привык указывать русский человек, хвалясь знанием современности, веками достигали выгод жизни усовершенствованной. С некоторою терпеливостью, – хотя этой добродетели и не любят приверженцы нововведений, – надлежало бы и нам смотреть на движение нашего общественного устройства. Лучше малое, но верное, нежели великое, но мечтательное. Какая польза в том, чтобы отставать от прежнего, и вместе отвергать все, вновь предполагаемое? – Нам предлагают: скажите, что потребно к улучшению вашего состояния? Иной не хочет и подумать, что сам он сделал для общества, – с точностью ли исполнял то, к чему обязан; но сейчас же готов даже свои прихоти превратить в нужды и предъявить требования, совсем неудобноисполнимые.

Над борьбой мнений, над непостоянством желаний, над волнами недовольства, над самой бурей мятежа как величественно возвышается кроткий лик нашего Царя! Он живет для России, и в ее славе и спокойствии поставляет свое счастье. – Будем усердно желать и молиться, «да умножит Господь дни Его жизни, в нерушимом здравии и непремеяемом благополучии». Аминь.

5. Слово в день тезоименитства Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича (1801 г.). (Первое)

Не оставляюще собрания своею, якоже есть неким обычай. Евр. 10:25.

Кто именинник, тому обыкновенно желают здравия, что и означает словом «поздравление». Благочестивейшего Государя нашего, в день Его тезоименитства, обязана приветствовать вся Россия. Долг верноподданных не только мысленно воссылать Ему желание здравия, но в сей день с особенным усердием молиться о Его долгоденствии. Где же молиться?

Можно молиться везде. Но апостол, убеждавший христиан творить **молитвы за царя** (1Тим. 2:2), заповедал, чтобы они были совершаемы в местах церковных собраний, и произносимы не женщинами, а мужчинами, которые на то поставлены (ст. 9–11). Так от апостольских времен соблюдается и по ныне. Повсеместно православные приходят в свои ближайшие храмы, или в молитвенные дома, чтобы при богослужениях, церковным клиром совершаемых, молиться за Царя и царствующий дом.

Когда язычество пало, и вера православная сделалась господствующею, под скипетром царей христианских; тогда и молитва за них стала принимать более торжественный вид. Сему много способствовало устройство храмов соборных. Такое именование даваемо было храмам, при которых находились епископские кафедры. Как, по древнему изречению, «где епископ, там и церковь»; так и его кафедральный храм есть средоточие его паствы, главное место молитвенного общения для его пасомых. Соборы преимущественно отличались своею обширностью, а иные воздвигаемы были по повелению и на иждивение самих императоров. В древности, когда хотели совершить с большею торжественностью какое-либо священнодействие; предпочитали для сего храм соборный. Закон церковный даже указывал «хотящим удостоиться пречистаго просвещения», то есть возрастным, желающим принять крещение, «да приходят для сего к кафолическим церквам, и тамо сего дара да сподобляются»¹⁶². Крещение есть присоединение к церкви кафолической, а не к какой-нибудь общине; почему и избираем был для сего храм кафолический (соборный), где могло быть больше свидетелей сего присоединения. Очевидно, соборный храм служил предпочтительным местом многолюдных собраний и торжественных богослужений. Так и в нынешний день могли ли жители

всех городов собраться в столицу, что бы торжественно праздновать тезоименитство Благочестивейшего Государя, у подножия Его царского престола? Конечно, это невозможно. Но в каждом городе есть храм соборный, в который и являются представители местного общества и управления, чтобы почтить своим присутствием торжество дня и вместе с народом принести молитву о Царе своем.

Апостол Павел нас увещевает: «не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай». Собрание он понимает церковное, православное. Не похвально и ныне поступают те, которые уклоняются от наших торжественных, подобных нынешнему, собраний. Не говорим об отсутствующих по уважительной причине, или «благословною виною отшедших»¹⁶³. Церковь не только их не обвиняет, но даже и молится за них. Упреку поддаются люди в вере не твердые, или от нее отступившие, в жизни не устроенные, которые, не любя наших священных собраний, составляют свои сходбища. К ним должно отнести апостольское слово, что не на лучшее, а на худшее собираются они (1Кор. 11:17). Худо, если проводят они время в невоздержании и греховных увеселениях. Но еще более преступно, если, порицая православную церковь за ее обряды, они своими душевредными измышлениями сводят с доброго пути других, преданных православию и царскому престолу.

«Будем же держаться исповедания упования неуклонно» (Евр. 10:23). К общему нашему спокойствию, к процветанию нашего отечества направлена жизнь Государя нашего. Как же нам не молиться за того, кто живет для нас? Нет, это молитва нашего сердца, да приложит Господь **дни на дни царевы, и лета его до дне рода и рода** (Псал. 60:7). Аминь.

6. Слово в день тезоименитства Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича. (Второе)

Повинитесь всякому человеку начальству Господа ради: аще царю, яко преобладающе. 1Петр. 2:13.

Так апостол Петр Господом умоляет христиан повиноваться Царю и начальству. Это заповедовал он, когда цари и начальники были язычники. Над нами же Господь оправдал царствовать возлюбленного раба Своего, Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича, и нужно ли теперь напомнить о повиновении, когда настоящее собрание наше, в честь его тезоименитства, служит ясным доказательством верноподданнической преданности ему, нашего сердечного благожелательства ему?

Повиноваться неизбежно; кто бы не захотел, тот был бы понужден; иначе не будет порядка, безопасности, спокойствия, благополучия. Но есть особенности в том, почему и какое требуется от нас повиновение.

Апостол Петр не просто заповедует повиновение, но **Господа ради**. Следовательно, кто искренно и вседушно повинуется земной власти, тот чрез это угождает и Царю небесному. **Такова воля Божия: Царя чтите**. Сердцеведец смотрит не на одно наружное отношение подданных к своему царю, но на степень и искренность в каждом преданности ему.

Апостол Павел, требуя от всех повиновения предержавшей власти, говорит об ее носителе: **Божий бо слуга есть тебе во благое** (Римл. 13:4). Какие отсюда проистекают блага для народа, показывают действия Благочестивейшего Государя нашего. Благодетели человечества более бывают видны во время общественных бедствий и затруднений. По некоторым нашим областям оказался недостаток в хлебе. Кто первый возревновал о помощи нуждающимся? Питатель алчущих, наш Государь. В иные годы бывают большие пожары. Кто учреждает и умножает вспоможение местным жителям, лишаящимся крова и состояния? Утешитель несчастных, Государь. Ныне в разных городах и селениях обнаруживается заразительная болезнь. От кого исходят успокоительные меры против нее? Он, отец своих верноподданных, посылает и врачей, и своих доверенных лиц, чтобы искусством одних и распорядительностью других пресекалась опасность заболеваний, и Сам, с своей Августейшей Супругой, посещает врачебные храмины. Так и в наше время сбывается,

отчасти даже в буквальном смысле, древнее, данное Сиону предсказание: **И будут царие кормители твои** (Пс. 49:23).

Какое же должно быть наше повиновение? – Разумное: ибо **приятен цареву слуга разумный** (Притч. 14:35), такой, который основывает свои действия на точной силе закона, на верном его понимании, не допуская произвольных его толкований; который свои права и свои по службе требования соотносит с намерениями Государя, из Его повелений уразумеваемыми. Повиновение должно быть добросовестное. **Потреба**, говорит апостол, **повиноватися не токмо за гнев, но и за совесть** (Римл. 13:5). Сие значит, что надобно исполнять повеления царевы, не по страху только ответственности за неисполнение, но с любовью, охотно, честно, самоотверженно, не щадя, когда нужно, живота своего. Наконец, повиновение от всякого ожидается беспрекословное. Цель, почему за Царя молимся, указана апостолом та, **да тихое и безмолвное житие поживем** (1Тим. 2:2). Житие безмолвное есть спокойное, безмятежное; для чего необходимо безусловное повиновение начальству. Это тем легче, что закон, Царями нашими данный, есть закон милостивый, человеколюбивый, на учении евангельском опирающийся. Святой Златоуст, побуждая каждого христианина к повиновению, поучает: «Начальник не препятствует тебе, а способствует в добродетели. Я советую тебе быть целомудренным; и он того же требует по законам. Я убеждаю тебя не быть любостыжательным, грабителем; и он над тем же поставлен судиею. Начальник – Божий слуга; потому что защищает добродетель, и гонит порок; он есть охранитель спокойствия и гражданского благоустройства»¹⁶⁴. Чтобы лучше приблизить к нашему положению это наставление святителя, возьмем во внимание нынешние предосторожности против губительной болезни. Понуждают обывателей соблюдать около себя и в своих жилищах опрятность. Это не новое установление: еще в ветхозаветное время от народа еврейского требовалась строгая внешняя чистота, которая не мало способствовала его житейскому благосостоянию. Не позволяют продавать и покупать незрелые плоды и овощи; советуется воздержание от некоторых яств, запрещается нетрезвость. И в Священном Писании находим предостережение, что «холера бывает у ненасытного» (Сир. 31:23), что **от многих брашен недуг будет, и пресыщение приближает до холеры** (37:33), и что «вино погубило многих» (31:29). Требуется полное доверие к врачам, и к назначаемым ими средствам. Хотя, по Писанию, «от Вышнего исцеление», но Он сам «создал врача», и «из земли производит врачевства», которыми «муж благоразумный не пренебрегает» (38:1,2,4), и

ими пользует больных. Апостолы, творившие чудеса, обращались к врачевным пособиям: так один другому, по причине частых его недугов, советует принимать немного вина, в виде врачевства (1Тим. 5:23).

Царь премудр – утверждение людям (Прем. Сол. 6:26). В мудрых и благих повелениях нашего Благочестивейшего Государя наша опора, наша сила. Повинуясь им, будем молиться, «да живет Царь» наш многия лета, и да дарует Господь во дни его и нам мир, безмятежие и здравие. Аминь.

7. Слово в день священного венчания и помазания на царство Его Императорского Величества Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича и Супруги Его Благочестивейшей Государыни Императрицы Марии Федоровны, 15 мая 1884 года

Славу и велелепие возложиши на него. Псал. 20:6.

Это слово псаломское выразительно исполнилось на нашем Богоизбранном Царе, когда Он короновался. Очевидцы говорили, что более великолепного зрелища нельзя видеть на земле.

При всем, однако же, величии, каким окружено было торжество коронования, оно отнюдь не должно быть называемо обрядом, который составлен, чтобы произвести впечатление на зрителей; нет, это есть действие таинственное, благодатное.

Венчанный Царь помазуется святым миром. Таинство миропомазания совершено было над Ним во младенчестве, по крещении, как и над всяким православным христианином. Но запечатлеваемому святым миром по крещении сообщается благодатная сила для возрастания в жизни духовной. Царю нужно еще нечто особенное, Ему нужен **Дух владычный** (Пс. 50:14), дар владычественной, господственной, правительственной мудрости. Ее и просил Он у Господа, молясь во всеуслышание: «Да будет со мною приседящая престолу Твоему премудрость... еже вся устроить к пользе врученных мне людей и к славе Твоей»¹⁶⁵. Для восполнения сей высокой потребности повторилось над ним таинство миропомазания; запечатлены были снова орудия его внешних чувств: его перси и чело, чтобы ум его озаряем был светом разумения в делах царского служения, и чтобы сердце его горело ярким пламенем любви к подданным; помазуются длани Царя, чтобы твердо и победительно держал бразды правления.

Но прежде миропомазания принимает коронуемый знаки царского достоинства, – порфиру, венец, скипетр и державу.

Цвет порфиры пурпуровый, как самый торжественный; она есть одеяние величия и славы (Сир. 6:30–32).

Венец или корона, от чего и самое торжество нынешнее носит название «коронования», по-гречески именуется «диадимой». Это слово указывает на то, что два соединены во едино. Согласно сему греческому именованию, царский венец служит знаком теснейшего единения Царя,

как главы, с своим народом. Господь дает сокровища, из которых взяты украшения для короны, чистое золото и драгоценные камни; Он **положил и на главе Давида венец от камене честна (Пс. 20:4)**. Эти украшения указывают на доблести и преимущества Боговенчанного Царя.

Скипетр имеет вид короткого жезла. Саул сказал некогда о себе: **Не сын ли есмь аз меньшаго скиптра Израилева (1Цар. 9:21)**? Посему быть под скипетром значит быть в зависимости, как ветвь от дерева; скипетром охраняется благосостояние верноподданных...

Государю, принявшему в десную руку скипетр, в левую подается «держава», круглая, как яблоко, вверху с крестом, «яже есть видимый образ данного ему над людьми самодержавия к управлению ими и к устроению всякого, желаемого ими, благополучия»¹⁶⁶.

Итак, священное венчание на царство и помазание нашего Даря святым миром совершено было не только ради укрепления его духа, но и к устроению желаемого нами благополучия. Царь для народа. Благодать правительственной мудрости и силы излилась на него, чтобы плоды ее вкушал народ. Постараемся же быть достойными того, что для нас предусмотрено. Будем верноподданными не по имени только, а по мыслям, чувствам и делам. Да благоговеет мысль наша пред величием Царя; да простирается преданность наша Ему до готовности положить за Него жизнь; да повинuemся искренно Ему, исполняя Его повеления не по страху ответственности, но **по совести...** (Римл. 13:5). Аминь.

8. Речь на молебствии пред открытием в Одессе памятника Императору Александру II

Сейчас пред очами всех открывается памятник в честь Императора Александра II. Честь и гражданам, которые возревновали воздвигнуть этот памятник.

На вопрос, почему он поставлен здесь, а не на другом месте, ответ дают такой, что покойный Государь соизволил быть на сем месте саду и первое дерево для него посадил собственными руками. Великий Государь, снисходительно взяв на себя труд вертоградаря, хотел показать подданным один из многих своих примеров трудолюбия, а вместе с тем это Его действие указывает в нашей местности и на особенную нужду древонасаждения. Если бы, следуя примеру царскому, жители сего края насаждали каждый в своей жизни хотя по одному дереву, то не скудно бы оделись и украсились растительностью наши безлесные поля и селения.

Но незабвенны и другие важнейшие насаждения Великого Царя. Их помнит Одесса, ибо Он своим покровительством способствовал ее благоустройству и учредил в ней высшее святилище наук. Помнит Новороссийский край, где в Его царствование сделаны большие успехи по части народного образования, земледелия, промышленности и торговли. Помнит вся Россия, ибо в ней миллионы лиц получили свободу от крепостной зависимости, и все россияне призваны служить отечеству, кто чем может и чем должен; всем даны милостивые права и мудрые законы, на которых зиждется суд скорый и правдивый. По долгу совести и благодарности обязаны помнить сего Великого Государя и соседние с нами славянские народы, ибо отсюда и до Царяграда сколько было пролито за них крови; сколько принесено жертв для освобождения их от мусульманского ига!

Благоденствовали некогда Израильтяне в своих городах и куцах под виноградом и смоковницами. Но и грады их за грехи их рассыпаны, и смоковницы иссохли. Так от самих людей не мало зависит и пользоваться благами, и терять их. Если поставлены законы, надобно их исполнять. Если даны права, не должно ими злоупотреблять. Если кому вверено достояние общественное, надобно вверенное сберегать. Мы видим, как Благочестивейший наш Государь печется о развитии и усовершенствовании всего, что насаждено приснопамятным Его Родителем. Сам Он даст и нам твердое направление, которому обязаны мы неуклонно следовать. Воззовем же молитвенно ко Господу, да дарует

царствующему над нами Венценосцу во всем благое поспешение и многие лета!

Отделение VI. Слова и речи на разные случаи

1. Слово при посещении города Обояни и служении в Смоленской церкви, в субботу Фоминой недели

Принеси перст твой семо. Иоан. 20:27.

Истекающая неделя называется Фоминою, в память уверения апостола Фомы. Он усомнился, что Христос воскрес, и что прочие апостолы видели Его в первый день по воскресении. Через восемь дней снова явившись апостолам, Христос сказал Фоме, который был тут же: **принеси перст твой семо, и виждь руце Мои: и принеси руку твою, и вложи в ребра Моя: и не буди неверен, но верен.**

Это событие, между прочим, и нас обнадеживает, что и мы, если в области веры в чем недоумеваем, можем искать уверения, и что если искренно ищем истины, Господь подаст нам вразумление.

Сам Господь нам дал право узнавать то, что можно узнать о Нем. **Испытайте писания; та суть свидетельствующая о Мне (Иоан. 5:39).** Апостолы, чтобы **возрастать нам в познании Господа нашего Иисуса Христа (2Петр. 3:18)**, советуют нам **чаще себя искушать, аще есмы в вере (2Кор. 13:5); искушать, что есть благоугодно Богови (Еф. 5:10); искушать и духи, аще от Бога суть (1Иоан. 4:1).**

Случай, бывший с апостолом Фомою, удостоверяет нас, что грешно коснеть в заблуждении и неверии, а не грешно искать пути к разрешению сомнений. Хотя требование сего апостола было дерзновенно, ибо **блажени не видевшии и веровавше**, а он не только хотел видеть, но и осязать: однако Господь снисходит к общему нашему слабоверию в лице апостола Фомы. В одном песнопении церковном читается: «неверною верою облагодетельствовавший нас Фома близнец, решит мрак неведения всех концев верным неверствием»¹⁶⁷. Его неверие было доброе, потому что не продолжительно, не упорно, а испытательно. Оно и «верных сердца в незнание привело»¹⁶⁸, и неверующих вразумляет, **яко Христос воистину воскрес**. Оно и всех, в чем-либо относительно веры сомневающихся, научает, что решения сомнений надлежит искать чрез приближение ко Христу, внутрь церкви православной, **идеже верные ученицы Его собрани.**

Иное дело спорить о вере; иное узнавать то, что в ее подробностях и раскрытии может показаться сомнительным. Первое запрещено: «Никогда не состязайся о вере», – предостерегал один старец своего ученика. «Держись царского пути, – говорю, веры трехсот осмнадцати святых отцов: она заключает в себе все с точностью для совершенного разумения.

Не рассуждай о том, что выше твоей меры»¹⁶⁹. Но такому человеку, который уже впал в заблуждение, или воспитан в нем, не простительно и пагубно закосневать в нем. Да стремится он к свету истины путем изыскания. Тот же ученик спросил своего старца: «У меня есть друг, и оказалось, что он еретик. Увещевать ли мне его, чтоб он правильно мудрствовал?» Старец отвечал: «Увещай его познать веру православную; но не состязайся с ним. Если он пожелает получить себе пользу и услышать истины веры Божией, то приведи его к тем святым отцам, которые могут оказать ему пользу во Христе»¹⁷⁰.

Где же, скажут, ныне найти таких учителей, – ныне, когда, по-видимому, **оскуде преподобный** (Пс. 11:2)? – В церкви православной можно найти таких людей: ибо она и не существовала бы, если б **семя свято** не было **стоянием** (Ис. 6:13) ее. Здесь хранятся и чтутся писания святых отцов древних, в которых правильно изучающий их находит разрешение на все важные недоумения. Здесь Богом поставленное и от апостолов преемственно идущее епископство: а где епископство православное, там и учительство истинное. Игнатий Богоносец завещает: будьте утверждены в одном духе и одних мыслях, повинувась епископу и пресвитерам¹⁷¹? А святой Киприан также внушал: «Где епископ, там и церковь. Кто не с епископом, тот вне церкви. Напрасно, обольщая себя, некоторые думают священный союз с епископом заменить иными тайными союзами». Не наше недостоинство что-нибудь значит; но высоко в церкви священноначалие, важно церковное устройство, церковное собрание и всех верных единомыслие; при таком порядке церковном всегда найдутся и не оскудеют благочестивые души, которые и к Богу своею молитвою доступны, и могут давать душеполезные наставления заблуждающему ближнему.

Итак, не правы те, которые удаляются от церкви православной. Вот что говорят святые отцы: «Вера есть смирение. А кто не ходит в общее собрание, тот уже возгордился и сам осудил себя»¹⁷². Осудил в том смысле, что, удаляясь от церкви, удаляется от истины. Горница апостольская первым была храмом. Не был в ней Фома, **егда прииде Иисус**, – и омрачился сомнением; а пребывая в ней вместе с братьями, Господа увидел и из сомнения вышел. Не указал Христос, которым перстом надобно было прикоснуться к Нему, по заметил Фоме: **не буди не верен, по верен**. Не осуждает святая церковь так называемых старообрядцев за их перстосложение, но умоляет только, чтобы они приносили персты свои семо, приближались ко Христу в святых храмах Его, **воздевали** бы к Нему, вместе с нами, и свои **преподобные руки**. Кто

не чуждается церкви православной, кто испытно рассматривает ее учреждения, ее неизменность и непрерывность: тот, – как позволяют заключать опыты почтенных и благонамеренных людей, оставивших старообрядство, тот раньше, или позже постигнет истину, обрящет Христа, во свете православия воскликнет к Нему: **Господь мой, и Бог мой!** Аминь.

2. Слово при вступлении на Казанскую паству

Вы собрались здесь, чтобы встретить и видеть, а быть может, и желая слышать меня. Но мое лицо и имя, и мой голос не сами по себе имеют значение, а потому, что видите на мне сан, который уважаете, чтите должность, которую исполнять я послан сюда. Возведите же очи ваши к Тому, Кем установлен сан пастырский, – к Тому, Кто сказал: **И будет едино стадо, и един пастырь** (Иоан. 10:16).

Господь наш Иисус Христос дал пастырей и учителей, ряд которых от апостолов не прерывается до нашего времени, и **вещание которых** от Иерусалима **во всю землю изыде** (Римл. 10:18). Триста лет исполнилось, как глаголы истинных богопроповедников стали оглашать и сию, тогда темную область. Известно вам предание, что твердыни этой крепости, где мы теперь, потрясены были тотчас, как подле них в походной церкви православного царя на литургии в евангельском чтении возглашены были слова Христовы: **И будет едино стадо, и един пастырь**. Вслед за сим воссияла здесь православная вера. Ее насадили святые наши первоначальники, святители Гурий и Герман; ее распространяли в сей области приснопамятные их преемники; ее старались повсеместно здесь утвердить благочестивые мои предшественники.

Но дело истинной веры зависит от сердечного желания, и не допускает принуждения и насилия. Посему поныне в этом крае остаются такие люди, которые не вошли еще в православное стадо Христово, и о которых с глубокою скорбью должно сказать: **возлюбиша паче тьму, нежели свет** (Иоан. 3:19).

О том предлежит попечение и мне и моим сопастырям, чтобы **и иные овцы, лже не суть от двора сего** православного, располагались войти в него, оставляя тьму заблуждений и суеверий, а вошедшие в него, или от рождения воспитавшиеся в нем пребывали твердыми в истинном благочестии, не погружаясь в тьму пороков и страстей.

Да слышат глас истины те, которые хотя просвещены светом веры Христовой, но по слепой привязанности к так называемым старым обрядам, удаляют себя от церкви православной.

Да покорятся гласу истины Христовой те, которые или в языческом суеверии поныне пребывают, или увлекаемые корыстными и чувственными приманками магометанства, подавляют в себе чистые стремления души своей, которая по природе ищет христианства.

Обыкновенно думают, что обращение единоверцев лежит на

обязанности только лиц священного сана. Нет, и все православные миряне должны в сем нам содействовать. Как же и чем? – Способные словом и писанием, а все верою и житием. Древние христиане удивляли язычников своим благочестием, своею честностью, правдивостью, строгим повиновением закону и властям, незлобием, прощением обид, благотворением самым врагам, чрез что и привлекали их в свою веру христианскую.

Соединимся же все в служении общему делу православия, и если Промысл поставил меня для здешнего места впереди, на высоте пастырского служения и церковного управления, то обращайтесь ко мне с доверием, молитесь, чтобы Господь давал мне силу удовлетворять вашим духовным потребностям и благонамеренным ожиданиям.

И ныне, вступая в новое мое служение, призываю Божие всемогущее благословение на град сей, и на всю паству Казанскую, да будут дома ваши благоустроены, семейства здравы, дети добры и счастливы, ваши нивы и насаждения многоплодны, и все полезные предприятия успешны, и даруя нам тихое, чуждое волнений жительство, на земле, да приведет нас Господь к вечному покою на небе. Аминь.

3. Слово, сказанное в Одесском кафедральном соборе, при первом посещении его по вступлении на паству, 5-го июня 1891 года

Я стремился предстать пред вами, не только потому, что дошел до меня слух о вашем желании видеть меня, но и потому, что вы обитаете в главном городе моей новой паствы. Хотя правительственные учреждения этой области находятся не здесь; но, как видим, вашему городу суждено быть в ней первенствующим. Его местоположение, открытое для внешних и внутренних сообщений, богатства природы, от него не далекие, удобства торговли, ему присущие, внимание к нему наших благочестивейших царей, покровительствовавших его развитию и росту, – все это дало ему вид не простого населенного места, а как бы столицы южного края. Не следует однако же забывать важнейшее: этот великий и пышный город должен быть русским, православным.

Как только завоевана была сия местность, основан был и этот город. Для кого же? Разве для чужих, а не для своих; разве для того, чтобы ему быть чужеземным? Нет, хотели, чтобы в Новороссийском крае все было русское, – население, правление, судопроизводство, язык, образование, промышленное и торговое движение. А с русскою жизнью вошла сюда и вера православная. Строились дома; воздвигались и святые храмы. Переносится сюда кафедра епископа, и город делается средоточием церковным для здешней области. Открываются духовно-учебные заведения, чтобы разливался в ней свет духовного просвещения. Возникают обители, мужская и женская, и таким образом насаждается здесь монашество, – этот цвет христианства. Приносится сюда чудотворная икона, да и неверующие видят силу Божию. Ежегодно совершается крестный ход в память основания Одессы. Для чего бы это, – если б она основана была не для жизни русской, не для славы России, не для господства православия?

Но может ли Одесса называться городом в полном смысле русским, православным? Вопрос этот для русских ее жителей не должен быть обидным. Не их вина, если их город иностранцы и иноверцы так полюбили, что составляют теперь перевес его населения. Тем не менее вопрос этот должен озабочивать здешнее православное общество.

Правда, не от чьего либо понуждения зависит, что бы иностранец сделался русским подданным, или иноверец православным христианином.

Это дело убеждений и свободы. Но от здешних православных жителей много зависит, чтобы их город носил признаки города православного. Кто, например, посетит его в первый раз, и видит богатоукрашенные храмы и торжественные в них богослужения, при которых они полны народа; невольно помыслит, что здесь и вера господствует наша родная, грекороссийская. Если все русские люди, в сем граде обитающие, будут хранить единодушно и прилежно заповеди церковные, древние чистые обычаи и отличительные добродетели русского народа, – любовь к своему отечеству, самоотверженную преданность царскому престолу, беспрекословное повиновение властям, благоразумно строгое направление в воспитании детей, миролюбие, незлобие, готовность на дела человеколюбия; то сие не будет проходить без доброго следа, и без влияния на водворившихся здесь иноземцев. Обратимся к первым векам христианства. Случалось, что в ином языческом городе сначала мало было христиан; но их вера, их дела так были поразительны, что все городское население ими было занято, о них говорило. Удивлялись язычники усердию христиан к своему богослужению, их послушанию, кротости и воздержанию, их всепрощающей любви, по которой они не только не мстили, но благодетельствовали своим врагам. От того происходило, что город языческий постепенно делался христианским. Напротив, как было бы преступно, если б город, на который при самом его основании было призвано имя Бога истинного, потерял черты православной народности! Ее поддержание, ее охранение лежит на обязанности русских его граждан. Больше ли в христианском населении людей благочестивых, или меньше, это различно по различию времени; но надобно желать и молиться, чтобы они были. – В них залог благосостояния города; в них условие его спасения. **Семя свято стояние его (Ис. 5:13)**. Сам Господь дал непреложное обещание, что Он не попустит городу погибнуть, если в числе его жителей только десять будет праведных (**Быт. 18:32**). Кто на какой степени праведности, ведомо Богу. **Позна Господь сущия своя (2Тим. 2:19)**. Но для каждого православного обязательно помнить, что далее внушает апостол: **да отступит от неправды всяк, именуя имя Господне**; исповедующий Христа Бога нашего должен быть далек от всякой неправды и в вере и в жизни.

Поелику же благосостояние наше зависит не от нашего «хотения, или усилия, но от помилования Божия» (**Римл. 9:16**); то воссылаю мольбу ко Всевышнему, да пребывает на граде сем и на пастве сей Его всемогущее благословение, милующее грешных, вразумляющее заблудших, утешающее печальных, умножающее нам плоды земные, охраняющее

тишину общественную, делающее счастливою жизнь семейную. Сие **благословение Господне на вас**, пришедших ныне и в ранний час дня встретить меня.

4. Слово пред открытием выборов на должности в дворянском сословии Курской губернии. (Первое)

И кленешися в истине, и в суде, и в правде. Иерем. 4:2.

В сих словах пророка указано важнейшее свойство богоугодной клятвы: она должна быть искреннею и верною.

Ныне вы обрядом клятвы предворяете великое дело избрания старейшин и судей; решаетесь призвать Бога во свидетеля, для уверения всех, что совершите свое дело в чистоте христианской совести.

Не зрит Господь на лица, но испытует сердца. Ему совершенно известно: в какой мере у каждого будет соответствовать намерение исполнению, приветливость слова расположению сердечному, чистый и прямой взгляд очей чистоте совести, прямоте души.

Но доколе избрание не начато и неизвестно, на кого падет жребий общественного служения, небесполезно помыслить: какую великую силу в деле избрания может иметь беспристрастие избирателей.

Беспристрастие есть такое свойство человека, при котором смотрит он на лицо или предмет без своекорыстных к нему отношений, без увлечения слепую привязанностью или враждой к нему, без односторонности, но ровным, спокойным, испытующим взглядом.

Возможно ли, говорят, достигнуть того, чтобы так спокойно и бесстрастно смотреть на лица и предметы? Человек, доколе на земле, по естеству страстен, и закон сочувствия так силен, что иногда, при первой встрече с лицом, уже чувствуется или расположение, или холодность к нему.

Все это правда, но надобно различать бесстрастие от беспристрастия. Полная свобода от страстей не существует на земле; но очень возможна успешная борьба с ними, и еще более возможно совершенное побеждение пристрастий. Как предмет отдаленный или полуоткрытый не вдруг объемлем мы взором; но когда подойдем к нему ближе и тщательно осмотрим со всех сторон, тогда удобно можем составить верное о нем понятие: так и в суждениях наших, если остережемся от поспешности, примем во внимание отличительные черты предмета, отстраним препятствия к наблюдению, будет господствовать беспристрастие. В одном и том же человеке могут быть и хорошие стороны, и недостатки: посему не вдруг надобно доверяться впечатлениям и тем, которые располагают в его пользу, и тем, которые отвлекают от него.

Беспристрастие избирателей есть важнейшее условие, чтобы дело

избрания не было свыше меры затруднительно. Цель сего труда избрать между достойными более достойных. Но на достоинства и преимущества око пристрастное всегда смотрит косвенно, или как бы сквозь стекло, окрашенное в тот цвет, который вкусу зрителя более нравится. Пристрастие родства побуждает забывать, что не тот в мире лучший человек, кто нам родственник, или не потому он хорош, что связан с нами узами родства. Пристрастие дружества препятствует отвергнуть человека, которому привычка приятно делить с ним праздное время усвоит имя доброго знакомого. Блеск богатства так привлекает слабых смертных, что они смотрят на богатого, как на полную и светлую луну, оставляя без внимания, что луна сама по себе тело темное, окружена заимствованным, следовательно, чужим светом. Самая даже бедность некоторых служит поводом пристрастия, которое дает им выгодные места, тогда как внешняя нищета бывает иногда покрывалом, под которым скрывается скудость сердца и ума. При великом разнообразии человеческих пристрастий, они стремятся как волны в море, гонимые неправильным, но сильным ветром. Жребий избрания будет носиться по сим волнам, не достигая своей цели, и, наконец, также может упасть неудачно, как попадает корабль на подводный камень. От таких затруднений предостерегает беспристрастие. Для человека не предубежденного, понимающего всю важность должностей, связи знакомства и родства не только не составляют главного, но и никакого не имеют значения в деле общественном. Если бы все избиратели в суждении о лицах избираемых устранили свои частные виды: тогда скоро и без особенного труда между многими достойными могли бы быть указаны достойнейшие. Когда в обществе первых последователей Христовых нужно было избрать нового апостола на место Иуды предателя: не было никаких прений, потому что не было разделений; единодушно указаны были два – Иуст и Матфий; а то затруднение, кого из сих двух предпочесть, тотчас же было устранено посредством жребия. И ныне не множеством должностей затрудняется выбор лиц должностных; а немалочисленностью частных целей и затаенных желаний.

Цель предстоящего вам труда есть общая польза. Но разве можно ожидать полной пользы от пристрастных действий? Где нет беспристрастия, там начинают действовать страсти; где борются страсти, там низшие цели могут быть предпочтены высшим, влечения самолюбия – видам общего блага. Общество, или собрание, одушевленное, по-видимому, исканием одной цели, распадается на части, из которых каждая стремится к защите или возвышению своих сторонников. Здесь лучший не тот, кто имеет действительные и неоспоримые преимущества, но тот, кто

принадлежит к стороне, превосмогающей искусством любопрения. Вместо свободы суждений, так ныне восхваляемой, является непримиримая их борьба, в которой проповедники этой свободы, не взирая на последствия, стараются победить своих противников. Но что за радость, если эта победа будет куплена ущербом общего блага? Какое утешение поздним опытом увериться, что избрание было бы удачнее, если б в мнениях выражалось более осмотрительности и спокойствия? И нет в том сомнения, что всякие совещания тем бывают успешнее, чем производятся они спокойнее. Избиратель нелицеприятный внимательно смотрит: имеет ли избираемый способности и сведения достаточные для дел, ему поручаемых? Можно ли по его образу мыслей и правилам предполагать, что он в подлежащем служении решится предпочитать благо общества выгодам своей жизни частной и семейной? Таковы ли его нравы и дела, чтобы в нынешнее время взаимного недоверия он не лишился общего доверия и никто из подчиненных не имел бы справедливого повода спросить его: **кто ты постави над нами судиею (Исх. 2:14)?**

Сонм мужей достойных здесь так велик, что, быть может, не легко указать между ними более достойных. Но припомним, что Господь некогда сказал Моисею, позволяя ему избрать для себя помощников: **избери не только мудрых, но и праведных (Исх. 18:21. Второз. 1:15).** Свет праведности и добродетели есть такой свет, который, как бы ни скрывался в глубине скромности, утаиться не может, и вместе есть такой признак, который один может служить великим залогом усердия на общую пользу. Но известно, что сродное стремится к сродному себе. Чистая совесть избирателя, его искренняя душа скоро ощутит в себе сочувствие к тому, у кого душа правдивая и совесть непорочная. И если б житейские расчеты еще колебали избирателя подать голос в пользу этого правдивого человека; то они должны быть препобеждены силою присяги. Если от своей совести укрыться нигде не можем, то тем более от свидетеля Бога. Ибо и совесть потому сильна, что в ней слышен голос свыше; внутрь ее, ощутительнее для нашего сознания, зрит на наши чувства и движения всевидящее око Божие. Не забудем, наконец, и того, что открыл нам древний прозорливец. В ответ на вопрос: **кто станет на месте святем Божиим, он указал, между прочим, на того, кто не клялся лестию искреннему своему, не свидетельствовался Богом лицемерно и пристрастно. Сей примет благословение от Господа, и милость от Бога, Спаса своего (Псал. 23:3).** Аминь.

5. Слово пред открытием выборов на должности в дворянском сословии Курской губернии. (Второе)

Единое тело, один дух. Еф. 4:4.

Ныне здешнее благородное сословие приступает избирать лица должностные, и судить о некоторых, требующих общего голоса, предметах.

Лучшее, что может церковь пожелать сему почтенному собранию, – есть единомыслие и единогласие.

Поелику же доброе единогласие хотя всегда достожелательно, но не всегда является на опыте: то нужны к достижению его свои побуждения и свои условия.

Апостол Павел, побуждая христиан жить в единении и согласии, указывает им на то, что все они составляют одно тело, и один дух; все они суть члены одного тела церкви; все одушевлены одним духом благодати. Посему, как не должно быть распри в теле, так не терпимо разногласие между членами церкви.

Важность единодушия в тех суждениях, где требуется собрание голосов, открылась уже в первых действиях первого общества христианского. Нужно было восполнить лик апостольский. Когда верующие, избрав Иуста и Матфия, затруднились, кого предпочесть, то никто не стал подготавливать большинство голосов в пользу того, или другого, а посредством жребия и молитвы, все единодушно доверились решению Божию: Ты, Сердцеведец, покажи, кого Ты избрал. **И паде жребий на Матфия** (Деян. 1:23 и след.).

И ныне избиратели, как христиане, сим высоким именованием уже побуждаются **блюсти единение духа**. К тому же самому они призываются и своим гражданским состоянием. Дух и тело составляют существо человека: но несмотря на эту двойственность его состава, он имеет один только язык и один голос. Все мы составляем одно тело государственное; одну страну называем своим отечеством; во всех законах нашего доброго Царя, и новых его учреждений дышит один дух человеколюбия, который с высоты престола во всеуслышание нам вещает: «В единодушии наша сила». Зачем же противоборство, зачем разногласие в общественных суждениях?

Конечно, всякий в праве иметь свой личный взгляд на все; правда и то, что часто из борьбы мнений возникает истина.

Но различие взглядов и борьба мнений совсем не то, что столкновение

личных отношений и борьба страстей. Хорошо иметь свое самостоятельное суждение и жить не чужим умом. Если же самостоятельность в иных превратилась бы в упорство, свобода мнений в любопытность, открытые суждения о делах оказались бы поводом к движению затаенных пристрастий, или отвращений: какая была бы честь собранию, какая польза обществу? Если б стали возбуждаться вопросы, клонящиеся не столько к уяснению и облегчению общепользных дел, сколько к преследованию частных поступков: что было бы виднее, – искание ли правды и блага, или междоусобие личных нерасположений? Наперед рассуждать, кто не может быть избран, или громко предугадывать, на кого падет жребий избрания, не значит ли предзанимать мнения в пользу одного, и во вред другого лица? И, таким образом, в сословию, которому по духу веры, права, чести, благородства, следует быть единомышленным, не окажется ли распадение, и останется ли возможным единогласие?

Чтоб оно осталось удободостижимым, нужно всем одушевиться желанием и предпочтением общего блага. Здесь главный вопрос: кто действительно способен к должности и полезен? – Было время, когда давали человеку место сначала незначительное, чтоб им ел он кусок хлеба, а потом значительное, чтобы наживал состояние. На то и избрание по голосам, чтобы сего не было. Разделение должностей не есть милостынная дача. Но в суждения о достоинстве лиц должностных вкрадывается иногда желание избрать такого человека, который кроток до слабости, не самостоятелен до отсутствия всяких правил. Под покровом недалёковидности такого избранника могут быть проводимы не совсем чистые мысли и не безгрешные дела. Всякое послабление противно общему благу, – и должен быть избран тот, кто сам не колеблется ни **надесно**, ни **налево**, и своих подчиненных способен вести путем чести, путем строгим и прямым.

Кроме искреннего стремления к общему благу, важным условием единогласия служит незлобие. Трудно удержаться от первых порывов самолюбия, и мы не вдруг бываем готовы принять добрый совет и правдивую мысль от человека, который нам не нравится. Подобное и в выборах. Оскорбленный не желает избрать оскорбителя, питая против него нерасположение за обидное слово, или действие. Предатели отечества те военачальники, которые, в сражении против общего врага, не стали бы друг другу помогать, и по чувству взаимной вражды еще начали бы, в минуты трудные, друг другу вредить: так же точно не верны своему долгу и те избиратели, которые, по воспоминанию личных неприятностей,

решились бы подавать отрицательный голос против людей достойных, и отклонять их от общественного служения. Ибо не столько частному человеку наносится чрез это вред, сколько службе государственной. Ничего такого нельзя опасаться, когда все соединится в чувстве забвения взаимных огорчений. Как дух мстительности препятствует видеть в ближних их неотъемлемые достоинства, и в преувеличенном виде представляет их извинительные недостатки: так сердце чистое и незлопамятное легко открывает в другом совершенство, таящиеся под покровом скромности и неискренности. Примечательный был случай в один из выборов духовного предводителя городу Милану. Под влиянием страстей, открылись споры, кого выбрать. Амвросий, бывший тогда префект, для охранения порядка, вошел в храм, где происходили выборы. Вдруг одно дитя вскричало: «Амвросия в епископы». Разногласие мгновенно кончилось, и по общему от всех убеждению, он принял святительский сан. Ясно, что когда говорит беспристрастие, примолкают страсти, и вслед за этой тишиной, все голоса сливаются в одно безошибочное решение. Можно надеяться, что предстоящие выборы Господь благословит счастливым успехом, если все, в них участвующие постараются, по совету апостольскому, сохранить единство духа в союзе мира (Ефес. 4:3). Аминь.

6. Слово пред открытием выборов на должности в дворянском сословии Курской губернии. (Третье)

И виде Соломон отрока, яко муж дел есть, и постави его над бременами дому Иосифова. 3 Царств. 11:28.

С избирательным началом, которое у нас уже принято во всех сословиях, всегда соединяется не легкий вопрос: кого избирать?

В разговорах о сем предмете часто повторяют: «нам нужны люди жизни, люди дела».

Требование хорошее, тем более, что и не новое. Около трех тысяч лет назад, царь Соломон так именно старался действовать в выборе людей. Вот его опыт в этом роде. Обводил он укрепления Иерусалим. Осматривая их, заметил одного молодого человека, «яко муж дел есть», и поставил его начальником всех работ, которые были поручены целому колену Иосифову.

Но как узнавать людей дела? – Затруднение это наводит на размышление, особенно если припомним, что и сам Соломон не всегда избегал ошибок в выборе людей. Тот, о котором он был уверен, **яко муж дел есть**, был Иеровоам, изменивший ему.

По словоохотливости человека нельзя еще заключать о его деятельности и его способности. Много говорить есть недуг нынешнего молодого поколения. Древние мудрецы советовали: «прежде подумай, потом скажи». Наши юноши прежде скажут, потом подумают, или даже вовсе не думают, а смело рассуждают о том, чего почти не знают. Конечно, между такими сеятелями слов на воздух нельзя предполагать деятелей полезных. Люди дела меньше говорят, нежели сколько знают, и чего не знают, того не утверждают.

Встречаются иногда ревнители общественного порядка с основательным, по-видимому, направлением. Они сами желают, чтоб их считали самостоятельно, даже свободно мыслящими. Они во всеуслышание и с горячностью рассуждают о несовершенстве, или рановременности некоторых правительственных мероприятий, о слабом развитии нашей общественной жизни, о недостатках и ошибках должностных лиц, о бескорыстии, человеколюбии, о своем искреннем сочувствии и нашим нововведениям в гражданственности, и особенно иноземным успехам в ней. По-видимому, это суть люди дела. Но когда такие ревнители общего блага сами выступают на открытое поле ответственной деятельности: то или скоро охладевают к ней, и спешат ее

оставить, или действуют гораздо хуже тех, которых прежде сами же неумеренно осуждали.

Настоящих людей дела отличает труд и терпение в труде. Не только надобности по своему хозяйству, но и поручения от общества они исполняют неуклонно, сколько позволяют им силы; настойчиво преодолевают препятствия, и, одушевляемые сознанием долга и призвания, они работе довольно скучной жертвуют своими семейными удовольствиями и своими досугами. Так, например, ученый труженик, в тишине своего уединения, проводит дни и ночи, напряжением ума изнуряя себя, чтобы уловить последнее слово науки. Кто любит трудиться, кто не унывает, не падает под бременем утомительных занятий, о том есть повод предполагать, **яко муж дел есть.**

Неутомимость в труде не есть, впрочем, окончательный признак людей дела: нужно еще распознавать их убеждения и плоды их трудов. «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы» (Матф. 7:16)? Это сказал Христос о людях с ложным направлением деятельности. Они казались попечителями народа, хотели быть глашатаями в нем, вести его по новому пути усовершенствования, и в своем усилении были неутомимы; однако же Спаситель не советует полагаться на их кротость, предупреждая, что в их действиях под одеждой овцы скрываются опасные качества волка. Дай Бог, чтобы наше общество всегда было чисто от тех деятелей двусмысленных, в уме которых гнездятся убеждения, противные спокойствию народному и благу отечества. Не таковы люди дела: они искренни в своих убеждениях, и как мыслят, так и живут. Не только нравственны их мысли и желания, по также благородны и наружные их действия. Их правило: «чего сам не любишь, не делай другим». А сие правило утверждено и евангельским законом (Лук. 6:31. Тов. 4:15). Правота их души, неукоризненность их поведения, служат основанием их силы. Они знают, что их, как судию израильского Самуила, никто не может обличить в поступках недостойных и корыстных. А такая чистота усиливает их влияние на общество; такая самоуверенность укрепляет их в содействии добру и в борьбе со злом. Нравственный деятель своим присутствием и словом правды заставляя пред собою неправду уничтожаться, и дерзкую злобу умолкать.

Напрасно думают, что требования веры не должны входить в расчет при избрании должностных лиц. Люди дела суть люди веры; отступив от нее, они подорвали бы достоинство своей деятельности. Нравственность человека, его преданность долгу необходимо зависят от твердости его

верований. Иеровоам, как муж дел, был избран Соломоном, и Сам Бог подтвердил это избрание. Ему Бог говорил: «Если ты будешь исполнять повеления Мои, Я буду с тобою, и укреплю твой дом» (3 Царств. 11:38). Но Иеровоам, нетерпеливый в честолюбии, изменил Соломону; не твердый в вере, отступил и от истинного Бога. Когда поставил он для себя и для народа идолов, Господь изрек: «Вот Я навожу бедствия на дом Иеровоамов; истреблю в нем все, и не останется в нем ничего» (14:10). Приговор этот скоро исполнился. Может быть, не так ясен в наше время суд Божий над людьми неверующими; во всяком случае народ смотрит на них подозрительно, и догадываясь, что хотя они в истинного Бога не веруют, однако же имеют идолов, которым втайне поклоняются.

Итак трудолюбие, чистота убеждений, неукоризненность действий, уважение к вере, – вот признаки, по которым узнаются люди дела. Полагать надобно, что по сим признакам выбор лиц менее затруднителен в том почтенном сословии, которое стоит выше других по образованию и значению в государстве, и которое хорошо понимает существенные выгоды общества, требования чести и дух истинного христианства. Аминь.

7. Слово, сказанное в Кишиневском кафедральном соборе, 21 апреля 1885 года, по случаю празднования столетия со дня дарования грамоты дворянству

Вождь людей премудр в словеси своем. Сир. 9:22.

Исполнилось ныне сто лет, как царствовавшая в России Императрица Екатерина Вторая пожаловала милостивую грамоту благородному дворянству.

Важность сего события побудила российское дворянство нынешний день ознаменовать благодарным воспоминанием и молитвою.

Древний священный мудрец рассуждает: «Изделие хвалится по руке художника, а правитель народа считается мудрым по словам его». Сие значит: об искусстве художника надобно судить по качествам его произведения, а мудрость народоправителей открывается в достоинстве их речей и повелений. **Вождь людей премудр в словеси своем.**

Императрица Екатерина Вторая названа «Великою» за свое мудрое управление государством. Ее мудрость видна преимущественно в ее законоположениях, направленных к пользе и величю России. Между ними весьма важное имеет значение грамота, пожалованная дворянству. Сею грамотою Государыня «повелела, объявила, постановила и утвердила на вечные времена и непоколебимо» те основные статьи, в которых указаны права и преимущества, а вместе и высокое достоинство дворянского сословия. Таковую грамоту Императрица даровала дворянству как из уважения к заслугам древних боярских родов, так и в надежде будущей верной службы лиц сего сословия престолу и отечеству.

И действительно велики заслуги российского дворянства. Стоя впереди других сословий, оно первое являло примеры доблестей гражданских. Постигали ли бедствия нашу страну? Оно спешило их облегчить. Открывались ли нужды общественные? Оно не жалело жертв. Угрожала ли опасность от врагов, и начиналась ли война? Оно устраивало ополчения на защиту отечества и посылало сынов своих в первые ряды воинства. Наступало ли мирное время? Дворянство тотчас оказывало свое живое содействие к уврачеванию ран, нанесенных войной, а затем к развитию благосостояния общественного и к распространению народного просвещения. Посему справедливость требует сказать, что если сто лет назад была дана Всемиловнейшая грамота российскому дворянству, то она соответствовала заслугам и надеждам.

Все сие относится и к здешнему дворянству, хотя Бессарабская область присоединена к России чрез двадцать семь лет после пожалования грамоты. В самой грамоте упоминается о многочисленных победах, одержанных в Бессарабии. Ее нивы обогрены русскою кровью, пролитую для ее благосостояния и освобождения христиан от мусульманского ига; много славных дел совершили русские полководцы в сей области, а один из них и умер среди ее полей. Бессарабия кровным родством соединена с Россией и стала с нею **в плоть едину** (Еф. 5:31). Посему на здешнее дворянство простерты все те блага, которые дарованы грамотою Императрицы Екатерины Второй. В законе изображено: «Дворянство Бессарабское пользуется в России всеми правами и преимуществами, Всемилостивейше дарованными российским дворянам»¹⁷³. А что оно стоит на высоте своего достоинства, для сего довольно напомнить важность подъятых им трудов и принесенных им жертв во время последних двух войн. И в боярских родах здешнего края были лица, имена которых **живут в роды** (Сир. 44:13).

Да помогает Господь почтенному дворянству сей области продолжать свою деятельность, к чести своего благородного имени, к славе России, которой принадлежим, ко благу народа, среди которого живем. Аминь.

8. Слово в день воскресный, и на открытие выборов в должности между Курскими гражданами

Усмотрите убо, братие, мужи от вас свидетельствованы. Деян. 6:3.

По усердию здешних жителей к чудотворной святине сего храма, он, особенно в дни праздничные, бывает полон молящихся. А потому и ныне не вдруг можно догадаться, что к совершаемому нами воскресному богослужению, присоединится сейчас обряд присяги, которую хотят произнести граждане, намереваясь избирать из своей среды людей на общественные должности.

Избирательное начало так всем нам известно, так по ожидаемым от него добрым последствиям важно, и так по всем местам и сословиям распространяется, что ни для кого не бесполезен вопрос: каких людей нужно избирать?

В первом обществе христианском произошел ропот за небрежение о вдовицах. Заметив это, апостолы говорят своим собратьям: «выберите себе людей изведанных». И первым попечителем вдовиц избран был Стефан, муж полный веры и Духа Святого (Деян. 6:6).

Пример этот научает, что избирать надобно «изведанных». В чем же изведанных? В способностях и познаниях? Так; но это не главное. – Прежде всего в вере. Избираемый должен быть заведомо православный. Когда глава общества не принадлежит к церкви православной, он по разным, даже иногда непреодолимым для него побуждениям, не может удержаться от притеснений православным, и от покровительства своим единомышленникам. Таким образом, общество разделяется на две, тайно, но сильно враждующие стороны. А где вражда и разделение: можно ли там ожидать благоденствия и спокойствия?

По милости Божией, наш город православный. Но от избираемого требуется не только православие, а и честность. Конечно, явно бесчестный не может ни избирать, ни быть избранным. Не то здесь разумеется: христианское понятие о честности требует гораздо больше. Иногда, чтоб не сказать всегда, сосед соседа знает лучше, нежели как он известен начальству, или городскому многочисленному обществу. Иной по суду посторонних, – совершенно честный человек: но можно ли его назвать честным христианином, если, например, он живет и свои прибитки умножает на счет сирот, его попечению вверенных? или, если он, скрывая свое значительное состояние, чтобы больше разбогатеть, предлагает своему заимодавцу по одной меднице за каждую златницу? Пощадит ли он

и общественное достояние, когда может от него попользоваться, не опасаясь обличения? – Тот истинно честен, которого слово так же твердо, как заемное письмо; которого совесть так же чувствительна при свидетелях, как стыдлива и без них; который пред самым заманчивым соблазном говорит сам себе, словами Иосифа: «как я могу сделать дурной поступок, и согрешит пред Богом» (Быт. 39:9). – Таких честных людей и нужно узнавать и выбирать.

Но говорят: «они бывают большею частью строги и взыскательны; а ныне век такой, что требует уступчивости и снисходительности». – Век ныне такой, что ищет простора, покоя и свободы. Ужели же нужно стараться, чтобы блюстители порядка были слабы, и их поблажающая слабость, по выражению пророческому, служила возглавием, на котором будет покоиться и утучняться общественное зло (Иезек. 13:20)? Послабление пороку и разврату не должно украшаться именем и знаменем любви христианской. В ее области и царстве требуется, чтобы милость с истиной встречались, и лобызались правда и мир; чтобы снисходительность подчинялась беспристрастию, и взаимный мир сограждан утверждался на правоте суда и возмездия. Процветет ли общественный порядок, ежели его блюстители убоятся возвысить голос против дерзости, будут поблажать всякой прихоти? При начальнике слабом дурным людям хорошо; а где распорядители справедливые, там целому обществу хорошо. Судия правдивый легко может явиться и милостивым; а человек слабый не будет судиею беспристрастным. Посему избирать нужно того, кто строг сам к себе, кто держит в своем доме и семействе порядок, кто свои дела с другими ведет чисто и правдиво, кто не делает другим того, чего себе не желает.

Не легкий жребий тех, которые будут избраны; но обязанность всех – облегчать их труд своим повиновением. Не для того введено и распространяется избирательное начало, чтобы только состав лиц должностных часто менять; но для того, чтобы труд службы общественной не лежал на одних и тех же лицах пожизненно; чтобы граждане, избирая сами ближайших себе начальников, тем удобнее обращались к ним с полным и беспрекословным доверием; чтобы все подчиненные не власти наказующей боялись, но научились и привыкли уважать закон, которого орудием служит власть. **Хочешь ли не бояться власти? – Благое твори** (Римл. 13:3), и остерегайся делать худое. Тогда, при таком добром направлении граждан, и должностные лица будут принимать и понесут тягость своей службы, **с радостью, а невоздыхающе** (Евр. 13:17). Аминь.

9. Слово пред избранием лиц в общественные должности из граждан города Курска

Кийждо не своих си, но и дружных кийждо смотрите. Фил. 2:4.

Вот наставление апостольское, которым могут воспользоваться и избирающие, и избираемые в общественные должности.

Избиратель, если не о себе будет заботиться, не о своих частных видах, но и о благе ближних, о пользе общества, несомненно будет беспристрастен и правдив в выборе.

А тот, к кому близок жребий общественного служения, помня наставление апостольское, чтобы не о себе только заботиться, но и о других, но решится уклоняться от избрания, отказываться от должности.

Правда, легко избирать; но, быть может, не легко принять избрание в ту, или другую должность. При всем том было бы недостойно имени христианина и честного гражданина отказываться от доверия, какое кому захочет сделать общество беспристрастным определением голосов.

Каждому ли из нас приходило на мысль, что Сам Иисус Христос уважал гражданские учреждения и повинности, и не только уважал, но примером их исполнения научил и нас нести их безропотно? Однажды, когда Спаситель с учениками пришел в Капернаум, собиратели пошрины спросили апостола Петра: не отдаст ли пошину и Учитель ваш? Апостол отвечал: «даст», хотя ясно видел, что Христос, как Царь неба и земли, свободен от всякой пошрины, а как обнищавший нас ради человек, не имеет в личной собственности ни единого кодранта. Что же Господь? Подозвав Петра, Он объяснил ему, что не принадлежит Он к числу тех, с которых взимаются пошрины; но чтобы не соблазнить окружающих и дать добрый пример последователям Своим, повелевает Петру исполнить должное, и чудное указывает средство к исполнению: «поди на озеро, брось уду, и изо рта первой пойманной рыбы возьми статир: отдай за Меня и за себя» (Матф. 17:27).

Тоже уважение к общественным учреждениям внушают нам и апостолы Христовы. «Повинуйтесь», пишет апостол Петр, «всякому учреждению человеческому», то есть начальству, и тому, что оно для общего блага постановляет, – повинуйтесь **Господа ради** (1Петр. 2:13). «Отдавайте», – учит святой Павел, – «всякому должное, кому подать, подать, кому честь, честь» (Римл. 13:7). И еще внушает: «Каждый оставайся пред Богом в том звании, в каком кто призван» (1Кор. 7:24). Это значит: если ты призываешься к должности, прими ее и проходи ее

усердно, и не отказывайся от нее, пока она тебя не отвлекает от высшего твоего звания христианского. Так точно и поступали древние христиане: ни от каких общественных должностей, ни от каких гражданских повинностей они не отказывались, и примерным их исполнением удивляли даже язычников. Но как скоро гонители принуждали их отступить от Христа: они не дорожили должностями, пренебрегали почестями, старались вынести из пламени гонений единое сокровище, святую веру свою.

Как трудно было древним, так удобно нынешним христианам соединять служение Богу с трудами ради общества. Ныне, служа обществу, уже чрез это самое можно служить Богу; ибо, по слову апостольскому, кто о присных не печется, тот **веры отвергается** (1Тим. 5:8): следовательно, тот истинно верующий и человек богоугодный, кто о них печется. Для сего апостол и напоминает нам: **благотворения ближним и общения во взаимных услугах не забывайте; таковыми бо жертвами благоугождается Бог** (Евр. 13:16). Итак, когда бедный собрат ваш по вере просит вашей помощи, вы помогаете ему ради Христа; когда согражданин ваш требует услуги, вы, зная его честность, его значение в городе, стараетесь исполнить, что можете. Но не будет ли предосудительно уклоняться от служения общественного, когда кто призывается к сему доверием многих почтенных сограждан, связанных между собою единством веры и отчизны?

Иной опасается, как бы ему не расстроить свое состояние, ежели примет на себя общественную должность. Неудивительно такое опасение; но не потому, чтоб оно было основательно, а потому, что человек от испорченной природы самолюбив и своекорыстен. Если каждый станет предпочитать свои нужды общественным: то много найдется предлогов к уклонению от тягостей общественных. Тогда может случиться тоже, что изображено в Христовой притче о званых на вечерю (Лук. 14:16 и след.), и начнут **вкупе отрицатися вси**. Один скажет обществу: **я землю приобрел и имею нужду видеть ее; имей мя отречена**. Другой купит стада волов, и будет указывать на частый повод к отлучкам из города для их испытания. Третий кратко извинится: **жену поях, и сего ради не могу идти на общественную службу**. Если б по таким побуждениям и вообще по своим частным расчетам все стали уклоняться от общественных должностей, то общество и существовать бы не могло; ибо основанием его служит обмен взаимных услуг и вспомоществование друг другу. Ни чьи дела не могут процветать, если дела общественные придут в расстройство. Падают торговые дома не от тягости общественных требований, а от

роскоши, своекорыстия, вероломства, от нетвердости торговых союзов, от неискусного ведения своих дел. Положим даже, что свобода от должностей содействует обогащению; но не должно забывать слова мудрого, что одно то **богатство есть добро, в нем же несть греха** (Сир. 13:30). А грешит продающий не тогда только, когда обманывает покупателя; но и тогда, когда он ничем не жертвует обществу, когда отрекается послужить ему. Моисей был боговидец и верный раб в дому Божиим. Однако же читаем, что **разгневался яростию Господь на Моисея** (Исх. 4:14), как скоро он дерзнул отрицаться от служения на пользу своим соотечественникам. Притом и отрицался он не по делам своим домашним, не по пристрастию к богатству, какое мог стяжать бы он при дворе Египетского царя, но по своему глубокому смирению, по которому просил Господа избрать человека, для предводительства Евреями, более способного и сильного.

Да одушевится же каждый примером Моисея и других мужей богоугодных в готовности служить на пользу общества. Он всю жизнь свою посвящал народу своему; а ныне для общественной службы требуется от иного, быть может, не более трех лет. Он предпочел удовольствиям двора страдания с людьми Божиими; а ныне всякому открыты источники благоденствия, и служба общественная открывает множество случаев к тому, чтобы из дел милосердия и человеколюбия извлекать чистейшие утешения для души своей. **Тебе оставлен есть нищий, и сиру ты буди помощник** (Пс. 9:35). И если кто не будет отказываться, но приложит старания действительно быть таким, тот несомненно сподобится, в числе прочих помилованных и призываемых к блаженству, услышать вождеденный глас Всемирного Судии: что вы делали для братьев Моих меньших, **Мне сотвористе** (Матф. 25:40). Аминь.

10. Слово при открытии земских учреждений в Курской губернии, 26-го августа 1865 года

Человек некий посади виноград, и вваде его делателем. Лук. 20:9.

Так начинается одна евангельская притча, основная мысль которой та, что Господь Бог, возлюбив народ Израильский, оградил его законом, как оплотом, обнимавшим его нужды духовные и житейские, и свои учреждения вверил делателям, которые избираемы были самим народом, по племенам. Но старейшины, а за ними и народ, не остались верны Богу, – и царство Божие на земле отдано делателям иным.

Начальные слова этой притчи и некоторые черты можно приложить к нашему гражданскому состоянию. Над нами свыше поставлен человек **домовитый**, для которого нужды любезного Ему народа служат постоянным предметом попечений Его сердца, так что каждый год Его царствования приносит новые опоры нашему благоденствию, и ныне, с торжественным воспоминанием Его венчания на царство, соединилось дело окончательного введения в нашей области земских учреждений.

Что испрошен сей день для такого дела, – это служит выражением благодарности к Царю, и сочувствия к Его новому начинанию. Но что свои учреждения вверяет Он делателям, а делателей избрать предоставляет своим верноподданным, – это должно нас повести к немаловажным размышлениям.

Земство есть сосредоточение и обнаружение народной мысли, силы и богатства, направляемое к удовлетворению существенных нужд жизни народной, к процветанию государственного хозяйства. Все приведется в известность, – что производит земля, и что на ней умножают труд и промышленность, – и таким образом определятся размеры сил и средств народных. Далее будет принято в рассуждение: какие имеет нужды, и каких желает полезных улучшений население каждой местности. К такому заведыванию государственным хозяйством призвал Государь своих верноподданных, и следствием сего учреждения ожидается общий покой, общее довольство.

Возьмем в пример повинность общественных сборов. Она так важна, что Сам Спаситель, живший на земле без всяких приобретений, не имевший, где главу подклонить, не только учил отдавать кесарево кесарю (Матф. 22:21), но и показал опыт своего повиновения денежному сбору (17:27). Тем более повинность подобного рода должен исполнять тот, кто владеет каким-либо приобретением, или родовым достоянием. Земские же

учреждения будут способствовать, чтобы эта повинность была удовлетворяема не принудительно, а уравнительно и сознательно. Отныне каждый будет знать не только то, что должен дать, но и почему; не только то, куда налог внести, но и то, куда будет он употреблен.

Но как нельзя, чтобы все говорили вдруг: так неудобно, чтобы все члены населений непосредственно и лично заведовали земскими делами. Явилась нужда в лицах доверенных, выборных, которых избрать Государь указал самим общинам.

Не трудно приметить, как важно значение этих выборных людей. Отец, раздавая детям деньги, смотрит, какое из них сделают они употребление. Отец нашего отечества, предоставив подданным участие в заведывании государственным хозяйством, увидит, как они поймут это доверие, и свое насаждение отдавая выборным делателям, потребует от них нескучного и доброго плода.

Когда Моисей, для подъятия тяжести общественных должностей, предложил Израильтянам избрать мужей мудрых, разумных и испытанных: сыны Израильские в ответ ему сказали: «хорошее дело велишь ты сделать» (Втор. 1:13–14). Тоже самое хорошее дело повелевает ныне делать наш Боговенчаный Царь и Законодатель своим верным подданным.

Скажут: где взять столько людей мудрых и образованных, чтобы их достало для всех земских должностей? – В предупреждение сего вопроса Моисей присовокупил: и «испытанных». Люди мудрые не часты; но честным обязан быть всякий, хотя и не всякий бывает. Даже не надежна образованность человека, если не испытана его честность. Напротив, почтенна опытность простолюдина, приобретенная потом и добросовестным трудом. Ее шероховатую оболочку может сгладить образованность других членов собрания: ибо, по слову мудрого, **спасение**, то есть благосостояние, **во мнозе совете** (Притч. 11:14). Итак, все и повсюду избиратели, не только по долгу присяги, но и по требованию общественной пользы, призываются избирать таких для земства деятелей, честность которых более испытана и известна. Ибо все мы, конечно, желаем, чтобы сооружение и исправление общественных зданий ни для кого и никогда не делалось источником преступного обогащения; чтобы мосты не казались только крепкими, а выдерживали перевозимые по ним тяжести; чтобы житницы народного продовольствия всегда наполнены были хлебом действительным и чистым, а не воображаемым, или гнилым; чтобы в больницах врачевались больные охотно, а не напрягали последних сил, как бы избавиться оттуда.

Бог же мира и порядка да вразумит так и избирателей, и тех кого
изберут они для земского дела, чтобы на опыте стала ясна для всех нас
польза сего нового и важного учреждения. Аминь.

11. Речь при открытии Курского окружного суда, 20 ноября 1867 года

В сем здании, обновленном для цели, которая сейчас объявлена, после принесенной нами молитвы, да возвысится голос церкви, приветствующей новое здесь судебное учреждение.

Древнейший, не только церковный, но и гражданский законодатель, Моисей, учреждая суды и судей в народе еврейском, дал им такое предостережение: **да не познаете лица в суде** (Второз. 1:17).

Знакомые с новым судоустройством скажут: как не знать лица здесь, когда будут являться сюда сами и обиженные, и ответу подлежащие, когда обвиняемый будет обращен лицом к своему обвинению и предметам обличающим, к своему обвинителю и защитнику, к судиям и решителям его дела и его судьбы?

Важный недостаток прежнего судопроизводства оказывался в том, что хотя и первое, но не всегда прямое обращено было внимание на личные особенности судящихся и судимых. Прежде других имелись в виду вопросы: какие лица тяжутся и привлечены к делу? Богаты ли, или бедны? С связями, или без покровительства? На ступенях ли почестей, или без всяких отличий? – Нет надобности объяснять, какой отсюда происходил вред; но отдадим дань признательности тем судиям, которые и в прежнее время таким двусмысленным способом не познавали лиц в суде.

В настоящем же судоустройстве приняты решительные меры к предотвращению сего. Ныне главное – не преимущество личное, а дело. Вниманию присутствующих будет предлагаться спор, событие, деяние с его существенными подробностями. Если тут же будет подсудимый, то отнюдь не для того, чтоб он мог дать направление суждениям к ущербу правды. Он приглашается видеть и слышать, что ему вменяется не более того, в чем он действительно виновен, и воспользоваться, если угодно, законными средствами оправдания. Но как скоро эти средства окажутся слабыми против ясности улики: то никакие преимущества подсудимого, ни свежая молодость, ни красивая наружность, ни его неистощимое богатство, ни прежний блеск его знатности, не помогут ему освободиться от ответственности, истекающей из существа дела и неотразимой силы закона. Один вопрос неизбежный: виновен, или невиновен? Один ответ нелицеприятный: да, или: нет. За тем приговор, карающий, или освобождающий. А сего именно и требовал священный законодатель от судей: «не различайте лиц в суде; как малого, так и великого»

выслушивайте; не бойтесь лица человеческого: ибо это суд Божий».

Для не привыкших к такому судоустройству может показаться в нем оттенок суровости, забывающей святое изречение: **хвалится милость на суде (Иак. 2:13)**. – Но если спросить, за что чаще подвергалось упрекам прежде правосудие: то утвердительно можно сказать, что за поблажку виновным и обижающим. Милость судей не может служить к раскрытию правды в суде; а правда может сообщить милости высшее значение. Только при беспристрастном и строгом рассмотрении дела имеют подлинную цену смягчающие обстоятельства. Народ наш жаждал не поблажки виновным, не покровительства недобрым, а справедливости ко всем. Здесь-то сретаются **милость и истина (Псал. 34:11)**: ибо законы наши, требуя строгой справедливости, проникнуты вместе и духом евангельской любви.

Вознесем же Богу наши благие желания о Царе нашем, который во всех подданных хочет утвердить уважение к закону и вводит новые суды. Да дарует Господь Ему, при благоденствии царственного Его дома, в течение многих лет видеть плоды своих бессмертных начинаний и законодательных трудов.

12. Речь при освящении нового здания Кишиневского окружного суда, 20-го декабря 1887 года

ПРАВДА В СУДАХ

Это здание, по внешнему виду, скорее можно назвать храмом, нежели домом. Оно и действительно есть храм, а не простой дом, – храм правосудия.

Бесспорно, устройство сего здания удовлетворяет важности его назначения; и кто из нас не пожелает, чтобы и служение правосудию в этом храме вполне соответствовало своей цели, чтобы здесь всегда господствовала правда, согласно желанию наших законодателей: «Правда да царствует в судах»?

Нет правосудия без правды; ложь не должна лежать в основании судебных действий. Божественный законодатель изрек: **не сотворите неправды на суде (Лев. 19:15)**, – в чем бы она ни заключалась, в изложении ли и оценке дела, или в решении его. **Сотворите суд и правду (Иер. 22:3)**. Так Господь, заповедуя суд, напоминает и о правде. Она поставлена быть неотлучною спутницею суда.

Но всегда ли правда являлась в наших судах? Не бывали ли случаи, когда на судопроизводстве черное признавалось белым и бывшее как бы небывшим? Мало ли освобождено намеренных, избличенных и сознавшихся убийц, которых в судебной хранине объявляли невинными; и милосердие таких освободителей не превзошло ли меру того обычая, по которому у Иудеев одного только в год отпускали преступника, и в силу которого получил свободу разбойник Варавва?

Если бы ненаказуемость преступников вызывалась единственно человеколюбием, то и сие высокое побуждение не сделает извинительною судебной неправды. Похвальна **милость на суде (Иак. 2:13)**, но тогда, когда она **сретається с истиною (Псал. 84:11)** и не противодействует целям правосудия, существенная черта которого – точное соответствие закону, даже и строгому. Не надобно забывать, что на суде милость нужна преступникам, а правда всем.

Сего требует самое чувство правды, в нас врожденное. Хотя бы кто и не был на суде, но когда слышит о несогласном с истиною решении какого-либо дела, его душа возмущается невольно, недоумевает, где же правосудие, и, возлетая мыслью к своему бессмертию, успокаивается в вере, в чаянии **нова небесе и новы земли, в нихже правда живет (2Петр. 3:18)** и не будет жить неправда.

А между тем, доколе человек остается на этой многомятежной земле, чем он может защищать свою честь, собственность, свои права? – Придет обиженный к дверям сего здания; если и ничего не скажет языком, то в его слезном взоре, на его грустном лице ясно будет выражаться, таящаяся в сердце, мольба: **Отверзите мне врата правды** (Псал. 117:9).

Недостаток правды в суде усиливает порчу нравов в обществе. Если закон не отмщает за обиженных: кто отмстит? – Рука сильного или самоуправство? Если судящие по совести уверяют потерявшего совесть и взятого с украденными вещами татя, что он невиновен, как будто он и не крал; то эту неправдою не поощряют ли его к повторению преступлений, не вкореняют ли глубже в его испорченном сердце убеждение, что **вода татьбы сладка** (Притч. 9:17)? После сего каждая не крепкая в добре душа подумает: ежели большие преступления не вменяются в вину, то мои увлечения и Бог простит.

Во мнозе правде крепость многа (Притч. 15:5). Ею возвышается достоинство судебных решений; она поддерживает в обществе уважение к судопроизводству. Итак, правда да царствует в судах; да пребудет и это здание навсегда верным храмом правосудия.

Ревнителю же и покровителю правды, Благочестивому Государю нашему пожелаем долголетия и во всем благого поспешения.

**Отделение дополнительное¹⁷⁴. Слова,
подлежащие присоединению к предыдущим
отделениям**

К I ОТДЕЛЕНИЮ

1. Слово в день Сретения Господня. (Первое)

О ЖЕНСКОМ ПРАЗДНОСЛОВИИ ВО ХРАМЕ

И та в той час приставши, исповедашеся Господеви, и глаголаше о Нем всем, чающим избавления во Иерусалиме. Лук. 2:38.

Когда Иисуса Христа, в сороковой день по рождестве, принесла во храм Пречистая Его Мать, сопровождаемая Иосифом, и там исполнено было то, чего требовал закон: Анна, дочь Фануилова, подошедши к святому семейству, стала говорить всем присутствовавшим об этом младенце.

Она говорила в храме. Пример ее не дает ли и ныне женщинам право говорить в церкви?

Чтобы судить о поступке праведной Анны, надобно припомнить и некоторые подробности сретения Господня. Женщины еврейские, как скоро рождали, до сорокового дня почитались нечистыми, а в этот день являлись в храм, чтобы дать жертву о своем очищении. Храм иерусалимский был очень обширен. Там вдали от святилища, позади помещения для священников и отделения для мужчин, был так называемый **двор жен**. Божия Мать, нескверная и нетленная, не возгнушалась «акибы нечиста, на месте нечистых жен пред дверьми храма Господня стати»¹⁷⁵. И хотя есть предание, что первосвященник перевел Ее, как Приснодеву, туда, где стояли девицы; но и затем среди народа Она могла остаться не для всех приметною. Каждый делал свое дело: жрецы жертвы закалали, левиты омывали, первосвященник благословлял; жены, требовавшие очищения, приходили и удалялись, исполнивши все по закону Господню. Тогда старец Симеон, по внушению Духа Божия, приняв на свои руки младенца Иисуса, обратил к Нему свою предсмертную молитву, и предсказал, что Он предлежит на спасение верным и на падение неверующим. Тогда и Анна подошла к святому семейству. Она, после семилетнего супружества до глубокой старости не отходивши от церкви, конечно, знала Деву Марию, которая при той же церкви воспиталась. По вдохновению свыше уразумевши, какого младенца принесла в храм Приснодева, Анна стала окружавшим объяснять, что это дитя есть тот самый Спаситель, которого они ожидали. За свои вдохновенные речи о Нем она и названа **пророчицею**.

Что же общего между сею боговдохновенною женою и теми женщинами, которые позволяют себе в церкви говорить? – Та поведала о Спасителе не знавшим Его; а они разве о спасении души речь ведут? Та не

во время общественного богослужения говорила окружающим; а они отвлекают от него внимание предстоящих. Та вдали от святилища беседовала; а они не всегда стараются обуздать уста свои и при подножии алтаря Господня.

Если бы такие церковные собеседницы были вообще не уважительны к святой нашей вере; то можно бы им указать на наш закон гражданский, который требует в церквях «во время совершения службы никаких разговоров не чинить», и нарушителям сего предостережения угрожает взысканием¹⁷⁶. Но обыкновенно забывающие это священное приличие, показывают вид благочестия, молясь с наружным усердием. Посему надобно им знать, что им внушает закон церковный.

Апостол Павел заповедал христианам: **жены ваши в церквях да молчат (1Кор. 14:34)**. Собственно сими словами воспрещается женщинам быть церковными проповедницами. Но если им не предоставлено даже и для назидания беседовать в храме; можно ли думать, что они здесь имеют право празднословия? **Аще ли, продолжает Апостол, чесому научитися хотят, в дому своих мужей да вопрошают** (ст. 35). «Им, изъясняет святой Златоуст, не позволено в церкви не только говорить открыто, но и спрашивать о чем-нибудь. Если же не должно спрашивать, то тем более не позволительно говорить напрасно. Почему же Апостол поставил их в таком подчинении? Потому, что женщина есть существо слабейшее. Ей надлежит быть до того молчаливою, что она не должна говорить в церкви не только о житейских, но и о духовных предметах. В этом состоит для нее приличие, в этом ее стыдливость»¹⁷⁷. На основании заповеди апостольской, и шестой вселенский собор правилом семидесятым за непозволительное признал «женам во время божественные литургии глаголати».

Впрочем отсюда отнюдь не следует, что мужчинам позволительно разговаривать в церкви. Напротив, в них предполагается больше сдержанности, и следственно менее простительно им то неприличие, за которое закон и слабых женщин осуждает. Апостол, советуя женам дома обращаться к мужьям с вопросами о том, чего не поняли в церкви, сим советом возлагает на мужчин ту важную обязанность, чтобы сами они были внимательны к действиям богослужебным, чтобы усвоили себе смысл чтения и пения церковного, и чрез истолкование непонятого способствовали духовному просвещению своих семейств. «Если женщинам не позволено в церкви говорить о предметах необходимых и душеполезных; то это побуждает их быть более скромными, а мужчин более внимательными, так как они обязаны слышанное в церкви передать

женам по их вопросам»¹⁷⁸.

Возглашаются при Богослужении возвания: «Вонмем», «Горе имеим сердца». Эти и подобные возгласы служат напоминанием, чтобы предстоящие в церкви хранили полное самообладание, не позволяли своим мыслям рассеиваться, воображению мечтать. Кто употребляет усилие и привык держать внимание на предметах богослужения во все продолжение его, тому не трудно обуздывать тогда и свой язык. Притом должно заметить, что соблазнительные помышления, скрываясь в душе, вредят только ей, а неуместные и нескромные слова производят соблазн для молящихся и нарушают стройность священнодействия. Не для взаимных бесед сходимся сюда. Храм есть небо на земле. «Священнослужение хотя на земле совершается, но по чиноположению небесному»¹⁷⁹. Посему верующие обязаны вести себя в церкви, как бы восхищены были на небо. В сем месте, небеси подобном, «да молчит всякая плоть человека». Ибо, как сказал один святой отец, «разговор есть орудие этого грешного мира, а молчание есть тайна будущего века»¹⁸⁰. Аминь.

2. Слово в день Сретения Господня. (Второе)

ОДНИ ЛИ БОГАТЫЕ ДОЛЖНЫ БЛАГОТВОРИТЬ?

И еже дати жертву по реченному в законе Господни, два горличища или два птенца голубина. Лук. 2:24

На иконе сретения Господня, близ Девы Марии изображается Иосиф, ее обрученник, держащий в клетке пару птичек. Закон Господень требовал, чтобы женщина, в сороковой день по рождении младенца, приносила жертву, однолетнего агнца и вместе с ним голубя или горлицу, а в случае бедности дозволялось приносить двух горлиц, или двух голубей. Божия Матерь принесла жертву, дозволенную бедным. Ужели же Иосиф не мог купить агнца?

Ремесло его плотничное дает понятие о его бедности, по причине которой он не мог в Вифлееме найти помещение в гостинице. Есть предание, что он привел туда с собою вола и осла. Это последнее животное, быть может, послужило Пречистой Деве на пути из Назарета в Вифлеем, и потом в Египет; а вола он продал, для уплаты царской дани и на прожитие в Вифлееме во время переписи¹⁸¹.

Но вот обстоятельство, которое, по-видимому, выводило из нужды святое семейство. В церкви нашей принято мнение, что восточные мудрецы приходили в Вифлеем, прежде сретения Господня в храме. Вошедши в храмину, они представили Христу золото, и ливан, и смирну. Хотя нельзя думать, чтобы много было тут золота (ибо не для обогащения Христа они принесли Ему дары, а в знак веры в Него, как Бога, царя и человека); но и малое количество дорогих веществ могло сделать большую помощь бедному семейству. Ужели же у Иосифа не осталось настолько, чтобы он мог купить однолетнего агнца?

Евангелие не указывает, куда употреблены дары, принесенные Христу; но очевидно они не составили долговременного обеспечения для святого семейства. Святитель Димитрий Ростовский утверждает, что, употребивши часть этих драгоценностей на свои нужды, Дева Мария все остальное раздала таким же бедным, как Сама¹⁸².

Вот пример, внушительный для всех. Обыкновенно думают, что долг благотворительности лежит на богатых. Бедный бедному что может дать? Не обязан ли даже он сберегать свое достояние на черный день?

Нет, благотворительность есть общая всех обязанность. В ветхом завете для Божия храма установлена была малоценная жертва, чтобы она ни для кого не была разорительна, чтоб всякий израильтянин, легко

исполнив долг священный, мог свои доходы употреблять на домашние нужды и на вспоможение соотечественникам. А в христианстве и совсем нет церковного налога. Каждый по своему усердию располагает в церковь жертвовать, и затем каждый обязуется ближним помогать. Когда к Иоанну Крестителю приходил простой народ, и спрашивал: «Что нам делать», он советовал: «У кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай тоже» (Лук. 3:10–11). Всякий обязан помогать ближнему, кто чем может и при самых малых средствах. Иисус Христос сказал, что не погубит мзды своей, кто подаст жаждущему чашу студеной воды (Матф. 10:42). Так для всех удобны дела милосердия. Он обещал спасение Закхею, который половину имения определил раздать нищим, но поставил всем в пример и милосердного самарянина, который был небогат и немного издержал, чтобы помочь израненному разбойниками (Лук. 10:30). Отпустил Христос грехи женщине, которая дорогим миром помазала ноги Его; но похвалил и вдову, которая только две лепты положила в церковную кружку. Ясно, что богатство не есть единственное средство благотворительности, что дела милости и благочестия всякому доступны. Их достоинство оценивается на суде Божиим не количеством приносимого, но усердием приносящего. Каждый приглашается благотворить по собственному расположению сердечному, а не по чьему-либо принуждению (2Кор. 9:7).

«Нельзя же, говорят, оставить заботу о семействе, и не сберечь что для себя». – Правда, заботиться о семействе есть священная обязанность семьянина, и по суду апостольскому, кто о домашних своих не печется, тот хуже неверного (1Тим. 5:8). Но как иногда бывают странные суждения в обществе! Если бы отец семейства проиграл свое состояние в большую игру, или расточил свое имение, предавшись распутству, об нем пожалели бы, что он так глубоко увлекся, и еще прибавили бы, что хоть семейство привел в нищету, зато пожил в свое удовольствие. Но, если б он начал делать в церковь богатые вклады, и раздавать бедным свое имущество, о нем будут спрашивать, не повредился ли он умом. Или еще: ремесленник утром воскресного дня выходит слабыми ногами из какого-нибудь вертепа нетрезвости; в этом народ не видит ничего удивительного: целую неделю с утра до ночи человек трудился, вот и позволил себе небольшой отдых и дешевую отраду. А если он станет часто в церковь или нищим подавать, его собратья скажут: «где он деньги берет? поберег бы лучше для своей семьи». Между тем, когда бы кто был милостив и свыше своего достатка, не будет забыт Богом. Во время голода пророк Илия попросил кусок хлеба у вдовы Сарептской; не смотря на то, что у нее с сыном только и

оставалась горсть муки и немного масла, она ему не отказала. И что же? Ни мука в посудине не истратилась, ни масло в сосуде не уменьшилось, пока прошел голод. Конечно это чудо. Но если Господь чудесами спасал милостивых от голода, разве не может Он и естественным путем избавлять их от нужд и бедствий? Товит был богат, и подавал милостыню; сделался беден, и не переставал подавать ее; зато и опять стал богат. Жил один старец, который был ревнитель нищеты, но отличался и благодатью милостынераздаяния. Подходит нищий, и просит. Тот хотел разделить с ним свой последний кусок. Но нищий, видно, был не беден; от хлеба отказался, а стал просить одежду. Старец повел его в свою комнату, и когда нищий увидел, что в ней нет ничего, достал свой мешочек, высыпал из него все деньги, и сказал: «Добрый старец! Возьми это; мне подадут в другом месте»¹⁸³. Быть может, трудно ныне указать нищего, который бы стал делить свои пожитки с подобными себе; но не надежна и та бережливость, которая неприметно делает людей скупыми. Премудрый Соломон советует: «Если рука твоя в силе помочь нуждающемуся; не говори ему: я завтра дам. Ибо неизвестно, что породит грядущий день» (Притч. 3:27–28). Бывают люди, которые себе отказывают в необходимом, томят своих домашних в холоде и недостатке; но случись пожар, наводнение, удачная кража, и все собранное исчезло навсегда. Иные притворяются бедными, нищенствуют, а что собирают, от всех скрывают, сберегая это будто бы на «черный день», и доживают до того, что их черным днем является печальный день их смерти, после которой всякое житейское стяжание бесполезно для души.

Будем же все мы помнить и исполнять наставление, которое дал Товит сыну своему: «Не отвращай своего лица от нищего, и не отвратится от тебя лице Божие. Когда у тебя будет много, твори из того милостыню; и когда у тебя будет мало, не бойся творить милостыню и понемногу» (Тов. 4:7–8). Аминь.

3. Слово в субботу мясопустную и в день Сретения Господня (1874 года). (Третье)

О ВРЕМЕНИ ПОМИНОВАНИЯ

Ныне отпускаеши раба Твоею, Владыко. Лук. 2:29.

Настоящий день недели есть суббота мясопустная, в которую по уставу церковному следовало бы совершать поминовение усопших; но по случаю праздника Сретения Господня оно перенесено было на один из предшествовавших дней. Почему же служба заупокойная не могла быть совмещена с праздничною?

В обстоятельствах сретения Господня даже есть напоминание нам о смерти и приготовлении к ней. Ибо какое отпущение просил и получил праведный Симеон? В одном церковном песнопении так излагается его молитва: «Ныне отпусти мя, Спасе, от привременного живота к нестареющемуся покою»¹⁸⁴. И, как сохранилось в предании, – «по восприятии Господни, успе»¹⁸⁵.

Закон церковный в некоторые дни года совсем отменяет поминовение усопших. В номоканоне, или законоправильнике перечислены эти исключительные времена, и между прочим сказано: «в недельные дни и в великие праздники помины не бывают»¹⁸⁶.

К изъяснению сего церковного правила могут быть приняты слова Соломона: **Время всякой вещи под небесем; время плакати и время ликовати** (Еккл. 3:1,4). Как Сам Господь всему определил быть преемственно в свое время; так посему и святые отцы наблюдали, чтобы в одном и том же богослужении, без особенно важных и неизбежных причин, не было смешения и радости и печали, и уставили, чтобы службы праздничные выразительное имели различие от заупокойных. В праздники пение и по содержанию, и по своему напеву веселое и торжественное, одежды на священнослужителях светлые, земные поклоны по уставу не требуются; в дни заупокойные и постные пение унылое, священное одеяние темное или совсем черное, поклоны земные и коленопреклонения.

Почему же сии и подобные выражения скорби признаны несоответственными богослужению праздничному, на то причины весьма важные. Все наши великие праздники имеют неразрывную связь с торжеством воскресения Христова. Апостол говорит: «Если Христос не воскрес, тщетна и вера наша» (1Кор. 15:14). Если бы Христос не воскрес, не было бы основания праздновать ни рождества Его, ни крещения, на сретения. Во все великие праздники Он прославляется, как разрушитель

смерти и ада, и началовождь нашего спасения. Чем торжественнее «смерти празднуем умерщвление», тем менее уместно плачевное поминовение умерших. О сем один церковный писатель¹⁸⁷ так рассуждает:

«В господские праздники не благочестно поминать умерших. Ибо когда торжествуется царская победа, тогда нет обычая плакать о падших на брани. Истинно и праведно к торжеству рабов присоединить доблесть Владыки, награждающего победителей за подвиги». И в день сретения Господня воспоминается старец Симеон, не как жертва смерти, а как один из участников победы Спасителя над нею, «проповедующий людем, Владыку сего быти живота и смерти»¹⁸⁸. Некогда патриарх Иаков в печальном виде представлял себе кончину свою, и сказал: **Сниду к сыну моему, сетуя, во ад (Быт. 37:35)**. А праведный Симеон охотно и радостно разлучался с жизнью; потому что и для него и для всех ветхозаветных праведников пришло время избавления от уз ада и ужасов смерти. Держа в своих объятиях ее победителя, он в уповании и восторге вопиял: «Отпускаеши мя ко оному блаженству; видех бо Тя, животом господствующа и смертью владычествующа»¹⁸⁹.

По сему соображению отменяется и ныне, и в другие праздники печальное поминовение усопших, и хотя не прекращается никогда моление за них при таинственном жертвоприношении, но во всеуслышание произносится только на ектении краткое прошение «о всех прежде почивших». Есть благочестивое верование, что в великие праздники бывает душам отшедшим особенная отрада. Сие верование яснее выражается во дни святой недели, когда плачевный чин погребения умерших заменяется песнопением пасхальным, в котором к празднованию приглашается мир «видимый же весь и невидимый», и даже «преисподняя». Не напрасное же это приглашение, как показали угольники печерские, мощи которых однажды в день Пасхи на приветствие кадившего священнослужителя – «Христос воскресе», громогласно отвечали: «Воистину воскресе»¹⁹⁰. Не излишне припомнить, что и в праздник Пятидесятницы выражается в молитве церкви надежда «держимым во аде утешению от Господа ниспослатися»¹⁹¹.

Впрочем, это утешение во дни великих праздников не на все души простирается, и не в одинаковой степени на каждую. Главное зависит от нас самих, как кто свою жизнь располагает и в чем праздники проводит. Для того нам и даны будничные дни, что бы нам исправлять свои нужды и дела; а дни праздничные, освобождаясь от суеты домашней и житейской, мы преимущественно должны употреблять на то, что полезно для души и

для будущей жизни нашей. В Риме жил добрый ремесленник. О нем в предании сохранилось такое видение: «В прекрасном и благоуханном месте, как обыкновенно мы воображаем рай, строились различные жилища, а одно как будто из золотых кирпичей. Там строился дом и для этого ремесленника. Но примечательно было то, что строители его дома являлись только по субботам. Какая же была тому причина? Та, что этот добрый человек имел обычай относить в субботний день в церковь апостола Петра и раздавать нищим то, что из выработанного в прочие дни оставалось от пищи и одежды». – Такое видение могло бы показаться сомнительным; но все это рассказывает и утверждает святой Григорий Двоеслов¹⁹², который сам знал того ремесленника, и рассказанное вполне согласно с богодухновенным откровением, где образно представлено, что земные дела душ отшедших **в загробную жизнь идут** (Апок. 14:13).

Итак, добрыми делами постараемся приготовить себе утешение в будущей жизни, и только чистая совесть дает умирающему дерзновение воззвать к Спасителю: **Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, с миром. Аминь.**

4. Слово в неделю ваий

ВАИИ

Прияша ваиа от финик, и изыдоша в сретение Ему. Иоан. 12:13.

Это сказано о народе, который с финиковыми ваиями вышел на встречу Спасителя, когда Он торжественно входил в Иерусалим. На всенощном бдении в нынешний праздник и мы держали также ветви.

Что же наше предстояние с ветвями означает, и к чему нас обязывает?

По древнему на востоке обычаю, с пальмовыми ветвями встречали победителей. Христу принадлежала эта почесть, как победителю смерти; а победил Он ее крестом и воскресением Своим. Хотя «людие, сидящи во тме и сени смертной», не предвидели сего; но по устройению Промысла, в исполнение ветхозаветных пророчеств, «приемше воскресения знамения, ветви древес и ваиа финик, воскресения знаменующе, сretoша»¹⁹³. Христа, и Ему, победителю смерти, восклицали: **осанна**, то есть, спасение чрез сына Давидова.

Согласно с сим изъяснением, наши праздничные ваии служат выражением нашей веры во Христа, как победителя смерти, а посему и предзнаменованием нашего будущего воскресения. Ветви, которые у нас были в руках, не сухие, но свежие и живые, снятые с таких деревьев, которые прежде других оживают при наступлении весны. Оживление растений после зимнего мертвящего холода есть верный залог воскресения наших телес, силою воскресшего Жизнодавца.

Однако ветви, которые мы в нынешний праздник брали в руки, скоро засохнут. Надобно помнить, от чего зависела их свежесть. Каждая ветвь живет тою силою, какую извлекает из корня; с ним соединенная, она одевается листьями, украшается плодами; оторванная от него, засыхает. Это всем известное явление в растительной природе есть образ нашей души и ее жизни. Корень нашей жизни духовной есть вера во Христа. Он нам объявил: «Я есмь лоза виноградная, а вы – ветви. Кто пребывает во Мне, тот много приносит плода; а кто не пребудет во Мне, тот засохнет, как ветвь» (Иоан. 15:1,5,6). Души, на сем присно живом основании утвержденные, украшаются листьями свежих и здравых мыслей, плодами благих дел; а отторгшиися от корня живой веры подобны тем ветвям и цветам, которые содержатся в наполненных водою сосудах, и которых ароматная свежесть, час от часу ослабевая, скоро совсем уничтожается.

Итак, если вера побудила нас держать в руках ветви, то покажем и в жизни духовные плоды. Воздерживаясь постом от некоторых брашен, не

будем воздержны в благотворении ближним. Ища и получая в исповеди прощение грехов себе, да не злопамятствуем против наносящих нам обиды. Стесненные, кто нуждами, кто неудачами и неприятностями, потерпим все, помышляя о том, что в сии дни совершалось в Гефсимании, в Иерусалиме, на Голгофе.

К сожалению, не смотря на удары несчастий, многие продолжают увлекаться желанием, чтобы жизнь цвела счастьем, хотя бы со грехом. Такие люди или не веруют, или забывают, что всем без исключения, и верующим и неверующим, предлежит сретить Господа. Приходил Он, как царь кроткий и спасающий; придет некогда, как судия карающий. С чем Его встретить, это Он объяснил Сам в притче о страшном суде, указав, с запасом каких дел предстанут Ему праведники. Сохраним же ветви нашей духовной жизни всегда зеленеющими и плодоносящими. «Дорожи добродетелью, и не заботься о счастии», – советует один святой отец¹⁹⁴. «Счастье скоро исчезает; а добродетель есть бессмертное сокровище». Аминь.

5. Слово в великий пяток. (Первое)

СТРАДАНИЯ ХРИСТОВЫ И СТРАДАНИЯ ХРИСТИАНИНА

Подобаше бо Ему, егоже ради всяческая, и Имже всяческая, приведшу Многи сыны в славу, Начальника спасения их страданми совершити. Евр. 2:10.

В священном городе Иерусалиме совершился некогда суд, беспремерный в летописях судов человеческих. На сем суде осужден Невинный, который не только никакого преступления, но, как Безгрешный, никакого греха не сотворил.

Служители иудейские и воины римские взяли сего Подсудимого в саду, когда Он молился, и привели к бывшему первосвященнику на суд, где не судия постановил мнение, а слуга сделал распоряжение, ударив Невинного в ланиту, и тем показал, что против истины нет иного оружия, кроме неправды и насилия. Другой первосвященник на своем суде растерзал только ризы свои, как будто Подсудимый хулу глагодал; а на деле это было знаком, что закон растерзан в сердце судии. Третий судия только посмеялся над Невинным, повелев одеть Его в белую одежду, как бы искателя царского престола. Наконец, от Пилата потребовали суда. Хотя этот защитник невинности и умыл руки пред народом, но навсегда он оставил сердце свое не омытым от суда неправды; ибо, быв уверен и многократно засвидетельствовав относительно невинности Подсудимого (Иоан. 18:38; 19:4–6), по малодушию дал приговор пролить кровь неповинную.

Наше сердце нам сказало, кто сей Подсудимый; а если б оно не довольно сказало: вот Его изображение. Это – наш Спаситель.

Все мы знаем, что Он пострадал нас ради человек, и нашего ради спасения. Но почему для этой цели оказались нужны страдания?

«Надлежало», отвечает Апостол, «чтобы тот, для которого все и от которого все, приводящего многих сынов в славу, посвятил в вождя спасения их посредством страданий». Почему же так?

В другом месте Апостол говорит, что «без пролития крови не бывает прощения грехов» (Евр. 9:22). Как же кровь могла омыть грехи человеческие? Во всех жилах и потоках она заражена ядом греха; а нечистое не может омыто быть нечистым. И вот из недр человечества восстал первосвященник, **ни кровью козлею, ни телчею, но Своєю кровью вечное искупление обретый** (ст. 12). В эту тайну углубляясь, так любомудрствует святой Григорий Богослов: «За каждый наш долг воздано

особо Тем, Кто превыше нас. Для сего древо за древо и руки за руку: руки мужественно распростерты за руку невоздержно простертую; руки пригвожденные за руку своевольную. Для сего вознесение на крест за падение, желчь за вкушение, терновый венец за худое владычество, погребение за возвращение в землю»¹⁹⁵.

Закон любви гласит: **больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя (Иоан. 15:3)**. Больше такой любви могла быть только Божественная, потому что она безгранична. И **о сем познахом любовь, яко Он, Спаситель, по нас душу Свою положи (1Иоан. 3:16)**. Полагает Он душу, чтобы показать ту крайнюю меру, какую человечество могло почерпнуть любовь из любви Божией, неисчерпаемой.

Испытатели природы утверждают, что в ней часто близ вещества ядовитого можно находить и противоядие. Естество человеческое заразилось ядом греха; и в естестве человеческом положен источник исцеления. **Отонудуже должен бе Христос по всему подобитися братии (Евр. 2:17)**. Адам был совершенный человек: и Христос соделался совершенным человеком. Ева в мир ввела смерть: от Девы Марии воссияла нам жизнь. Древо райское открыло наготу и виновность греха; древо крестное покрывает грешников листвию всепрощения. Человек, подвергши землю проклятию, не оставил себе иного пути, кроме скорбного. Но так как путем скорби идти трудно, то сею же стезею идет Странник Божественный, путеводитель в горняя, и тот же самый путь лишений, труда, печали, болезни, смерти сделался путем заслуги, надежды, радости, спасения и славы.

Сия подобаше пострадати Христу и внити в славу Свою (Лук. 24:26). По изъяснению Златоуста, «страдания суть совершенство, и страдающий за кого-нибудь сам становится славнее и совершеннее. И Христос был прославлен, когда пострадал. Впрочем, не подумай, будто Он получил приращение славы, какую всегда имел»¹⁹⁶. Пострадав за нас, Он прославил Свое человечество славою Своего Божества. Ныне, с минуты воскресения, **видим Иисуса, за приятие смерти, славою и честью венчанна (Евр. 2:9)**.

Так Спаситель совершился страданиями, чтобы вести многих сынов в славу. Что же, принадлежим ли мы к числу сих многих сынов? Принадлежим, если идем путем, каким шел Он. **Христу пострадавшу за ны плотию, и вы в ту же мысль вооружитесь (1Петр. 4:1)**. Мысль о страданиях, по примеру Христову, да будет спутницею нашей земной жизни.

Обеспеченные в жизни, обольщаемые благами ее недоумевают, зачем

страдать, когда можно еще жить и не страдая. Притом мысль о страданиях несродна душе нашей, и не для них человек создан. Но там ли не знать страданий, где вся тварь воздыхает и болезнует? Можем ли быть мы глухи к воплям, которые так повсеместны, что целому миру дали имя плачевной юдоли? По закону природы, наше сердце движется кровью, по закону любви, и состраданием. Для сего, между прочим, самым счастливым из нас достается своя доля горестей. Замечено, что пресыщение не понимает чужой нужды; напротив, временные лишения и горести делают нас более внимательными к горькой судьбе ближних. Вкус наш внешний, ощутив горькое, больше не хочет его; вкус духовный, и среди своих неприятностей, не отвращается чаши чужих скорбей, чтобы облегчить ее для души страждущей. Спаситель прошел путь искушений, чтоб искушаемым помогать. Так и мы в горьком опыте жизни должны учиться, как облегчать бедствия ближних. Посему, конечно, к испытанному много горестей скорее печальные идут за советом.

Зачем страдать, когда жизнь не любит страданий? За тем, что чрез них лежит путь к вечной славе. Блаженство – цель человеческих желаний. Какая же цель достигается без труда, кроме той, которая не стоит труда? Земледелец потом своего лица орошает надежду увидеть богатую жатву. Воин приобретает венец победы кровью и опасностями. Подвизающийся на зрелищах, для удовольствия других, к трудным телесным движениям приучает себя воздержанием (1Кор. 9:25). Тягота ли вечной славы столько легка, чтобы для нее тяжело было легкое бремя временной печали (2Кор. 4:17)? Не так думают ищущие славы со Христом. Моисей отказался от наслаждений в царском доме, предпочитая страдания с своими собратиями: **взираше бо на мздовоздаяние** (Евр. 11:26). Апостол Петр горькими слезами возвратил себе ключи царства небесного. Когда умер Спаситель, близкие к Нему души во гробе Его оставили радость свою; но когда Он воскрес, всех оживило веселие вечное. Такова наша жизнь в настоящем и будущем веке. Доколе нет нового неба и новой земли, старое небо часто помрачается бурею, ужасает грозою, и земля, ветшая, разрушается, преходит и стонет. Но когда явятся новые небо и земля, в них же правда живет и не будет жить печаль (2Петр. 3:13); тогда все облечется в праздник веселия и услышат голос радости пришедшие туда от скорби великия. Ибо, если сладостно услышать от человека любимого напоминание, что во дни несчастий он не был забыт нами, то как вожделенно услышать от Господа: **вы есте пребывше со Мною в напастех** (Лук. 22:28)! Посему подвижники бегут веселия с миром, чтобы страдать со Христом, и на утешения земные смотрят, как на умаление

блаженства небесного. Когда их тело опускается в могилу, взору плотскому кажется, что жизнь печальную заключил погребальный конец; а они в стране живых начинают воспевать Господу: **приидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой** (Псал. 65:12).

«Приидите убо и мы, в сей стране пришельствия, сшествуим и сраспнемся распятому Господу, и умертвимся Его ради житейским сластем, да и оживем с Ним»¹⁹⁷. Аминь.

6. Слово в великий пяток. (Второе)

Тек же един и наполнив губу оцта, и возложь на трость, напояше Его, глаголя: оставите, да видим, аще приидет Илия сняти Его. Марк. 15:36.

Спаситель наш, пригвожденный к кресту, за несколько минут до кончины сказал: «жажду » (Иоан. 19:28). Ощущение жажды было естественным следствием Его страшных страданий. Боль от вонзенных гвоздей и кровоизлияние из ран производили сильный жар в теле, который еще более увеличивался среди дня от лучей южного палящего солнца. Своей жаждой Христос, между прочим, показал, что Он страдал за нас не призрачно, но действительно; а удовлетворением ее исполнилось слово пророческое: **В жажду Мою напоиша Мя оцта** (Псал. 68:22). Это так и было. Как только Спаситель сказал, что жаждет, один воин побежал, наполнил губку уксусом, или кисловатым вином, которое все на востоке пьют, как обыкновенное питье; положил губку на трость и подал Ему пить. Такой способ напоения объясняется тем, что чашу неудобно было ни поднести к устам висевшего высоко на кресте, ни Ему вкусить из нее; из губки же Он легко мог извлекать в Себя влагу. Господь принял немного этого питья; и воин тот достоин был бы благодарного о нем воспоминания, как и другие лица, Господу послужившие и Ему сострадавшие. Но, к сожалению, то, что сделал он по человеколюбию и состраданию, унизил своим малодушием и притворством. Когда он подносил губку, напоенную вином, к устам Спасителя; легкомысленные товарищи его, останавливая, говорили: «постой; посмотрим, придет ли Илия спасти Его» (Матф. 27:49). Хотя он их не послушал, но к их насмешкам присоединил и свою: «это не помешает; посмотрим, придет ли Илия снять Его». Поводом к сему несбыточному и потому язвительному ожиданию было воззвание Спасителя: «Боже Мой, Боже Мой, почто Ты Меня оставил» (Марк. 15:34)? Воззвание сие было Им произнесено на сирохалдейском языке, и дважды повторено речение – «Или»; а окружавшие подумали, что Он зовет Илию. Хотя у иудеев было мнение, что пред пришествием Христовым должен был явиться Илия пророк, и хотя, по изъяснению самого Спасителя, этот Илия был Иоанн Предтеча (Матф. 11:14); но воин не знал, о каком Илие окружавшие говорили, а видя, что все насмеваются над распятым Царем Иудейским, побоялся быть очень человеколюбивым, не захотел отстать от толпы, и теми же словами, как и другие, над Ним насмеялся.

Подобное смешение сострадания и суровости, сочувствия и

насмехательства, человеколюбия и человекоугодия, как само в себе ни странно, повторяется нередко и в наши дни. Не бывает ли в простом народе, что подают милостыню нищему, и в тоже время насмеваются над ним, над его жалким видом и уродством, и даже забавляются им, понуждают его показывать шуточные действия, унижающие в нем человеческое достоинство? А в обществе образованном разве не случается, что иной готов помочь бедному, и оказывает помощь, но стыдится открыто сознаться, что делает это ради Христа, во имя Его, и будет даже говорить, что поступил так просто из сожаления, по человечеству. Или иной и выражает свое сочувствие человеку, невинно страдающему в общественном мнении, но сходясь с своими знакомыми, не только не защищает его, а еще в веселой беседе разделяет на смешливые о нем отзывы его недоброжелателей.

Нет, не похвальна такая неискренность и двойственность в наших отношениях к ближним. Кто насмехается над бедным и несчастным, хотя бы в тоже время в чем-нибудь и выразил ему участие, тот смеется над Господом, который един богатит и убожит, возводит в счастье и низводит в несчастье. Посему премудрый сын Сирахов предостерегает: «Не стыдись закона и завета Всевышняго» (Сир. 42:1). «Не приближайся к Господу с раздвоенным сердцем; не лицемерь пред людьми. Иначе Господь посрамит тебя за то, что ты не пребыл верным Его страху, и сердце твое исполнено лукавства» (1:28–30). Апостол заповедует «плакать с плачущими» (Римл. 12:15), не тайно, а если б случилось и при посторонних. Сам Христос похвалил и особенно возлюбил тех, которые пребыли с Ним в напастях (Лук. 22:28). Он не утаевает от нас и ныне Своей жажды (12:49); Он жаждет, чтобы те, которые именуют себя христианами, были непритворными Его последователями, не по видам человекоугодия поступали, но безбоязненно и мужественно исполняли Его заповеди. Таким верным друзьям Своим Он завещал, идя на страдания и смерть, Свое блаженное царство (22:29). Аминь.

7. Слово в великий пяток. (Третье)

ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ

По сих же моли Пилата Иосиф иже от Аримафеа, сый ученик Иисусов, потаен же страха ради иудейска, да возмет тело Иисусово. Иоан. 19:38.

Перенесением плащаницы мы воспоминаем то, что совершил некогда Иосиф. В этот самый час дня по кончине Спасителя он снял тело Его со креста, и потом, обвив плащаницею, положил в новом гробе у себя в саду.

Кто же был этот Иосиф, и что для нас поучительно в его поведении?

По месту своей родины он называется Аримафейским; по званию, ибо он был членом высшего судилища иудейского, евангелист Марк именует его **советником**, и притом **благообразным** (15:43), таким, который был знаменит, и у всех был в почтении. Общее уважение он заслужил тем, что, как замечает Лука евангелист, он был честен и правдолюбив (23:50). Когда Христа судили и осудили старейшины иудейские, Иосиф не принимал никакого участия в их незаконном решении, **не бе пристал совету и делу их** (ст. 51). Он знал хорошо Иисуса Христа, и был даже учеником Его, только потаенным, страха ради иудейска. Но когда его Учитель умер на кресте, он отложил всякий страх; смело пошел к Пилату, испросил тело Иисусово, и совершил то, что ныне на вечерне в храмах наших воспоминается.

Сравним же себя с ним, так ли мы усердны ко Христу, как он?

С первого взгляда можно подумать, что преимущество нам принадлежит. Он был потаенный, а мы явные ученики Спасителя. Когда христиан спрашивают на суде, или в других случаях, если нужно по делу, – какого они вероисповедания, они открыто отвечают: «православного», и даже по требованию церковные свидетельства в том представляют.

Но посмотрим далее. От чего Иосиф был потаенный? – Только ли из боязни? Правда, он мог с бесчестьем быть изгнан из сонмища и подвергнуться другим неприятностям. Но главное в том, что если б он и объявил себя последователем Христа, что мог бы сделать в Его пользу? Враги ожесточены; а Сын человеческий шел **по реченному** (Лук. 22:22), и если б предустановленный свыше порядок в Его земной жизни событий был изменен, как бы сбылись **писания, яко тако подобает быти** (Матф. 26:54)? Когда же все окончилось, когда сам Распятый за нас изрек: **совершишася** (Иоан. 19:28); тогда и Иосиф, казавшийся робким, сделался смелым, и из потаенного – явным. Никакой славы не мог он себе обещать,

погребая бесславно умершего, и всякая надежда на возмездие исчезла в мраке могильной пещеры, к которой, как будто навеки, привален был камень великий. Чем же объяснить такую перемену в Иосифе? – Его великодушием, его глубокою преданностью своему Учителю, пред которым втайне привык благоговеть. Из предания он знал, что великая добродетель погребать странников, которых некому похоронить (Тов. 1:16 и след.). Тем желательнее было для него почтить приличным погребением тело «сего Странного, иже не имел где главы подклонити, сего своего Учителя, егоже ученик лукавый на смерть предаде».

Обращаясь к себе, мы должны сознаться, что нам уже ничто не препятствует исповедовать свою веру. Кто как думает о предметах ее, и во все ли верует, во что должно, – это еще может быть тайной его души. Но в тех внешних действиях, которые составляют отличительные признаки нашего исповедания, одно из двух, – или безбоязненно их соблюдать, или боязливо от них уклоняться; и кто уклоняется, может ли быть назван явным и твердым последователем Христовым? Возьмем в пример поклонение иконам. Иной в церкви показывает к ним уважение, а придет в посторонний дом, и не взглянет на то место, где стоят они. Потому что это несовременно, и в образованном кругу будто бы не принято. Скажут: «была бы вера в сердце, а это – внешнее, не важное». Но как бы вам показалось, если б ваш друг, в искренность которого вы верили, встретившись с вами при лицах посторонних и почтенных, отвернулся от вас и не подал вам руки? А святая икона разве только в храме достойна поклонения, а в доме заслуживает пренебрежения? Что важнее, – дух веры, или дух времени? Так бывает иногда и при исполнении других священных обязанностей; стыдимся того, в чем наша честь, наше спасение. Иосиф Аримафейский тайно у Христа учился; и открытым учеником Его оказался. А у нас многие, открыто учившись Божию закону, от матерей навыкши исполнять церковные обряды, когда придут в зрелые годы, стараются уже скрывать свое детское благоговение к святыне, и в стране, где открыто господствует православие, чаще остаются потаенными христианами.

Не тому нас учит сам Христос. Кто постыдится Его пред людьми, того постыдится Он пред ангелами (Лук. 9:26), отвержет и лишит участия в царстве Своем. **Не стыдися страстию Господа нашего Иисуса Христа**, пишет апостол Павел Тимофею (2Тим. 1:8), и всем нам внушает, **да держим исповедание упования неуклонно** (Евр. 10:23). Не одни убеждения сердечные здесь подразумевает он, но и действия наружные, которыми свидетельствуем нашу верность Господу; ибо дальше советуем

не оставлять нам церковных собраний, где больше и учимся соблюдать обряды.

«О, если бы», – заключим мы с Григорием Богословом, – «нам до последнего издыхания сохранить сей прекрасный залог, сие исповедание, в котором мы воспитаны, и с ним переселиться из сей жизни, взяв отсюда с собою не другое что, как одно благочестие»¹⁹⁸. Аминь.

8. Слово в великий пяток. (Четвертое)

САМООСУЖДЕНИЕ

Ни ли ты боишься Бога, яко в томже осужден еси? И мы убо в правду; достойная бо по делом нашим восприемлем. Лук. 23:40–41.

Эту обличительную речь сказал один разбойник другому, когда оба подле распятого Господа висели на крестах. Речь, однако, оказалась поздною и бесполезною. Тот, к кому она была обращена, привыкши к разврату, омраченный озлоблением, захотел и умереть в неверии и отчаянии.

Но да не будет она бесплодна для нас. Не пренебрежем наставлением разбойника, которого святой Златоуст¹⁹⁹ назвал учителем на кресте; не усумнимся взять себе в учителя человека, которого умерший Спаситель ввел с Собой в рай.

Чем же он это заслужил? Кроме уверования во Христа, прежде молитвы к Нему, тем, что сам себя осудил.

Каковы бы ни были преступления сего разбойника, в нем еще не погасла искра совести, и он скоро понял, как постыдно и преступно насмехаться над невинным Страдальцем, подле Которого висел. Он знал, что на суде человеческого и невинные могут быть осуждены и виновные делаются свободны, потому что судьи иногда превратно смотрят на преступления судимых, – и расставаясь с жизнью, вспомянул о небесном судилище, о том неподкупном суде, который ожидает каждого человека за вратами гроба. Посему не только сам он устыдился хулить Невинного, но, благожелательствуя своему собрату, старался и его остановить от такой дерзости. «Или ты не боишься Бога», всемирного Судии? Этот упрек не падает ли на тех, которые, быть может, сами хуже многих, а любят осуждать других? Привыкши к пересудам и насмешкам, они не щадят ни добродетельных и невинных, ни даже несчастных. «Почто же ты осуждаешь брата твоего», предостерегает апостол и напоминает: «вси бо предстанем судищу Христову» (Рим. 14:10). Если хочешь там помилования, никого не подвергай пересудам и насмешкам. Кто не осуждает других, того и Бог простит; ибо Сам сказал: «не судите, да не судими будете» (Матф. 7:1). Как же избавиться от этой пагубной привычки? Один святой старец указал простой способ: «Осуждай себя, и перестанешь осуждать других»²⁰⁰.

Без самоосуждения невозможно исправление. Это мы видим даже на детях. Те из них, которые всемерно скрывают свои проступки и никогда в

них не признаются, так и вырастают лукавыми и испорченными. Напротив, кто признается в своих ошибках, кто сам винит себя в грехах, в том уже зарождается желание восторжествовать над дурными влечениями. Укорение себя есть начало победы над собой, над самолюбием, которое препятствует нам убедить себя, что неприятности жизни терпим по правде, по делам нашим. Покаянием возбуждается надежда обрести оправдание пред Богом. И никто, себя обличающий, не обманется в сем уповании, ибо сказано: «Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися» (Ис. 43:26).

Так и поступил благоразумный разбойник. Он обвинил сам себя, признаваясь, что терпит по правде. Он не осмелился прежде сказать: «помяни мя, Господи», пока исповедью не очистил себя от грехов, пока чрез осуждение себя не стяжал надежду помилования.

Так и каждый из нас, в сии священные минуты вспоминая снятие Спасителя с креста, что именно изображается изнесением плащаницы с престола на средину храма, должен сам прежде обвинить себя во грехах и сознаться, что если что терпит, то по правде, и потом уже, лобызая Христовы язвы, сказать в умилении сердечном: «помяни мя, Господи, во царствии Твоем». Аминь.

9. Слово на праздник Вознесения Господня и в день святителя Николая

ЧУДОТВОРЕНИЯ ВЕРУЮЩИХ В ГОСПОДА ИСУСА

Веруй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит, яко Аз ко Отцу Моему гряду. Иоан. 14:12.

Обетование сие изрек Спаситель, оставляя жизнь земную и предвидя близкое Свое вознесение на небо. Что ученики Его творили чудеса, подобные тем, какие Он и Сам творил, об этом упоминается и в Евангелии. Но не совсем понятно, как верующий может сотворить больше того, что Сам Христос совершил.

Когда Господь, указывая на Свои дела, обещал, что верующий в Него больше сих сотворит, это не в том смысле Он сказал, будто такие чудотворцы имеют свою чудодейственную силу, большую той, какою Он Сам обладал. Ему дана всякая, власть на небеси и на земли (Матф. 28:18). Сам Он ученикам Своим внушал: **яко без Мене не можете творити ничесоже** (Иоан. 15:5), и они с своей стороны пред Ним свидетельствовали: **Господи, и беси повинуются нам о имени Твоем** (Лук. 10:17).

Никто из верующих не может быть и поставляем относительно могущества в сравнение со Христом, ибо ему принадлежит всемогущество. Если же по Его обетованию верующий может сотворить нечто больше того, что Он совершил, то в сем обетовании подразумеваются чудеса, каких Он не творил не по недостатку Своего могущества, ибо все Ему возможно и все повинуетя Ему, но по Своей премудрости и по обстоятельствам Его смотрительного на земле пребывания. Он предвидел, что для утверждения веры, для устройства церкви нужны будут чудеса, кроме тех, какие Им совершены; посему пред самым вознесением Он предсказал ученикам: **приимете силу... и будете Ми свидетели** (Деян. 1:8). **Знамена же верующим сия последуют** (Марк. 16:7). Какие же сия? Частью такие, какие и Сам Он совершал, например, изгнание бесов и исцеление болящих; но обещались и такие, которых Он не проявлял в Своей земной жизни: **языки возглаголют новы, змия возмут; аще и что смертно испиют, не вредит их**. Христос говорил общеупотребительным в Палестине языком, а верующие в день пятидесятницы **начаша глаголати иными языки, якоже Дух даяше им провещавати** (Деян. 2:4). Из Евангелия не видно, чтобы Христа когда-нибудь коснулась змея; а у апостола Павла ехидна на руке повисла, и он стряхнул змею в огонь, не

потерпев от нее никакого вреда (28:3–5). Христос не был подвергнут действию смертоносного питья; а апостол Иоанн Богослов испил чашу яда²⁰¹, и остался невредим. Все сии и подобные, вновь последовавшие чудеса зависят от вознесения Иисуса Христа на небо. Он сказал о верующем: **больша сих, то есть Его собственных, сотворит; то Аз ко Отцу Моему гряду.** Седши одесную Его, Он ниспослал верующим Святого Духа, силою которого они и совершают чудеса.

Ныне к великому празднику Вознесения Господня «приспе день светлаго торжества» в честь святителя и чудотворца Николая. Имя его даже в иноверных странах известно; некоторые инородцы чтут его, как Бога, и приносят ему суеверные жертвы; и у нас в простом народе держится верование, что он есть грозный и всемогущий чудотворец. Действительно, за его необычайные дела ему усвоено и название чудотворца. Между его чудесами были и различные от тех, какие совершены Спасителем. Например, во время голода, свирепствовавшего в стране Ливийской, святитель Николай явился во сне купцу в Италии, который для иной страны приготовил корабль с пшеницею, и дав ему три златницы, повелел отправить этот хлеб в Миры-Ликийские. Купец проснулся, держа в руке данные ему три златницы, и поспешил исполнить такое осязательное и чудесное повеление. Чрез сонное же видение святитель Николай избавил трех воевод от напрасной смерти: явившись царю во сне, он объяснил, что эти несчастные оклеветаны, и потребовал немедленного их освобождения²⁰².

Как ни велики были чудеса святителя Николая, но не своею силою он чудодействовал, а именем Христовым и благодатью Святого Духа. Посему и в мощах сего угодника Божия и в явленных его иконах мы чтим ту же вседействующую благодать, и призываем его, как нашего заступника и молитвенника пред Богом. Упомянутые три воеводы, сидя в темнице, вспомнили, что он ходатайствует за неповинных, но и рассудили, что он не своею силою, а Божией чудодействует, и призывая его на помощь, так начали молиться: «Боже Николаев, избавивший еще прежде трех мужей от смерти напрасной, призри ныне и на нас; вот обдержит нас великая беда».

Если же святитель Николай в действиях своих являл иногда черты строгости, то не напрасной, а правдивой, не ужасающей, а остерегающей. Угрожал он не своим мщением, а судом Божиим; угрожал не угнетаемым, а притеснителям, не грешникам кающимся, а упорным в злобе и нечестии. Спасая от бед, он давал и предостережения бедствовавшим. Так мореплавателей, застигнутых бурей, избавив от потопления, он убеждал к исправлению, ибо по дару прозорливости знал, что они погрязли в жизни

порочной. «Внемлите себе, о чада», увещевал он их, «сердца ваши, и помышления ваши исправьте на благоугождение Богу. Ибо кто зазорную жизнь ведет, того Бог накажет».

Посему и мы, прибегая к заступлению великого угодника Божия, да помышляем о себе, идем ли мы неуклонно путем заповедей Христовых. «Если сами о себе нерадим, то и чрез других не спасемся. Молитвы святых имеют очень великую силу, но только тогда, когда мы оставляем грехи и исправляемся»²⁰³. Аминь.

10. Слово в неделю отцев седьмого Вселенского собора

ОБ ИКОНОПОЧИТАНИИ

Превышше же его херувими славы, осеняющий алтарь. Евр. Н9:5.

Ныне при богослужении воскресном совершается память святых отцов седьмого Вселенского собора. Собор этот осудил иконоборство и утвердил почитание икон.

Догмат иконопочитания и в наше время подвергается пререканиям. Посему не излишним будет напоминание, что чествование святых икон имеет глубокое основание и в церковной древности и в нашем молящемся духе.

Над ковчегом завета сам Бог повелел поставить золотые изображения херувимов; на что и указывает апостол, говоря: **превышше же его херувимы славы, осеняющий алтарь**. А скиния свидения была святыня, пред которою благоговели и преклонялись все ветхо заветные верующие. Должно заметить, что евреи не несклонны были к идолопоклонству, однакож и у них по повелению Божию устроены были священные изображения, и притом, существ бесплотных. В церкви новозаветной сам Христос Своим действием благословил быть иконам, отпечатлев на полотне пречистый лик Свой и послав этот убрус Едесскому владельцу Авгарю. Известно также, что евангелист Лука был живописец и написал несколько икон Божией Матери, которые вскоре и сделались предметом поклонения. Как только стали строиться христианские храмы, иконы явились необходимым их украшением.

Почитать иконы и с благоговением к ним обращаться есть потребность нашей души. Кому не случалось слышать, или примечать, какое для людей, в разлуке находящихся, имеют значение изображения лиц чтимых и любимых, с которыми разлучены? Дочь, пораженная горем, устремляется к изображению своей матери, и пред хладным веществом, на котором вид ее отпечатлен, изливает свои слезы и печали, просит ее благословения и молитв. Муж, лишившийся супруги, не отводит в ночные часы очей от ее изображения, поведает ей, как живой, тяжесть своего одиночества, переносится воображением и желанием в страну неизвестную, туда, где она. Если так естественна и так сильна в сердце человека потребность видеть пред собой художеством отпечатленные лица близких и родных; то сия потребность принимает высшее, священное значение, как скоро приближает душу верующую к миру небожителей. По

мере, как узнаем их жизнь благочестивую, их учение и силу чудотворную, воображаем их участь блаженную, мы естественно располагаемся к любопытству, каков их был наружный вид. Сему доброму желанию и удовлетворяет иконописание. С другой стороны, видя лики святых, припоминаем их добрые дела, в пример для подражания; и веруя в общения их с нами, в их предстательство пред Богом, мы побуждаемся и чествовать их, и призывать на молитву. Если иногда и появлялось иконоборство, то от внешних причин, а отнюдь не из сущности христианства. Полагают, что первоначально гонение на иконы воздвигнуто было мусульманами, которые по изуверству смешивали иконопочитание с идолопоклонством. И ныне, от чего пренебрежение к иконам, их изгнание из христианских домов? – От легкомысленного, идолопоклоннического порабощения духу времени. Им увлекаясь, иные украшают обильно стены своих жилищ картинами и светописными изображениями разных лиц, в том числе и собственных; а то место оставляют пустым, где следует быть иконам, внушительно рассуждая, что поклонение Богу должно быть духовное. Правда, Христос сказал, что **истинные поклонники поклонятся Богу духом (Иоан. 4:23)**; но Сам же оставил нам Свой нерукотворенный образ и Сам употреблял коленопоклонную молитву. Отсюда надлежит только то заключить, что поклонение иконам должно быть духовное, разумное, а не суеверное.

Да не стыдимся почитать иконы и поклоняться им: ибо, как изъясняли отцы собора, утверждая иконопочитание, – «честь, воздаваемая образу, переходит к первообразному, и поклоняющийся иконе поклоняется изображенному на ней»²⁰⁴. Аминь.

К П ОТДЕЛЕНИЮ

1. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы

ВАЖНЕЙШАЯ ОБЯЗАННОСТЬ МАТЕРИ

Воспоминание приема о сущей в тебе нелицемерней вере, яже вселися прежде в бабу твою Лоиду и в мать твою Евникию: известен же есмь, яко и в тебе. 2Тим. 1:5.

Введение во храм Пресвятой Богородицы совершилось, когда Она была трех лет. Отец ее праведный Иоаким хотел исполнить над Нею обет посвящения ее храму, как только достигла Она двух лет; но праведная Анна уговорила его отложить сие дело еще на год. Этим годом воспользовалась она, чтобы приготовить свое дитя к священному его назначению. Праведная Анна внушала своей юной дочери, что Она родилась по молитвам родителей, что Ей надобно жить у Бога в храме, что Ей там будет лучше, чем в родном доме, что Бог, если Она будет любить Его, сделает для нее бесконечно более, нежели отец и мать.

Следствием сих внушений было то, что Дева Мария охотно поселилась в храме и никогда там не скучала.

Пример праведной Анны указывает на важнейшую из материнских обязанностей.

Ныне много говорят о влиянии матерей на успехи образования народного; но все это потому особенно важно, что они должны быть первыми наставницами для своих детей в вере и благочестии.

Самая близость матери к детям напоминает ей о сем ее назначении. Тогда как отец семейства бывает отвлечен нуждами домашними и делами своего звания, мать всегда с детьми. Если по чувству любви к ним она заботится, чтоб они были сыты и довольны; то по сему же самому побуждению не должна она забывать и о духовном их питании. Эту духовную пищу составляют молитвы и первоначальные объяснения в вере. Рано раскрывается в детях любопытство, и скоро обращается к предметам духовным. Смотрит дитя на образ; стремится целовать, и спрашивает: кто, или что это? Увидит церковь, услышит звон, и опять возбуждается его любопытство. При всех подобных случаях, к кому младенец охотнее обратится с своими полунемыми вопросами, как не к своей родной матери?

Ее даже собственная выгода побуждает пецись о духовном воспитании детей. Какая мать захочет видеть своего сына безбожником, или человеком потерянным? Какая мать не содрогнется от боязни, как бы

дети совсем не перестали ее любить? Но сын, если вырастет верующим, пребудет и своих родителей любящим. Семена благочестия, которые мать сумеет насадить в детях, суть семена и их неизменно почтительной привязанности к ней. Могут быть ее наставления в вере не обширны и не многосложны, но они негибнущи и неизгладимы. Обыкновенно, детское сердце сравнивают с мягким воском; так оно легко принимает всякие впечатления. Но сила в том, что впечатления, получаемые от матери, остаются на всю жизнь, и если заимствуются из области веры, служат основанием набожности. Какие молитвы мы с большим умилением уединенно читаем, пришедши в зрелый возраст, – не те ли, которым нас научила мать? Важны эти молитвы по своему происхождению и содержанию; но незабвенны и потому, что впервые мы их услышали из уст родной матери.

Апостолы просвещены были Святым Духом; но и они своим учением и примером подтвердили высокое значение материнских наставлений. У апостола Павла был ученик Тимофей, которого он называл **возлюбленным чадом**, и которого скоро сделал епископом. Неоднократно хвалил он Тимофея то за искренность и твердость веры, то за сведения в Священном Писании. Достоинства сии высоки и в епископском деле нужны. Как же их первоначально приобрел Тимофей? Сие изъясняет сам апостол Павел, обращаясь к нему с такими словами: «Я храню в памяти веру твою, которая прежде обитала в бабке твоей Лонде и в матери твоей Евникии; эта вера и в тебе». И «ты из детства знаешь Священные Писания, которые могут умудрить тебя во спасение» (2Тим. 3:15). Очевидно Тимофей своею бабкою и своею матерью так был воспитан и так был в вере научен, что в юных летах стал показывать опыты старческой мудрости. Посему с любовью взят был он апостолом Павлом, к которому мать сама привела его в Листре. Посему же апостол подтверждал, чтоб никто не пренебрегал Тимофея за юность его (1Тим. 4:12). Если же в апостольском чине и служении материнские наставления оказались не излишни: то как они важны в нашем современном обществе, когда для детей более открыто и доступно, нежели сколько следовало бы по их малолетству, когда возрастные не стыдятся при них говорить и делать то, о чем и подумать соблазнительно! «Есть у тебя младенец?» – обращается с советом к матери-христианке святой Григорий Богослов. «Не давай времени усилиться повреждению; пусть он освящен будет в младенчестве. Дай ему (веру в) Святую Троицу, – сие великое и доброе охранение»²⁰⁵. Подобно сему и святой Златоуст, высоко ценивший наставления своей матери, советуется женщинам, чтоб они воспитывали детей в благочестии и

упражняли их в Священном Писании. «Не думайте», говорит²⁰⁶, «чтоб одним монахам нужны были наставления в Писании; они потребны и для детей, которые должны вступить в мирскую жизнь. Как при снаряжении корабля бывает нужен кормчий, так и светскому человеку, обуреваемому треволнениями моря житейского, послужит кормчим то доброе научение, какое принял он в детстве». И ныне всякая добрая мать, если б случилось и в учебные заведения отпускать ей детей, пожелает, чтоб они, там развившись умом, обогатившись познаниями, остались навсегда с тем сердцем, с каким вышли из дому родительского, с теми чистыми убеждениями и святыми верованиями, какие усвоили от нее в младенчестве.

В виду великого значения материнских наставлений, премудрый Соломон даже и возрастному юноше напоминает: «Не отрини заветов матери твоея (Притч. 1:8), да радуется о тебе рождающая тя» (23:25). Аминь.

2. Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Второе)

НАДЗОР ЗА ДЕТЬМИ В ХРАМЕ

Оставьте детей приходить ко Мне. Марк. 10:14.

В младенческом возрасте приведена была святая Дева Мария в храм Господень. Хотя Она и удостоилась там ангельского научения, однако по преданию известно, что за ее действиями имели наблюдение и священники, и приставницы храма.

Повсюду ныне приводят или приносят детей в церковь. Только надобно спросить: имеется ли достаточное за ними здесь наблюдение? А оно непременно быть должно.

Основание христианского воспитания есть страх Божий, таинственное вместилище которого есть храм Божий; здесь объемлет душу верующую священный ужас, **яко страшно место сие** (Быт. 28:17). Посему в храме требуется, «да молчит всякая плоть человека», а следовательно и юная, отроческая, «и да стоит со страхом и трепетом». Идя в гости, берет мать с собою иногда и своих детей; но при сем внушает им, чтобы они в постороннем доме вели себя скромно и вежливо. Не более ли мать, если она истинная христианка, обязана заботиться, чтобы ее дети, которых она приводит в храм, держали себя благоговейно и безмолвно в сем досточтимом святилище Божиим?

Когда говорят старшие, детям свойственно молчать и слушать. Чей же голос слышится в церкви на богослужении? Глас самого Спасителя, апостолов Его и святых отцов. Удободопустимо ли, терпимо ли, чтобы слово святоотеческое, апостольское, Христово заглушаемо было младенческим криком?

Когда возрастные заняты своим делом и притом важным, они употребляют меры, чтобы дети им не мешали. В храме совершается дело, выше которого нет на земле: здесь богослужebные лица «славословят с ангелами, священнодействуют со Христом»²⁰⁷, и **все множество людей** предстоит, **молитву дея** (Лук. 1:10). Не развлекается ли внимание молящихся, не страдает ли величие священнодействия, когда дети здесь разговаривают, смеются, или громко плачут; перебегают с места на место, позволяют себе игривые действия?

На сие могут возразить, что дети невинны; они не понимают ни закона, ни ответственности. Остается, следовательно, не пускать их в церковь, если они не в состоянии там держать себя, как следует?

Совсем нет: необходимо, чтоб они бывали в церкви; но надобно смотреть за ними. Сам Христос, некогда увидев, что ученики хотят отклонить от Него детей, сказал: «не препятствуйте им приходить ко Мне». Так и теперь, когда Он в святом храме таинственно и пресущественно присутствует, детей должно приводить и приносить к Нему сюда. Но какие были тогда дети, которых Он благословил, – разве беспокойные, кричащие? Нет, из евангельского сказания нужно заключить напротив. Когда вблизи Его в народе стояли женщины с детьми, Он рассуждал о важнейших предметах, – о браке и девстве; полагать надобно, что дети не мешали, были тихи и не затрудняли Его собеседования, чего ученики и опасались. Почему Он присовокупил: **таковых есть царствие Божие?** За что же им усвоится царствие небесное? Конечно не за вопли и беспорядочные движения их, ибо это есть недостаток младенческого возраста, а за их добрые качества, за то, что они спокойны, послушны, искренни, доверчивы, приветливы, незлобивы. – Последуя дозволению, данному Спасителем, древние христиане, идя в храм, приводили с собою и детей, но становили их на виду и зорко смотрели за ними. В причащении соблюдалась своя последовательность: сначала приступали церковнослужители, затем девы, вдовы, потом дети и весь народ, «с стыдливостью, благоговением, без шуму»²⁰⁸. Святители от всех требовали благоприличия, и если где нарушаем был порядок, строго обличали. «Когда смехотворствует какой-нибудь шут, собрание зрителей сидит, соблюдая для его речей совершенное безмолвие. А здесь шум, смех и разговоры. Прежде дома были церквами, а ныне церковь стала домом, в котором недостает порядка»²⁰⁹. Это обличение, направленное Златоустом против своих современников в Антиохии, не падает ли и на наше время? На зрелищных и лицедейных представлениях не позволят детям шуметь; а в храме им дают волю. «Ужели же, если дети наши будут беспорядочны, то мы будем подлежать за них ответу? – Да, если не употребляем строгих мер, какие следовало употребить»²¹⁰. Илий подвергся наказанию за то, что его возмужалые сыновья бесчинствовали в храме. Дадут ответ пред Богом те родители и приставники, которые оставляют малых детей без надзора и остережения. **Не презрите же неведения детей (Сир. 30:11), но воспитывайте их в наказании и учении Господни (Еф. 6:4).** Аминь.

3. Слово на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, в неделю пятую поста, 1873 года. (Первое)

О ДОЛГЕ РОДИТЕЛЕЙ ОБЕРЕГАТЬ ДЕТЕЙ ОТ ЧЕСТОЛЮБИВЫХ МЕЧТАНИЙ

Тогда приступи к Нему мати сыну Заведееву с сынома своима, кланяющихся и просящи нечто от Него. Матф. 20:20.

В евангельском повествовании нынешнего воскресного дня удивительный воспоминается случай. Когда Христос шел уже в Иерусалим на страдания, мать Иакова и Иоанна Саломия наедине подошла с ними к Нему, намереваясь предложить Ему свою просьбу. Спаситель приветливо предупредил ее вопросом: «Чего ты хочешь?» Та, ободренная, прямо объявляет: «Повели, чтобы мои оба сыновья сели подле Тебя в царстве Твоем». Но в ответ она услышала, чего не ожидала. При ней Спаситель обоим им предсказал, что они испиют ту же горькую чашу, какая Ему приготовлена. Издревле замечено, что любовь материнская, увлекаясь мечтами о счастье детей, не умеет ограничивать своих желаний, ни даже скрывать их. Но пример Саломии предостерегает родителей, как ошибочен и вреден пристрастный взгляд на детей. Не о том прилично мечтать отцу, что сын его займет одно из первых мест в государстве; не того нужно домогаться матери, чтобы дочь ее сияла в обществе, как яркая звезда на небе; но о том обязаны заботиться все родители, чтобы во время воспитания детей утвердить в них святые убеждения веры и чистые правила жизни, как основания их благополучия и нравственного величия.

Увлекаемые мечтами родителей, их дети скоро начинают смотреть на себя с самонадеянностью и гордостью. Усвоив несколько поверхностных познаний, они думают, что о всем судить могут; смело вмешиваются в беседы старших; по современным вопросам где-либо читанные или слышанные замечания выдают за свои мнения, и таким образом напоминают собою тех птиц, которые выучиваются произносить несколько человеческих слов. С жадностью собирая сведения о недостатках старого времени, они уверены, что все прежнее худо, и что сами они призваны быть обновителями общественной жизни, и потому считают себя способными на всякое видное место, на всякую высокую должность.

Но труд – наш, а счастье не от нас. Самые жаркие мечты остывают,

как скоро их касается холодный поток действительности. Как бы кто ни рисовал себе картину своего счастья и успехов, мудрый опыт говорит: «Иди тем путем, каким Бог, поведет. В церковных песнопениях вспоминается что «к таинству неизглаголанному Божия смотра недовлеюще, то есть, еще неспособная вознестись, – сынов Заведеевых матери прошаше временного царства почести дароватися чадом ея; но вместо тоя чашу смерти обещал Господь пити другом своим». Что и сбылось: ибо и сыны Заведеевы, и ни один из апостолов не избежали чаши мученичества: Иаков усечен был мечем, а Иоанн умер в заточении. Если же Христос не пощадил мечтательных желаний в учениках своих, которых называл друзьями своими, то конечно этою строгостью хотел нам всем показать, что на земле нельзя найти незыблемых почестей и прочного счастья. Если нужна была особенная помощь свыше, чтобы поддержать апостолов во время напастей, то как себе помогут самонадеянные мечтатели, которые и знать не хотят силы и сладости утешений духовных? Чем заносчивее их желания, чем упорнее самонадеянность, тем опаснее разочарование.

Ропот свой начинают они с своих же родителей, зачем неудовлетворительное дали им воспитание; негодуют на начальство, будто не отдает им справедливости; презрительно смотрят на общество, которое не умеет их понять; с озлоблением отзываются о чужих, правильных и безукоризненных действиях; наконец получают отвращение к целому свету и к себе самим, и решаются на какую-нибудь отчаянную меру, горделиво объясняя это тем, что «жизнь их была надломлена». Но кто же надломил ее? Не сам ли мечтатель губит себя, поставляя задачей жизни цели неудободостижимые, желания несбыточные?

Правда, не все смелые желания несбыточны. Но будут ли спокойны и родители и дети, если б даже стали сбываться их мечты? – Притча говорит: **Иже высок творит свой дом, ищет сокрушения (Притч. 17:16)**. А Спаситель тоже изрек яснее: **всяк возносяйся, смирится (Лук. 18:14)**, рано или поздно унижен будет. Путь самовозвышения есть путь скользкий. Когда Иаков и Иоанн признались в своем желании сесть подле Христа, как земного царя; то прочие **десять** вознегодовали. Если же искание почести тотчас разрешилось взаимным неудовольствием в святом обществе апостольском; то до какого омрачения черная зависть доводит людей честолюбивых, как скоро они примечают, что счастливые их сверстники быстро возвышаются на служебном поприще! Не щадят завистники ни трудов, ни издержек, не стыдятся и унижительных средств, чтобы только низвергнуть соперников с завидной высоты. С горестью

смотря на подобные явления, Григорий Богослов воскликнул: «О если бы не было ни предпочтения мест, ни мучительных преимуществ, и нас различали по одной добродетели! А нынешний порядок стать справа или слева, выше и ниже, произвел у нас не мало замешательств, и многих низринул в пропасть»²¹¹.

Истинное величие достигается путем скромного воспитания, путем добродетели. Подтверждением сему служит нынешний праздник Благовещения. Иоаким и Анна, когда молились о разрешении своего бесплодия, не искали славы в будущих детях, а желали, что родится, принести в дар Богу. Обрадованные рождением дочери, они при первых ее понятиях стали ей делать внушения веры, а вскоре и совсем ее отдали на воспитание при храме, где ее занятиями были рукоделье, молитва и чтение. Читая в книге Исаии, что Мессия должен родиться от девы, она в смирении воскликнула: «Как была бы я счастлива, если бы дано было мне увидеть сию благословенную деву, и послужить ей рабою!» Время шло; уже Мария пребывала в доме своего обручника Иосифа. Жизнь ее протекала в неизвестности. Но призрел Господь на ее воспитание и на ее смирение. В убогую хижину, в часы ее скромных занятий, является архистратиг Гавриил, и объявляет ей, что именно ей определено быть Божией Матерью. Невольно признала она, что она есть та самая дева, у которой желала быть только рабою, и невольно исторглись после из ее сердца слова: «Яко сотвори мне величие Сильный».

Правда, это событие беспримерное; но путь добродетели для всех открыт, и конец его есть истинное величие, а вдали от него никакие внешние преимущества, ни образованность, ни права происхождения, ни высота должности и почестей не имеют своей настоящей цены. «Не ищи», советует святой Златоуст, «чтобы сын твой сделался знаменитым; научи его любомудрию жизни. Благоповедение нужно, а не остроумие; нравственность, а не сила речи; дела, а не слова. Если душа чиста и добродетельна, не будет потери от недостатка знания; а если испорчена, то произойдет большой вред, хотя бы была и образована». Доброе воспитание дает человеку ту раннюю зрелость, которая служит ему основанием спокойствия при всех переменах жизни, и остерегая его от мечтательности, побуждает его верить судьбу свою Тому, Кто **Един убожит и богатит, смиряет и возвышает** (1 Царств. 2:7). Аминь.

4. Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы. (Второе)

ЗНАЧЕНИЕ ПРАЗДНОВАНИЯ БЛАГОВЕЩЕНИЯ В ВЕЛИКИЙ ПОСТ

В месяц шестый послан бысть ангел Гавриил от Бога во град Галилейский, емуже имя Назарет. Лук. 1:26.

Так евангелист Лука начинает повествование о благовещении Пресвятой Богородицы. Дева Мария жила при Иосифе в Назарете, и туда для благовещения Ей послан был Гавриил архангел. Шестой же месяц считается от зачатия Иоанна Крестителя; что было и воспоминается церковью в конце сентября.

Благовещение есть один из главных, основных и торжественных праздников наших. Не только сама церковь является в светлом своем благолепии и ее песнопения ныне дышат веселием; не только сердца верующие и благоговейные ощущают ныне духовный восторг, подобно тому, как **взыгрался младенец** предтеча **во чреве** матери своей, когда приветствовала ее Мариам, пришедшая к ней вскоре после благовещения (Лук. 1:41–44); но и вся тварь призывается к чествованию нынешнего праздника: «Благовестуй, земле, радость велию; хвалите, небеса, Божию славу»²¹². Вот почему, а не по слепому суеверию, сложилось у нас народное присловье, что в день Благовещения и солнце играет, и птица гнезда себе не вьет. Если великая бывает на небе радость о грешнике, как скоро он кается, то не больше ли в нынешний день ликуют светлые творения Божии, в день, в который этот грешник чрез воплощение Спасителя получил залог своего спасения? Если в действиях и движениях птицы мы видим выражение легкости и свободы; то понятно, почему многим приятно верить, что и она, освобождая себя от труда, сорадуется нам в нынешний великий день, когда **душа наша, яко птица, избавится от сети ловящих** (Псал. 123:7) ее врагов ее спасения, и когда в средствах благодатных даны нам **криле, яко голубине** (54:7), чтобы лететь нам и вселиться в тихих обителях света невечернего.

После сего может показаться странным, почему такой радостный и торжественный праздник, за весьма редкими исключениями, совершается в великий пост. Время великопостное есть время печали, ибо требует от нас сокрушения о грехах и не только ограничения в пище, но и удаления даже от тех удовольствий, которые невинны и в иное время не предосудительны. На самый порядок богослужения нынешнего имеет

влияние устав поста, потому что к восторженным песнопениям праздничным присоединяются некоторые принадлежности службы покаянной великопостной. Чтобы смягчить ее впечатление и чтобы оно не было преобладающим, шестой вселенский собор (прав. 52) постановил не совершать в день Благовещения литургию преждеосвященных Даров, которая также способствует возбуждению скорби о грехах и покаяния.

Почему же праздник Благовещения совпадает с временем великого поста?

Явление Сына Божия во плоти, как и жизнь Его на земле, подчинено было всем законам человеческого естества, кроме закона греховного. Но так как рождество Христа Спасителя последовало в декабре, то благовестию о воплощении Его надлежало быть в марте, чтобы от начала воплощения до рождества исполнилось девять месяцев. Кроме сего надлежало, чтобы предтеча Иисуса Христа предварил Его не только проповедью, но и рождением. Захария, отец предтечи, принадлежал к богослужебной чреде Авиевой. По достоверному исчислению, в год, когда ему в храме предсказано было рождение сына, чреда эта совершала служение вскоре после осеннего равноденствия. Следовательно шестой после сего предсказания месяц, когда последовало благовещение Пресвятой Богородицы, должен быть март.

Но сими соображениями не решается вопрос. Если Сын Божий по Своему свободному хотению «благоволил родиться на земли от неискусомужные Матери»²¹³, если Сам и **веки сотвори** (Евр. 1:2); то мог Он Сам же определить, какой Ему угодно, день благовещения и день рождества, равно как и время происхождения на свет Своего предтечи.

Есть предание, что мир сотворен около весеннего равноденствия, бывающего в месяце марте. Основываясь на сем предании, один древний святитель любомудрствует²¹⁴: «Сотворение человека было в месяце марте; а посему и Гавриил ныне послан был благовестить Деве нетленное от нее воплощение Спасителя. Ибо прилично, чтобы согрешивший и воссоздан был в такое же время, в какое и создан». В дополнение к сему нужно припомнить, что и распят был Иисус Христос в месяце марте. Таким образом в одно и тоже время года последовало и создание человека невинного и воссоздание падшего, и самое спасение его смертью и воскресением Спасителя.

Почему же пост великий, который учрежден после земной жизни Спасителя, не назначен церковью в иное время года, чтоб ему не совпадать с праздником Благовещения? – Одна из главных целей, для чего установлен великий пост, есть воспоминание Христовых страданий и

наше участие в них; продолжаясь соответственно сорокадневному посту самого Спасителя и предшествуя дням страданий Его, святая сорокадесятница уготовляет нас, «да и мы очищенными смыслами сшествуем Ему и сраспнемся»²¹⁵. Притом разве время постное противно празднуемому ныне событию? Напротив, не тогда ли приличнее совершать праздник девства и неискусобрачия, когда по чиноположению церковному воспрещено сопряжение брачное? Не тогда ли, когда несколько предпочтена наша мысль пощением и наша совесть покаянием, мы легче можем возвысить свой ум, чтобы полнее попятить важность нынешнего благодатного дня, в который последовало и нам возвещается «еже от века таинства явление»?

Такое совмещение праздника Благовещения с днями святой сорокадесятницы может быть не угодно разве только тем, которые, числясь православными, упрекают церковь за продолжительность и строгость установленных ею постов. – Но как важно сие установление, о том есть выразительное замечание в одном песнопении: «Аще бы постное завещание праотец сохранил, эдемского отпадения не прияли быхом»²¹⁶. Если б Адам немного попостился и не поползнулся на то, что запрещено: не вошло бы расстройство в природу нашу и в жизнь нашу. Так как эта язва заразила весь состав человеческий, то нужен нам небесный Врач и пришествие Его в мир мы ныне празднуем. поелику же и телесные врачи от больных требуют воздержания, чтобы врачебные средства вернее действовали; то тем более потребно пощение, чтоб уязвленная душа наша могла ощутить целебную силу врачевания благодатного. Не налагает церковь на нас подвига выше сил наших, напротив, дает послабление. Для того отчасти и нынешний праздник во дни сорокадесятницы бывает, чтобы в скорбном подвиге покаяния душа наша подкрепилась утешением духовным. – «Чего ради и мы днесь, братие, радости исполняясь и украшая себя благими делами, потщимся достойно препроводить святые дни постные, в воздержании от объедения и плотских похотей, от гнева и клеветы, от обиды и зависти и приступим к Воплотившемуся нас ради, зовущему: **Благословен грядый, Бог Господь, и явися нам**»²¹⁷. Аминь.

5. Слово в день Успения Пресвятой Богородицы

ОДНО ИЗ ЧУДЕС ПРИ УСПЕНИИ БОГОМАТЕРИ

Потом же мы живущии, вставший, купно с ними восхищени будет на облацех. 1Сол.4:17.

На погребение пречистого тела Божией Матери чудесным способом собраны были апостолы. Они оттуда, где кто проповедовал тогда евангелие, принесены были на облаках в Иерусалим к дому Иоанна Богослова.

Что сие чудесное событие действительно было, это не подлежит сомнению. В Священном Писании указывается несколько случаев, когда люди силою Божьею носимы были по воздуху: ибо для Бога все удобно. Так, Илия пророк живой подъят был на небо на огненной колеснице. Пророка Иезекииля взял Дух между небом и землею, и поставил в Иерусалиме (Иезек. 8:3). Пророк Аввакум во время жатвы нес в поле жнецам пищу. Вдруг останавливает его ангел, и говорит: **отнеси обед, егоже имаши, в Вавилон Даниилу в ров львиный**. Аввакум отвечал: **Вавилона не видех, и рва не вем, где есть**. Тогда ангел перенес его в Вавилон, и как только вручена была пища Даниилу, опять мгновенно возвратил Аввакума в Иудею (Дан. 14:33–39). Подобным образом апостол Филипп, после того как окрестил эфиопского вельможу близ Иерусалима, перенесен был по воздуху в город Азот для проповеди евангельской (Деян. 8:39–40). Апостол Павел, еще живой, восхищен был в рай (2Кор. 12:4), где ему показано, какое там неизреченное блаженство. А говоря о втором пришествии Христовом, он предсказывает, что тогда все, и воскресшие, и не умиравшие, восхищены будут на облаках на воздух в сретение Господу. Если же в Писании умолчано о чудесном собрании апостолов к успению Богоматери, то святой Андрей Критский предполагает²¹⁸, что «тогдашние времена не допускали такового изложения». Сказания о кончине Божией Матери, в соответствие смиренной ее жизни на земле, дошли до нас прикровенным путем священного предания.

Для чего же к успению Богоматери собраны были апостолы? «Подобало», отвечает церковь²¹⁹, «самовидцам Слова и слугам видеть успение Его Матери, что бы как Его вознесения они были зрителями, так и ее преставления явились свидетелями». Они не только то своими очами видели, что Она умерла по общему уделу смертных, но и в том несомненно уверились, что Она, «Мати сущи Жизнодавца», Его силою воскресла. То и другое они в предании нам возвестили. Посему,

прославляя Благодатную, и во успении Своем нас не оставляющую, зываем к Ней: «Иже на облацех светло от всех концев собравый Своя божественные апостолы, к телу Твоему, Чистая, показа Тя всем Богородицу»²²⁰.

Воздушное путешествие апостолов, утверждая нашу веру, дает нам и назидание. Надмеваясь новыми изобретениями, люди усиливаются придумать, как бы по воздуху свободно летать, или, по более скромному выражению, плавать. Сбудется ли это, или нет, для ищущих душевного спасения не важно, ибо знают, что такое воздухоплавание не вознесет на небо. Птица, как бы высоко ни летала, возвращается на землю, чтобы на ней искать пищу, и на ней в свое время пасть мертвою. Так все житейские изобретения привязывают душу к земле, и не гордость ума дает человеку крылья, чтобы возноситься к горнему. Отрешение от чувственных влечений, очищение сердца, воздержание в пище и питии, бескорыстие в стяжании, занятия духовные, вообще жизнь богоугодная, – вот что дает душе крылья лететь к небу. Путем чистоты и добродетели Пренепорочная Дева Мария от земли перешла в небесные обители. Апостолы и прочие святые угодники во плоти жили ангелоподобно; от того они и по водам ходили, и по воздуху, как ангелы, носились. Святость жизни выше чудес; потому что производит их, и без нее невозможны истинные чудеса. Искусственное поднятие на воздух, если и возможно, имеет ли что общего с делом спасения души? То окрыление души достожелательно, которое приближает к Богу и к небесному блаженству. Важна для нас и вождедена та минута, когда мы, воскресши, **восхищены будем на облацех, в сретение Господне, на воздусе, и тако, если теперь сего достойными быть постараемся, всегда с Господем будем.** Аминь.

6. Слово в 22-й день октября

ЛЮБОВЬ К РОССИИ

Сотворил есть от единые крове весь язык человек жити по всему лицу земному, уставив предучиненные времена и пределы селения их. Деян. 17:26.

Нынешний праздник учрежден по случаю избавления Москвы от наполнявших ее ляхов, и всей России от угрожавшего ей порабощения.

Почему же это отечественное торжество соединено с празднованием Казанской иконе Божией Матери, и какое для всех нас оно имеет значение?

Когда в начале седьмагонадесять столетия ляхи овладели Москвою; верные сыны России соединились в ополчение против врагов. Из города Казани принесен был список чудотворной иконы, незадолго пред тем явленной и поныне там пребывающей. Православному воинству и народу заповедан был трехдневный пост; и пред иконою совершались молебствия. Преподобный Сергей явился содержавшемуся в плену у ляхов архиепископу Арсению и объявил ему, что по молитвам Божией Матери и московских святителей, Господь низложит врагов и возвратит престольный град православным. О сем видении сделалось известно в стане защитников отечества; они ободренные подступили к городу, и в двадесять второй день месяца октября освободили его от врагов. Сначала день сей ежегодно праздновали только в Москве, а чрез несколько лет установлено праздновать по всей России, и так как помощь свыше явилась через икону Божией Матери Казанскую, то в честь ее и совершается служба.

Праздник сей внушает нам, что мы должны быть всецело привязаны к государству, к которому по общественному своему положению и верноподданнической присяге принадлежим. Такая привязанность весьма естественна и покровительствуется самим промыслом Божиим. Апостол Павел утверждает, что Господь, произведший от единой крови весь род человеческий, уставил однакоже для людей времена и пределы селения их. Это значит, что каждому человеку свыше предопределено не только то, в каком веке ему родиться и жить, но и к какому государству принадлежать. Равным образом и каждому народу сам Господь определяет пространственные границы; и сокращаются они или расширяются не иначе, как по манованиям промысла Божия, который возвышает и смиряет. Если же сам Бог расселяет людей и народы **жити по всему лицу земному,**

то никакой человек не может быть всесветным гражданином. Напрасно бы кто стал думать и уверять, что для него все страны равны, что где ему лучше, там он и гражданин. Свое государство всегда будет ему напоминать о себе. Узы родства, сила воспитания и радости юных лет, язык, нравы и обычаи, имущественные выгоды, все сие привязывает человека к его отечественной стране. А вера православная еще сильнее утверждает эту связь. Можно ли не любить Россию, которая так самобытно в духе православия сложилась, и чудотворно укрепилась в своем могуществе? Сколько над нею и в ней было знамений и чудес! Довольно произнести названия икон Казанской, Владимирской, Донской и Смоленской, чтобы живо представить вышний покров над отечеством нашим. Принадлежать сему православному государству есть наша честь, служить ему – наш верноподданнический долг, жить в нем – наше благо и счастье. Аминь.

7. Слово в день знамения Пресвятой Богородицы, 27-го ноября 1873 года

О ПОМОЩИ БЕДСТВУЮЩИМ ОТ НЕУРОЖАЯ

Что мне и тебе, жено? Не у прииде час мой. Иоан. 2:4.

Божия Матерь именуется «источником чудес»²²¹, «началом чудес Христовых»²²², потому что Спаситель, по ее просьбе, совершил свое первое чудо, о котором рассказав, евангелист заключает: **се сотвори начаток знамением Иисус в Кане Галилейстей** (Иоан. 2:11).

Там в семействе, знаемом Спасителю и Его пречистой Матери, был брак, на котором Он и Она по приглашению находились. На пиршестве недостало вина. Божия Матерь, не желая, чтобы часы веселия омрачились этим обстоятельством, сказала Сыну своему: **вина не имут**. Но Спаситель ответил предостережением: **что мне и тебе, жено? Не у прииде час мой**.

Сими словами Господь хотел показать, что Он все делает в свое предопределенное время, что Он имеет попечение о благе людей, а не об удовлетворении их прихотей, что чудеса должны быть совершаемы с подобающим достоинством относительно их цели и сопровождающих обстоятельств²²³. Хотя Господь из почтения к Своей пречистой Матери претворил воду в вино, и **яви славу свою**, тем не менее из сего случая можно заключить, что время и цель чудес сокрыты во глубине премудрости Божией; и не та только их причина, что по нуждам человеческим они желательны и по молитвам ожидаемы. Бог удаляет Свою охранительную десницу, и люди впадают в бедствия, чтобы познали свои грехи и исправились. Он попускает людям терпеть нужды, лишение средств жизни, чрез это внушая взаимные обязанности им и свидетелям их несчастий.

Есть в нашем отечестве области (их не нужно называть, об них теперь пишут, читают, говорят), есть места, где жители не только **вина не имут**, но, что сказать страшно, **хлеба не имут**; где не свадебные пиршества, но вопли алчущих и ужасы смерти голодной; где народ с отвращением хочет насыщаться тем, что составляет пищу животных, или совсем не удобно в снедь никакому живому существу; где, как некогда в палестинской пустыне, едва ли более пяти чистых хлебов, приходится на пять тысяч человек; где приставники народа недоумевают: **чим купим хлебы, да ядят сии** гладные; ибо для них и на большие деньги не довольно будет хлеба (Иоан. 6:5–7).

Слыша о голоде, терзающем многих наших соотечественников, быть

может, не одна христианская душа вздохнет и подумает: почему это Господь, неоднократно и чудесно насыщавший алчущих в пустыне, отвратил свою плодотворящую силу от некоторых мест родной страны нашей; почему медлит утешить страдальцев, между которыми множество, как древле в Ниневию, невинных младенцев, не умеющих отличить правой руки от левой (Ион. 4:11)? Или пресеклось ходатайство нашей «Заступницы усердной», которая, как веруем и воспеваем, «за всех молит Сына своего»²²⁴, и которая, по нежному к людям благоволению, не восхотела допустить, чтобы веселившиеся при Ней на браке в Кане были опечалены недостатком угощения? – Нет, и Матерь Божия ходатайствует, и Промысл Божий бдит над нами; но не все, совершающееся на земле, нашим разумом может быть постигнуто и изъяснено. Наше дело теперь не чудесного насыщения алчущих ожидать, а на себя более внимательно посмотреть, правы ли мы, не должники ли мы пред нашими соотечественниками, страдающими от голода?

Бедствия ближних служат пробным камнем нашего человеколюбия и сострадания. Зло не создано для того, чтобы являлись противоборники ему; но если оно существует, то наша общая обязанность там, где оно свирепствует, ослаблять силу его влияния. Потому нам и заповеданы дела милосердия, между которыми к важнейшим относятся подаяние милостыни, насыщение алчущих. Древний закон гласил: **Отверзая отверзи руце твои брату твоему нищему** (Втор. 15:11). Еще решительнее обязывает всех нас закон Христов: **будите милосерди** (Лук. 6:36), **дадите милостыню** (12:33). По свидетельству апостола Иоанна, тот недостойн любви Божией, кто **видит брата своего требующа, и затворяет сердце свое от него** (1Иоан. 3:17). Премудрый сын Сирахов, убеждая не медлить подаянием нищему (4:3), дает такое сильное предостережение: «Не оскорбляй души голодной (ст. 2); не лиши бедного жизни» (ст. 1). Опасность та, что от медлительности вспоможения голодный может прийти в совершенное изнурение и умереть. В этом же смысле **Василий Великий** замечает о жестокосердом: «Не стоит ли он, чтобы причислить его к лютым зверям, признать человекоубийцею? Каких наказаний заслуживает тот, кто жестокосерд к человеку голодному?»²²⁵ Ответственность за сие становится тем важнее, что как **милуяй нищаго взаим дает Богови** (Притч. 19:17), так равнодушный к алчущему не хочет напитать самого Христа. Посему и скажет Он таким людям на суде: **Взалкахся, и не дасте Ми ясти** (Матф. 25:42). Алчет же Он в лице бедных, не имеющих хлеба.

Если бы кто сказал: «мы своих нищих имеем, которые нас преследуют

всюду»; это не освобождает нас от обязанности помочь тем голодным, которых хоть не видим, но о мучительном положении которых несомненные получают сведения. Во времена апостольские, многие из палестинских христиан от гонений и других неблагоприятных обстоятельств пришли в нищету, а иные потерпели расхищение всего имущества (Евр. 10:34). Апостол Павел, проповедуя в разных странах, вменил себе в обязанность, чтобы помнить иерусалимских нищих (Гал. 2:10); во многих городах открывал сбор пожертвований, и сам приходил в Иерусалим, чтобы доставить собранные приношения бедствующему народу (Деян. 24:17); а в посланиях своих, убеждая продолжать этот сбор, поощрял к сему одних усердием других (2Кор. 8:1; 9:2). Так, пиша отдаленным Римлянам, он возбуждал и их, примером жителей Македонии и Ахаии, к пожертвованиям в пользу палестинских христиан (Римл. 15:26–29).

Этот опыт из жизни первых христиан да возбудит и нас к состраданию нашим, хотя и отдаленным, бедствующим соотечественникам. Да приносит каждый в их пользу, что может и захочет по расположению сердечному. Куда же принести? Как это исполнить? Очень не трудно. Каждый имеет духовного отца, или знакомого священника; ему и может вручить свое пожертвование, а тот, собрав приношения, отошлет по назначению.

Милуяй нищие блажен (Притч. 14:21). Даси алчущему хлеб, и душу смиренную насытиши, и слава Божия обьимет тя (Ис. 58:8–10). «Подаяние милостыни, как сказал святой Златоуст, уподобляет нас самому Богу. Это наипаче делает человека человеком»²²⁶. Аминь.

К III ОТДЕЛЕНИЮ

1. Слово в субботу мясопустную и в день трех святителей

СКОРОПОСТИЖНАЯ СМЕРТЬ

Или они осмнадцате, на нихже паде столп Силоамский, и поби их, мните ли, яко тии должнейши бяху паче всех живущих во Иерусалиме? Лук. 13:4.

В настоящую субботу совершается поминовение усопших. Сие учреждение так важно, что праздник трех святителей, прилучившийся ныне же, перенесен на иной день, и только там празднуется на своем числе, где он есть вместе храмовый праздник, как и в этой крестовой церкви²²⁷.

Особенность нынешнего поминовения – та, что положено святыми отцами творить память в сию мясопустную субботу и молиться о погибших в огне, в воде, под землю, и о всех нечаянною смертью скончавшихся²²⁸.

Постоянно ныне объявляются известия то об убитых, то утонувших, замерзших, сгоревших и иных несчастных, умирающих без христианского напутствия. Можно отсюда понять важность человеколюбивого учреждения церкви, назначившей особый день для поминовения сих несчастных, которых иногда и помянуть некому. Но вместе с тем нельзя не прийти к недоумению: почему многих постигает такая страшная смерть, неестественная и насильственная?

Обыкновенно смерть скоропостижную называют «напрасною». Это выражение, если принимать его в современном значении, не совсем точно. У Бога ничего не бывает напрасно. Какие же могут быть причины ее?

Не всегда грехи тех, которые так несчастно умирают. Упала некогда в Иерусалиме башня, и семнадцать человек убила. Спаситель, указав на это несчастье, спросил окружавших Его иудеев: «или вы думаете, что те осмнадцать человек виновнее были всех живущих в Иерусалиме?» Сим вопросом Он предупреждает и нас, чтобы мы не почитали как бы за отверженных Богом тех, которые умирают неестественною смертью: может она постигнуть человека, хотя и не безгрешного, но и не очень грешного, даже благочестивого. У родителей Василия Великого, кроме его, было четыре сына и пять дочерей. Он и два брата достигли архиерейского сана, и причислены были, как и две их сестры (Макрина и Феосвия), к лику святых. По этому одному можно судить о высоких достоинствах сего благочестивого семейства. Что же случилось? – Брат Василиев Навкратий,

еще молодой юноша, отправился в пустыню, чтобы жить у отшельников и помогать им в необходимых потребностях. Однажды он и друг его Хрисафий, лова для братии рыбу в реке, запутались в рыболовных сетях, и оба утонули²²⁹.

На подобные случаи неповинной смерти святой Златоуст дает такое объяснение: «Если увидишь, что праведник терпит злую кончину, не упадай духом, ибо ему несчастья уготовляют светлый венец. Бог наказывает некоторых на земле, чтобы облегчить им тамошнее наказание, или совсем освободить их от онога»²³⁰. Здесь прилично вспомнить об одном пустынноике, которого лев растерзал. Другой, знавший его жизнь, пришел в недоумение: какая же это справедливость, что живший неукоризненно и свято, подвергся такой лютой смерти? – В следующую ночь является ему ангел, и говорит: «этот, растерзанный зверем, имел один тайный грех, за который он просил себе наказание у Бога, и послал ему Господь такую кончину, ради совершенного очищения души его». Так праведные **еще пред лицом человеческим и муку примут, упование их бессмертия исполнено** (Пр. Сол. 3:4).

Между тем всегда гибель скоропостижно умирающих направляется Промыслом к вразумлению живых. Не отрицал Господь, что грешны те, которые башней были убиты; но их несчастьем призывал живых к покаянию: **еще не покаетесь, вси такжеде погибнете**. поелику же иерусалимляне не вразумились сим уроком, не исправились, во Христа не уверовали, а во время суда над Ним кричали: **кров Его на нас и на чадех наших** (Матф. 27:25): то и сбылось над ними Его предсказание. Все упорные в неверии иерусалимляне погибли, когда Иерусалим, как город мятежный, взят и разрушен был Римлянами²³¹. И в наше время, если иные умирают внезапно и насильственно, мы не должны думать, что мы безопасны, будто мы правы; напротив, Бог попускает около нас быть несчастным случаям, чтоб мы позаботились о своем исправлении. «Что же, спросишь, ужели иной погибает для того, чтобы я сделался лучшим? Нет, отвечает святой Златоуст, не для этого он наказывается, а за свой грех»²³².

Святой Василий Великий уподобляет Господа врачу, который, когда видит, что рана гниет и заражает, отнимает всю больную часть тела. Так Господь «останавливает неправду прежде, нежели разлилась она до безмерности. Поэтому бедствия, если с кем случаются, пресекают возрастание греха, и всенародные пороки уцеломудривает Он всенародными казнями. Отсюда землетрясения, кораблекрушения и истребление людей от воды, огня и других причин. Все сие имеет началом

чрезмерность греха»²³³. Точно также на вопрос: «от чего землетрясения и другие губительные явления», святой Григорий Богослов рассуждает: «то, что создано в удовольствие людям, обращается в наказание нечестивым, чтоб они познали силу Божию в злостраданиях, когда не хотели знать ее в благодетельных действиях. Бедственный конец злых людей останавливает стремление порока. Гнев Божий соразмеряется с грехами»²³⁴. «Пойдут», – говорит Премудрый, – «праволучные стрелы молниины, и яко от благокругла лука облаков на намерение полетят» (Прем. Сол. 5:21). То есть: как из лука стрела летит в цель, куда направляет ее стрелок; так губительные молнии упадают из тучи на те места, какие указывает им мановение Господне.

Однако же не все порочные скоропостижно умирают; иные, и злодействуя, долго живут. «Когда видишь», отвечает Златоуст, «что некоторые или при кораблекрушении погибли, или задавлены домом, или потонули в реке, или другим насильственным образом окончили жизнь, между тем как иные, или подобно им, или еще хуже грешат, однако остаются невредимы, не смущайся, и не говори: от чего это согрешающие одинаково не пострадали одинаково? Бог одному попускает быть убитым, облегчая тамошнее наказание ему, или пресекая греховность его, чтобы, продолжая жизнь нечестивую, не собирал большее на себя осуждение. А другому не попускает такой смерти, чтобы, наученный казнию первого, он сделался благонравнее. Если же вразумляемые не исправляются, виновен не Бог, а беспечность их»²³⁵.

Хотя словом Божиим и учением отцов несколько разъясняются общие причины насильственной смерти; но почему жребий этот падает на кого-либо именно, определить сие весьма затруднительно, и сколько на свете совершено убийств, тайна которых погребена в могиле убитых! Из этой таинственности судеб человеческих вытекают два нам внушения: первое, что будет суд всемирный, когда раскроется все, здесь не разгаданное, и последует полное всем воздаяние; в сей, конечно, уверенности церковь ныне молится о скоропостижно умерших, а завтра воспоминает страшный суд. Второе – то, что не наше дело судить, кто из отшедших больше грешен, и для кого молитва нужнее; а наша обязанность сливать наши воздыхания сердечные с гласом святой церкви, которая ныне взывала: «Яже покры вода, брань пожат, трус объят, убийцы убиша, огонь попали, снедь зверем бывшия, мразом измершия, имже попустил еси, Господи, внезапными падежми умрети, избави муки вечныя, и неосужденно предстати Тебе, Слове, в пришествии Твоем сподоби»²³⁶. Аминь.

К IV ОТДЕЛЕНИЮ

1. Слово по освящении храма во имя святой мученицы Надежды в Курском новоучрежденном доме призрения нищих

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Не бяхе бо нищъ ни един в них. Деян. 4:34.

Помещение это отныне получило сходство с тою горницею, где совершилась тайная вечеря и где на апостолов сошел Дух святой. **Тойжде Дух** освятил и сию храмину, чтобы совершилось в ней по чину евхаристическая вечеря.

Но при сходстве представляется и разность. В той горнице ни одного не было нищего; а это здание будет наполняться нищими.

Если однако ж вникнем глубже, то окажется, что наше общество стремится к той же цели, как и апостольское. От чего между первыми христианами ни одного нищего не было? От того, что они поспешили ввести у себя общественную благотворительность. Учреждая этот дом, наше общество конечно хочет не того, что бы только привести в известность, сколько у нас нищих, но того, чтобы в нашем городе уменьшилось их количество, и те, которые будут сюда собираемы, переставали быть нищими. А к сему вернейший способ есть общественная благотворительность, без которой не мог бы открыться и не может содержаться этот дом.

Нищенство не есть достоинство. Хотя умерший Лазарь, как изображено в притче, отнесен был ангелами на лоно Авраамово (Лук. 16:22); но не за нищету собственно, а за то, что терпеливо и благодаря Бога перенес свою горькую судьбу. Само же в себе нищенство есть язва общества, есть болезнь его. Чтобы лечить болезнь, надобно знать ее. Частному благотворителю не удобно разведывать, кто истинно нуждается и кто притворяется. Таким любопытством даже обижаются нищие, хотя для принятия и малого подаяния протягивать руку не стыдятся. Общественная благотворительность не смотрит на это. Ее, между прочим, задача преследовать тунеядство. Имея верные к сему средства, она смело входит в разбирательство, какие нищие действительно терпят нужду, и какие злоупотребляет своею нищетою. Такое разбирательство совершенно согласно с духом и направлением древней христианской благотворительности. Апостол Павел против ничего не делающих принимал меры, чтоб они, если и питаются подаянием, не предавались

праздности и трудились, кто как может (1Сол. 4:11, 2Сол. 3:12)²³⁷. И в первом обществе христианском не допускалось, чтоб из собираемых пожертвований всякий брал, сколько хотел, но давалось каждому, в чем кто имел нужду (Деян. 4:35). К сему приставлены были особые распорядители.

Благотворительность общественная, узнавая нужды нищих, лучше, нежели частная, удовлетворяет их. Представим город, стоящий на безводном месте и запасающийся одною дождевою водой. Какая ему польза, если пройдет дождь, который только смочит крыши и оросит немного землю? Но когда идет дождь продолжительный и сильный, наполняются водоемы, из которых жители долгое время удовлетворяют свои домашние потребности. Раздаяние милостыни по рукам есть дождь мелкий и прерывающийся. Слияние же пожертвований в один состав постоянно и лучше удовлетворяет нужды призреваемых. Сим способом общественная благотворительность, действуя не кратковременно, а даже чрез столетия, не только питает алчущих и одевает нагих, но упокоивает их в теплых и удобных помещениях, врачует больных, исправляет погибших, дает помощь честному труду, образовывает и учит юных, воспитывает целые поколения.

Правда, многие любят благотворить самолично; им хотелось бы, по примеру Иова, быть очами для слепых и ногами для хромых (Иов. 29:15), осушать слезы горести, или превращать их в слезы благодарности. Но спрашивается: что же, или кто этому мешает? Сколько бы общественная благотворительность ни построила щепитательных домов, будут еще оставаться бедные, и непреложно слово Христово: **нищие всегда имате с собою** (Матф. 26:11). В первом малом обществе христианском не было нищих, а в Иерусалиме они не переставали встречаться. Тогда же апостол Петр, идя в храм, вынужден был сказать хромому, просившему у него милостыню: **сребра и злата несть у мене** (Деян. 3:6). Всегда можно найти бедных, только было бы усердие помогать им. Но помогая им, еще более мы должны содействовать общественной благотворительности. Достоинство дел христианского милосердия в том и состоит, чтоб они были далеки от побуждений не только тщеславия, но и самоуслаждения. Этот собственно смысл и имеет предостережение Спасителя: «благотвори так, чтобы не ведала твоя рука левая, что делает правая» (Матф. 6:3). А к сему преимущественно и клонится общественная благотворительность; кто в ней участвует, тот сам не знает, кому дает, слепому или хромому, старому или молодому. Все делается ради Христа, и обещана награда от Христа (Лук. 12:33). Сила сего обещания так велика, что бывали случаи,

когда состояние людей богатых, без их даже ведома чрез другие руки расточаемое на дела человеколюбия, приносило пользу их душе, обращалось к их спасению. Апостол Фома проповедовал в Индии. Один из тамошних владетелей захотел иметь дворец, какой у римских кесарей, и искал, кто бы мог ему построить такое здание. Ему сказали, что Фома искусный зодчий. Он призывает апостола, предлагает ему это поручение, и когда тот не отказался, дает ему много золота, а сам на долгое время отправляется в другие свои области. Апостол Фома не замедлил раздать сие золото бедствующим и неимущим. О сем его поступке царь был предупрежден, и возвратившись, спросил: «готов ли дом?». Тот отвечал: «готов, только не на земле, а на небе». Вместо того, чтобы потребовать объяснения, властелин принял эти слова за насмешку и заключил Фому в темницу. Пока он в следующие дни придумывал, какую бы более лютою казнию замучить строителя, страшно разболелся князь, родной брат его, и впал в продолжительный обморок. В состоянии обмирания, он, однако, сознавал, как душа его отделилась от тела, и добрый дух понес ее к небу. Там были ей показаны различные светлые палаты, и одна из них прекрасней всех. На вопрос, кому принадлежит чертог этот, проводник сказал восхищенной душе: «этот дом построил брату твоему зодчий Фома». А на ее желание остаться в нем, он присовокупил: «если не пожалеешь своего имущества, и попросишь Фому, он и тебе такой построит». Видение кончилось; больной пришел в себя; рассказал брату, что видел и слышал; апостол Фома тотчас был освобожден, наставил обоих в христианской вере, крестил их, и они в своих владениях сделались распространителями евангельской благотворительности *).

Такие сказания наводят на размышление. Если будет вечная жизнь; то нужно приготовить что-нибудь для нее. Благотворительность – самый надежный способ приготовления: **милостыня от смерти вечной избавляет, и не оставляет идти во тму (Тов. 4:10); ибо тая очищает всякий грех (12:9)**. А что будет жизнь за гробом, можно ли быть православным, и в этом сомневаться? Разве для приличия и притворно каждый из нас привык произносить: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века»? Аминь.

2. Слово по освящении теплого храма

ДУХОВНОЕ ГОРЕНИЕ

Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою. Псал. 140:2.

Теплые церкви, как и эта, устраиваются для того, чтобы теплее было молиться. Но каменные стены и в теплом храме холодны. Так сердце человеческое и в церкви теплой может оставаться холодным, как камень.

Чтобы при церковном богослужении согревалось и не охладевало сердце наше, об этом мы сами должны заботиться.

Каждодневно на вечерни поется: **Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою.** Все, слышащие это пение, должны разделять желание, чтобы их молитва горела и возносилась, как горит в кадиле ладан и поднимается фимиам. Но от чего поднимается это благовонное курение? От того, что в кадиле есть огонь. Если нет в нем огня, то не будет и дыма, и кадило тогда не соответствует своей священной цели. Так и молитва наша не пойдет высоко, если нет в сердце духовного горения; а чтоб оно возгорелось, это зависит от нас самих. Есть мысли и чувствования, которые, как горящие угли в кадиле, возжигают в сердце фимиам молитвы.

Кто ходит в храм, должен помыслить, куда он пришел. Здесь таинственное жилище Божие. Сам Господь на престоле присутствует в святых мощах и святых тайнах. Сам Он приходит заклатися, и тогда совершается Евхаристия. Здесь силы небесные с нами невидимо служат, и взирают на всех предстоящих. Не восчувствует ли страх и умиление тот, кто все это живо в своем воображении представит? Если б кто поднял был вдруг на небеса, и там увидел праведников и ангелов, и самого Господа во славе; невольно бы пришел в удивление и восторг. А храм есть духовное небо: «в храме стояще славы Твоя, на небеси стояти мним». И действительно люди, к себе и ко всему, совершаемому здесь, внимательные, в таком умилении бывают, что забывают, на небе ли они находятся, или на земле. Они молятся так оживленно и благоговейно, как бы телесными очами взирали на Господа. Если же нет благоговения и умиления, то и нет настоящей молитвы. Идут иные в церковь, как в обыкновенное место собрания, где видятся с знакомыми, и в ней разговаривают, даже смеются; или если и молча стоят, то блуждают мыслями там, где привыкли быть для дел житейских и для греховных увеселений.

При такой рассеянности не может быть и памяти о своей греховности. А это есть весьма важный недостаток. Сознание виновности есть само в

себе чувство возбуждающее, выводящее душу из холодного огрубения. Кто вспоминает грехи свои, тот жалеет о них, раскаивается в них, ищет прощения и помилования; тогда, по мере горения сердечного, согревается и молитва. Мытарь, то есть бывший сборщик податей, не мало грешивший по этой должности, тотчас как вошел в церковь, почувствовал сердечное сокрушение о грехах своих, и от того молитва его так воспламенилась, что он, бия себя в грудь, повторял сие трогательное прошение: **Боже, милостив буди ми грешному** (Лук. 18:13).

Царь Давид свидетельствует о себе, как воспламенялась молитва его, когда он вспоминал свою немощь и греховность. «Согрелось сердце мое во мне, и стал я говорить языком моим: надежда моя на Тебя. От всех беззаконий моих избавь меня. **Услыши молитву мою, Господи. Слез моих не премолчи** (Псал. 38:4, 8, 9, 13).

В новозаветном Писании указаны нам примеры, с каким одушевлением верующие молились в храме. Пишется в Евангелии, что когда Захария совершал каждение, то **все множество людей бе молитву дея** (Лук. 1:10). По вознесении Спасителя общество верующих пребывало в Сионской горнице, и сии **все единодушно бяху терпяще в молитве и молении** (Деян. 1:14). **Да не малодушествуем и мы в молитве своей** (Сир. 7:10), **бодрствующе в ней** (Кол. 4:2) и **духом горяще** (Римл. 12:14).
Аминь.

К VI ОТДЕЛЕНИЮ

1. Слово об уходящих из церкви преждевременно

Не оставляюще свою собрания, яко же есть неким обычай. Евр. 10:25

Надобно отдать справедливость жителям здешнего²³⁸ города: очень многие из них по первому звуку благовеста спешат к церковной службе. Но вопрос в том, все ли пришедшие остаются до конца ее. Увы, еще нет и половины обедни, еще не начиналась литургия верных, а иные верные, как в древности оглашенные, уже выходят из храма, иногда несколько вдруг. Это делается так легко и не стыдливо, что как будто и не считается грехом.

Нет, по общепринятым обычаям и правилам приличия можно заключить, как предосудительно прежде времени выходить из церкви. Только с гульбища народ уходит, когда кто хочет. Если же в какое увеселительное место пропускают за деньги, то многие посетители даже потому не пойдут оттуда скоро, чтоб не пропала даром плата. А когда кто зван на вечерю, иногда против желания остается до конца ее, чтобы не опечалить гостеприимного хозяина. Также и из общественного собрания, если б кто, быв туда приглашен, удалился без причины и по произволу, это признано было бы поступком невежественным и для сочленов оскорбительным. Или в сравнении с учреждениями увеселительными и гражданскими действия богослужебные менее важны, чтобы считалось позволительным не дожидаться их окончания? Или находящийся в храме пользуется теми же правами, как и на гульбище, откуда уходить никому не возбраняется?

Мы, как христиане, и еще православные, не должны пренебрегать тем, что внушает нам закон священный. «Не оставляйте своего собрания», – напоминает нам апостол. Как самые первые христиане усердно пребывали в своих богослужебных собраниях, свидетельствует Лука дееписатель: **Все веровавшии бяху вкупе, по вся дни терпяще единодушно в церкви** (Деян. 2:44–46). Когда апостол Павел в Троаде собрал в ночное время верующих для преломления хлеба и очень долго беседовал с ними, некто юноша Евтих, почувствовал дремоту, но не вышел из горницы, и, сев на окне, заснул (Деян. 20:9). Этот случай показывает, что и те старались не оставлять молитвенной храмины, кого клонило ко сну. С умножением христиан стали появляться и нерадивые; некоторые из них взяли себе в обычай уходить прежде времени из церковного собрания. Против них апостолы, когда не помогли на поминания, восстали силой своей власти, и положили правило: «Всех верных, входящих в церковь, но не пребывающих на молитве до конца, яко бесчиние в церкви производящих,

отлучати должно от общения церковнаго»²³⁹.

Иной, никогда не слышавший, что есть такое правило, подумает, почему апостолы назначили строгое взыскание за преждевременный выход из церкви? Какое же в этом поступке бесчиние? – Бесчинство заключается в том, что выходящие своим неожиданным, иногда стремительным и нескромным прохождением чрез церковь, беспокоят остающихся в ней, развлекают их молитву, и таким поведением своим соблазняют их; а соблазн – великий грех (Матф. 18:6–7). Бесчинство оказывается в том, что выходящие стуком своей обуви и дверей, и шумом походки несколько препятствуют внимности чтения и стройности пения. Наконец, безвременный выход из храма потому есть бесчиние, что выражает неуважение к богослужебным действиям. Кто, например, придет к литургии, без достаточного повода уходит прежде совершения евхаристии, о том, конечно, нельзя предположить, что он проникнут должным благоговением к сему таинству.

В извинение выходящих обыкновенно и говорят, что могут быть уважительные и достаточные причины, которые их из церкви вызывают. Какие же? – Если внезапные беды в доме, то такие случаи по милости Божией редки. Если болезненные припадки, то закон церковный больных не осуждает. Но можно ли указывать на домашние несчастья и болезненные припадки, когда большею частью выходят одни и те же, как будто обратили себе это в обычай, и что особенно примечательно, малые дети, слабые женщины прилежнее службу слушают, нежели мужчины, которые чаще ее оставляют. Быть может, она мешает хозяйственным и торговым занятиям? Но в предотвращение сего закон гражданский воспрещает торговлю и некоторые работы во время праздничной литургии²⁴⁰. И кто может ожидать благословения свыше на те свои дела, для которых оставляет недослушанную церковную службу? – Другие, чтоб успокоить совесть, ставят пред иконами свечи, и сами выходят из храма. Не касается ли их упрек Спасителя, направленный против лицемеров: яко одесятствуете мятву, копр и кмин, и оставите вящшая закона (Матф. 23:23)? Кому же неизвестно, что это есть одна из важнейших заповедей закона: «день седьмой, день праздничный Господу Богу твоему?» Кто что делает и несколько успевает во время оставляемой им важнейшей части литургии, то оценить предоставляется его собственной совести; но от каких страшных опасностей избавить может слушание до конца Божественной службы, о том в кратких словах любопытную расскажем повесть. Одним вельможей был куплен в рабство юноша, которому отец его дал заповедь: «Если в церкви поют службу, войди туда и не выходи,

пока не кончат». Этого юношу возненавидела жена вельможи за то, что он случайно узнал об ее предосудительных отношениях к другому слуге, и сказала мужу: «Твой новокупленный раб замышляет на твою жизнь: не уничтожить ли его прежде?» По восточному обычаю, судьба раба была в воле его властителя. Господин его дал полную веру клевете жены, и условился с епархом: «Я пришлю к тебе слугу с покрывалом; а ты прикажи в этом покрывале прислать мне его голову с другим моим слугою, которого я вслед за тем пошлю». Пошел юноша к епарху, не зная, что обречен на смерть. Но, идя мимо церкви, услышал пение, зашел туда, и стал назади до окончания службы. Госпожа, кипя гневом, поспешила послать своего любимца, в надежде получить поскорее голову ненавистного раба. Проходя мимо церкви, тот увидел его, и подошел к нему. Оказалось, что они оба не знали, зачем в одно и то же место посланы; только стоявший в церкви сказал вновь посланному: «Иди ты с покрывалом; а я приду после службы». Тот пошел, и тотчас меченосец его обезглавил. Как ни были жестоки их господа, а когда дело объяснилось, пришли в умиление, и прославили Бога. Конечно, не повторится у нас такой случай; не отнимут голову у того, кто в церковь не ходит, или из нее уходит. Но над ним неизбежно тяготеет суд совести, суд церковный, суд Божий за легкомысленное пренебрежение к богослужению. Кто и каким ныне связан рабством, чтоб не мог выслушать праздничную службу, ныне, когда даже и о прислуге говорят, что нельзя ее в праздник удержать дома, если захочет дать себе отдых или развлечение?

Да не оставляют же приходящие во храм своего собрания до конца богослужения. Не спокойнее ли для молящихся тогда выйти из храма, когда на всех от ходящих будет призвано сие напутственное благословение: «Христос истинный Бог наш помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец». Аминь.

2. Слово пред присягою Курского дворянства для избрания в должности, 17-го января 1875 года

О ДВОРЯНСКИХ ВЫБОРАХ

Ему же дано будет много, много взыщется от него. Лук. 12:48.

Когда в крестьянском сословии бывают неудачны выборы на должности, обыкновенно это приписывается недостатку образования, который препятствует избирателям понять важность общественной службы.

Следственно наоборот, когда приступают к избранию на должности люди образованные, надобно ожидать, что будут избраны лица, вполне способные, опытные и полезные.

Так ли это на деле, вернее могут решать те, которые ближе к производству выборов стоят, или сами в них участвуют. А на сем священном месте долг правды требует объяснить, почему от людей просвещенных общество в праве ожидать безупречного и удачного выбора лиц на должности.

Образованность есть великое приобретение, но и не малую влечет за собою ответственность. Что легко прощается невежде, то ставится в порок образованному. Если простолюдин нарушит приличие, это никого не удивит и разве на чьих-нибудь устах вызовет улыбку. Но если человек, получивший воспитание, поступит против правил чести и приличия, это покажется не терпимым и может угрожать ему печальной развязкой. Такой порядок ответственности утверждается и законом евангельским. «Кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут». Не одни дары благодатные и должности церковные здесь подразумеваются, но и все, что человек получает и чем пользуется в этой жизни, внешние блага, права происхождения, дарования душевные, разносторонние сведения, приобретаемые воспитанием и опытом, значение в обществе. Когда кто делается известен своими способностями, познаниями, силою слова, предусмотрительностью и неподкупною честностью в действиях, влиянием на других; тогда и общество, и правительство в праве от него требовать чего-нибудь большего, нежели от граждан простых. Почему, например, сословие, по родовым правам благородное, в ряду прочих сословий высшее, ныне призвано к наблюдению за народным образованием, к содействию его успехам? Без сомнения потому, что это сословие наполняют люди более просвещенные, которые по своему опыту должны понимать силу и цену истинного

просвещения, ближе могут знать намерения правительства, дальновиднее обсуждать пользы отечества, и сильное имеют влияние на соотечественников. Посему и от здешних образованных избирателей ожидается, что они изберут деятелей, ко всему этому вполне способных.

Можно бы заключать, что если и избиратели, и избираемые принадлежат к разряду людей образованных, то кого бы ни избрали, не будет ошибки, так как образованность избранного есть признак его достоинства. Но такое заключение подлежит ограничениям. Не всякий ко всему способен, и глубоко ученый может быть неудовлетворительным учителем. Апостол делает различие и между христианскими учителями. Основание для всех одно, которое есть Иисус Христос. Но один на этом основании возводит здание из золота, серебра, драгоценных камней, а другие из дерева, сена, соломы (1Кор. 3:11–13). Так не все люди образованные обещают быть искусными строителями, блюстителями и споспешниками просвещения. И у образованного иногда бывают свои личные убеждения, вводящие его в односторонность умозаключений. Иной рассуждает, что грамотность простолюдину вовсе не нужна: земледелие и ремесло – вот его призвание. Но разве позволительно с намерением осуждать и одного человека, не только целое сословие, на безграмотность и невежество? Разве владеющий пером не может двигать плугом? Разве ремесленник не должен брать в руки книгу, когда свободен от труда? А сколько раздражения в спорах о том, какому виду образования отдать предпочтение? Апостол Павел ученику своему Тимофею советовал удаляться от учащих не **по благоверию**, зараженных страстью к состязаниям и словопрениям: ибо отсюда рождаются распри, подозрения и пустые споры (1Тим. 6:3–5). Не тот ревнитель просвещения, кто запальчиво о нем разглагольствует, но тот, кто на деле ему содействует. Тем первым может быть предложена честь наблюдения за народным образованием, которые уверены и открыто говорят, что это образование должно идти в союзе с верой православной и под ее покровом, что оно должно отводить народ от дурных обычаев и воздержания, внушать ему уважение правительству, к закону, к гражданскому праву и к правам собственности. Тот преимущественно достоин быть впереди других и за собою вести других по пути государственного благоустройства, кто смотрит на должность не как на украшение должностного лица, а как на поприще труда и некоторого самопожертвования, и кто на деле показал свое рвание о пользе общественной. Просвещенные избиратели должны и могут рассудить, какие лица из их сонма более удовлетворяют сим условиям избрания, и потому ответственны за достоинство избираемых.

Изберите мужи мудры и уметельны и смысленны в племенах ваших (Исх.
1:13). Аминь.

Примечания

- ¹ - Беседа на псал. 33. Часть I, стр. 296.
- ² - Вел. веч. на Господи воззв., стихир. 6
- ³ - Служб. 8 нояб., втор. кан., песн. 5, троп. 3.
- ⁴ - Троп. на усекн. гл.
- ⁵ - Твор., ч. IV, стр. 365.
- ⁶ - Чин. пом. 29 авг., лист. 13.
- ⁷ - В чине помин. кан. песн. 4, троп. 2.
- ⁸ - О свящ. кн. II, стр. 60.
- ⁹ - Твор. Гр. Бог. ч. III, стр. 270, 279.
- ¹⁰ - Служебн. праздн. стих. на лит. 2.
- ¹¹ - Ноября 30, стихир. на стих. 1, и Чет.-Мин.
- ¹² - Злат. на посл. к Эф., бес. 11.
- ¹³ - Сказано в 1883 году.
- ¹⁴ - Григ. Богосл. в похвальном слове ему.
- ¹⁵ - Твор. Гр. Бог. Ч IV, стр. 105.
- ¹⁶ - Об отц. Ц. том. II, стр. 133.
- ¹⁷ - У Метафраста.
- ¹⁸ - Троп. Святит.
- ¹⁹ - Троп. праздн.
- ²⁰ - Тв. Гр. Богосл. ч. I, стр. 46–47.
- ²¹ - Луг. дух. Гл. 128.
- ²² - Варсон. вопр. 411 и 412.
- ²³ - Тв. Гр. Бог. Том I, стр. 264.
- ²⁴ - Чет.-Мин. 13 ноября.
- ²⁵ - Пр. 72 и 83.
- ²⁶ - Прав. 61.
- ²⁷ - Варс. вопр. 762.
- ²⁸ - Гр. Бог. Тв., ч. IV, стр. 73.
- ²⁹ - О свящ. сл. I.
- ³⁰ - Сл. 2.
- ³¹ - Твор., ч. VII, стр. 193.
- ³² - Стр. 138, 139.

- 33 - Тв., ч. III, стр. 177.
- 34 - Палл., стр. 97–100.
- 35 - Чет.-Мин. 30 января.
- 36 - Жизн. И. Злат., изд., 1860г., стр. 438 и 439.
- 37 - Твор. Григ. Бог. Ч. I, стр. 264.
- 38 - Твор. Вас. Вел. ч. VI, стр. 19 и 30.
- 39 - Сказ. о подв. отц., стр. 339.
- 40 - На Матф., ч. II, стр. 44.
- 41 - Твор. Вас. Вел., ч. VII, стр. 266, 267.
- 42 - Том. I, стр. 230.
- 43 - Чет.-Мин. 25 янв.
- 44 - Чет.-Мин. 13 ноября.
- 45 - Жит. В. В. 1 янв.
- 46 - Толк. на посл. к Римл., стр. 544.
- 47 - Слов. о мир е. Т. I, стр. 237.
- 48 - Бес. на разн. мест. Пис. т. III, стр. 416, 417, 419.
- 49 - Троп. Гр. Бог.
- 50 - Троп. Вас. Вел.
- 51 - Слово сказано в церкви Кишиневской семинарии
- 52 - Твор. Гр. Бог. 1, 221.
- 53 - О свящ. стр. 99.
- 54 - Твор. IV, 351.
- 55 - На 2 Тим. Бес. 5, 2.
- 56 - Твор. Вас. Вел. ч. V, 226.
- 57 - На Еф. 14, 3.
- 58 - О свящ. 96, 110.
- 59 - Твор. ч. VI, стр. 11.
- 60 - Твор. ч. IV, 349.
- 61 - Твор. ч. V, 307.
- 62 - ч. II, 154.
- 63 - Сказано в церкви Кишиневской семинарии.
- 64 - Злат. о свящ. стр. 107.
- 65 - Твор. ч. II, стр. 114.
- 66 - Бес. на 1-е посл. к Тим. 5:1.

- 67 - Бес. 13, 1.
68 - Твор., ч. III, стр. 455.
69 - На 1 Тим., бес. 5, 1.
70 - Твор., ч. I, стр. 21.
71 - Твор., ч. III, стр. 52.
72 - Твор., ч. V, стр. 451.
73 - IV, 37.
74 - VI, 311.
75 - Сказано в Кишиневской семинарской церкви.
76 - Часть V, стр. 153.
77 - VII в. Соб., прав. 2. см. изъясн. Зонар.
78 - Часть III, стр. 152.
79 - Гр. Бог., ч. II, стр. 248.
80 - Часть I, стр. 73.
81 - Гр. Бог., ч. I, стр. 62.
82 - О свящ., стр. 107.
83 - На 1 посл. к Тим., бес. 10.
84 - О свящ., стр. 51.
85 - Ч. III, стр. 172.
86 - Ч. IV, стр. 280.
87 - Злат. о свящ., стр. 45.
88 - Неокес. 11. Карфаг. 22. VI всел. 14, 15.
89 - Злат. о свящ., стр. 77. – Гр. Бог. IV, стр. 83.
90 - Часть I, стр. 72, 80.
91 - Злат. о свящ., стр. 45.
92 - Луг. дух., гл. 195. Чет.-Мин. иануар. 18.
93 - Часть I, стр. 61.
94 - Тв. Гр. Бог., ч. IV, стр. 104.
95 - Твор., ч. II, стр. 306, 309.
96 - Твор., ч. IV, стр. 281.
97 - Бес. на разн. случ. Т. II, стр. 528.
98 - Ч. III, стр. 297.
99 - О свящ. в руссык. цер., стр. 60.
100 - Апост. пр. 44. I в. соб. 17. VI в. 9. Апост. 6.

- 101 - Прав. 90. Твор., ч. VI, стр. 146.
- 102 - Часть I, стр. 21.
- 103 - На 1 посл. к Кор., ч. 1, стр. 376, 397.
- 104 - Шест. всел. соб., пр. 99
- 105 - Часть VI, стр. 51.
- 106 - Прол. 22 июля.
- 107 - Твор., часть. III, стр. 287.
- 108 - Стих. в день Богоявл. на водоосв. слав.
- 109 - Луг. дух., гл. I и III.
- 110 - Кн. 2, Ис. 246.
- 111 - Гл. 107.
- 112 - Толк. на 2-е посл. к Кор., стр. 383.
- 113 - Чет.-Мин. 6 декабря.
- 114 - Дост. Скал., стр. 211.
- 115 - Приб. к тв. Св. О., ч. XXI, стр. 216.
- 116 - Лавс., гл. 34.
- 117 - Луг., гл. 151.
- 118 - Варс., в. 257.
- 119 - Кан. Преобр., ирм. 4.
- 120 - Тв. Ис. Часть II, стр. 34. Пис. 36.
- 121 - Вел. кан., песнь 9.
- 122 - На Матф. беседа 8.
- 123 - Ист. пр. мон. проф. Каз., ч. I, стр. 263.
- 124 - Сл. об удал. от мира.
- 125 - Ис. Сир.
- 126 - Соб. кн. IV, гл. 57.
- 127 - Акаф. свят. Ник., конд. перв.
- 128 - Служ. 9 мая, стихир. на хвал. слав.
- 129 - Служб. на Возн., стихир. на Госп. воззв. слав.
- 130 - О свящ. Кн. III, гл. 3.
- 131 - Соб. Кн. III, гл. 30.
- 132 - Авв. Агаф. Дост. ск., стр. 35.
- 133 - Авв. Ксанф. Дост. сказ.
- 134 - Мол. 3.

- 135 - Синанс. в пон. Св. Д.
- 136 - Чин. обновл. храма, стихир. на хвал. слав.
- 137 - Бес. 4 на Евангелие.
- 138 - Дост. Сказ., стр. 186.
- 139 - На литург. заамвон. мол.
- 140 - Твор. Григ. Бог. Часть II, стр. 108–109.
- 141 - Стих. на хв. Слав.
- 142 - Чет.-Мин. 1 апр.
- 143 - Чет. Мин. 26 окт.
- 144 - Варсануф. вопр. 71 стр. 75.
- 145 - Тв. Ч. IV, стр. 33.
- 146 - Луг. дух., гл. 4.
- 147 - Чет.-Мин. 6 сент.
- 148 - Произнесено в 1870 году.
- 149 - Чет.-Мин. 9-го сентября.
- 150 - Твор. Вас. В. Часть V, стр. 384, 388.
- 151 - Веч. мол. 7-я, Злат.
- 152 - В местечке, где сказано это слово, было дело о прославлении иконы, принесенной из Иерусалима. В ящике, имевшем вид гробика, положено было изображение Успения Богоматери и носимо было по домам. Вещь была отобрана в кафедральную ризницу, и обстоятельство это указало предмет для проповеди.
- 153 - Указ. 1722 г. 21 и 24 февр. – Св. зак., том XIV, уст. о прес. прест., ст. 41.
- 154 - Чет.-Мин. 9-го мая.
- 155 - Служб. воскр., перв. гл., ирм. 9 песнь.
- 156 - Догм., втор. гл.
- 157 - Григ. Писск. в сл. на Рожд. Хр.
- 158 - Говорено в Курской епархии.
- 159 - Говорено в Курской епархии.
- 160 - Вас. Вел. ч. I, стр. 11, 12.
- 161 - Уст. дух. сем. § 1.
- 162 - Шест. всел. соб, прав. 59.
- 163 - Мол. в чине мал. осв. воды.
- 164 - На посл. к Римл. бес. 33, стр. 557–9.

- 165 - Чин. кор., стр. 35.
166 - Чин. кор., стр. 28.
167 - Песн. 7, троп. 2.
168 - На Госп. воззв, стихир. 4.
169 - Варс., отв. 58 и 702.
170 - Отв. 740.
171 - Посл. к Ефес., гл. 2.
172 - Варс. отв. 579. Игн. Бог. посл. к Еф.
173 - Свод. зак. т. IX. ч. 1, кн. 1, ст. 28.
174 - Когда настоящее собрание слов и речей

Высокопреосвященнейшего Архиепископа Сергия было закончено печатанием; то, по проверке, оказалось, что некоторые из поучений Архипастыря, напечатанных в «Душеполезном Чтении» за разные годы, не вошли в состав сборника. Оказалось необходимым в новом отделении восполнить недостающее. Издат.

- 175 - Чет.-Мин. Сказ. 2 февраля.
176 - Св. зак. т. XIV. О прес прест. разд. 1, гл. 1. ст. Т. XV. Улож. о наказ. ст. 249. – Суд. уст. о наказ. гл. 3, отд. 1, ст. 35.
177 - На 1 Кор. бес. 37. На 1 Тим. бес. 9.
178 - Блаж. Феоф. толк. на 1 Кор. в русск. пер. ст. 190.
179 - Злат. о свящ. кн. 3, гл. 4.
180 - Ис. Сир. сл. 42, стр. 221.
181 - Чет.-Минеи 25 декабря.
182 - Чет.-Мин. 2 февраля.
183 - Луг. дух. глав. 8.
184 - 30 генв., стих. на стих. «и ныне».
185 - Месяц. в след. Псалт. 3 февр.
186 - Прав. 169.
187 - Матфей Властарь. См. Нов. Скриж. Ч. II, гл. IX, § 13.
188 - Сл. Срет. стихир. на стих. 1.
189 - Срет. на хвал. стих. 1.
190 - Патер. печ., лист. 210.
191 - Мол. трет.
192 - Собес. о жизн. Ит. отц., стр. 327, 328, 331.
193 - Молитва на освящ. ваий.

- 194 - Исидор Пелус. Дост. сказ, стр. 110.
- 195 - Твор. Григ. Бог. т. I, стр. 32.
- 196 - На посл. к Евр. Бес. 4, стр. 73–74.
- 197 - В вел. понед. на Госп. воззв., стихир. перв.
- 198 - Твор. Григ. Бог. ч. III, стр. 315.
- 199 - Слов. на разн. случ. Том. II, стр. 111.
- 200 - Варсон., отв. 104.
- 201 - По повелению царя Дометиана. Чет.-Мин. 26 сент.
- 202 - См. Чет.-Мин. на 6 декабря.
- 203 - Злат. на Матф., бес. 5.
- 204 - Книга Правил Догм. св. отц. 7-го всел. соб.
- 205 - Твор. Гр. Бог., ч. III, стр. 287.
- 206 - На посл. к Еф., бес. 21
- 207 - Григ. Бог., ч. I, стр. 62.
- 208 - Пост. апост., кн. VIII, гл. 13.
- 209 - Злат. на 1 посл. к Кор., бес. 36, стр. 290–291.
- 210 - Злат. на посл. к Еф., бес. 21, стр. 358.
- 211 - Тв. Гр. Бог. част. II, стр. 308.
- 212 - Прип. на 9-й песни кан.
- 213 - Троп. на Обрез.
- 214 - Анаст. ант. в сл. на Благов.
- 215 - Стихир. на вел. понед.
- 216 - Самогл. в пят. перв. нед. на утр.
- 217 - Синаксарий часть II, лист. 33 под 25 марта.
- 218 - В слове на Успение Пресвятой Богородицы.
- 219 - Служ. Усп. на лит., 1 стих.
- 220 - Икос. в службе предпр. Усп.
- 221 - Троп. Знам. пр. Богор.
- 222 - Акаф. пр. Богор. икос. 2.
- 223 - Злат. на Иоан. бес. 21, стр. 258 и бес. 22, стр. 263.
- 224 - Троп. Каз. ик. Бож. М.
- 225 - Твор. В. В. част. II, стр. 136.
- 226 - На 2-е посл. к Кор. бес. 16, стр. 360.
- 227 - Уст. церк., гл. 14 и Марковы главы.

228 - Синакс. в субб. мясоп.

229 - Григ. Бог. в надгр. слове Навкратию, и Григ. Нисск. в кн. о жизни

Макрины.

230 - О Лаз. бес. III, § 9.

231 - Феофил. Благовестн. на Ев. Лук., гл. 13.

232 - О Лаз. III, 9.

233 - Твор. Вас. В., ч. IV, стр. 144, 150, 146.

234 - Твор. Гр. Бог. ч. II, стр. 51, 36, 50

235 - О Лаз. III, 9.

236 - Кан. субб. мясоп., песнь 1, 3, 5 и 9.

237 - Злат. на 2 посл. к Сол, стр. 73.

238 - Произнесено в Курском Знаменском соборе.

239 - Правило св. апостол девятое.

240 - Свод. зак. Том. XIV. Уст. о предупр. прест. ст. 16 и 29.

Содержание

Собрание слов. Том II митрополит Сергей (Ляпидевский)	1
Отделение III. Слова на дни святых	2
1. Слово в день святого Архистратига Михаила	3
2. Слово в день пророка Илии	6
3. Слово в день рождения Иоанна Крестителя	8
4. Слово в день усекновения главы Иоанна Крестителя	10
5. Слово в день апостолов Петра и Павла. (Первое)	12
6. Слово в день святых апостолов Петра и Павла. (Второе)	14
7. Слово в день апостола Андрея Первозванного	16
8. Слово в день святителя и чудотворца Николая ¹³	18
9. Слово в день трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. (Первое)	21
10. Слово в день трех святителей. (Второе)	24
11. Слово в день трех святителей. (Третье)	26
12. Слово в день трех святителей. (Четвертое)	29
13. Слово в день трех святителей. (Пятое)	32
14. Слово в день трех святителей. (Шестое)	36
15. Слово в день трех святителей. (Седьмое)	39
16. Слово в день трех святителей. (Восьмое)	42
17. Слово в день трех вселенских святителей. (Девятое)	45
18. Слово в день трех святителей. (Десятое)	47
19. Слово в день трех святителей. (Одиннадцатое)	50
20. Слово в день трех святителей. (Двенадцатое)	53
21. Слово в день трех святителей. (Тринадцатое)	56
22. Слово в день трех святителей. (Четырнадцатое)	59
23. Слово в день трех святителей. (Пятнадцатое)	62
24. Слово в день Марии Магдалины	65
Отделение IV. Слова на освящение храмов	67
1. Слово по освящении храма Иоанна Предтечи, в Путивльском монастыре	68
2. Слово по освящении соборного храма Рождества Пресвятой Богородицы в Глинской пустыне	71
3. Слово по освящении придельного храма в соборе Глинской пустыни	75

пустыни	
4. Слово по освящении соборного храма в Белоградском Троицком монастыре (1864 г.)	78
5. Слово по освящении храма святителя Николая на хорах Курского Знаменского собора	81
6. Слово по освящении храма святителя Тихона Задонского на хорах Курского Знаменского собора	84
7. Слово по освящении храма в восстановленной Белогорской пустыни	86
8. Слово по освящении храма Преображения Господня, в Борисовской пустыни	89
9. Слово по освящении нижней церкви в Курском женском монастыре (1806 г.)	93
10. Слово по освящении храма в загородном урочище, при надлежащем Белградскому женскому монастырю (в октябре 1866 г.)	95
11. Слово по освящении храма, в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, в Белгороде	98
12. Слово по освящении храма Святой Троицы, в Щигровском соборе	100
13. Слово по освящении придельного Николаевского храма в Щигровском соборе	103
14. Слово по освящении придельного храма в Суджанском соборе	105
15. Слово по освящении храма Вознесения Господня в городе Рыльске (1866 г.)	108
16. Слово по освящении придельного храма, в Старооскольской Благовещенской церкви	111
17. Слово по освящении Успенского храма в слободе Борисовке	113
18. Слово по освящении Троицкого храма в слободе Борисовке	117
19. Слово по освящении храма в слободе Морквиной, Новооскольского уезда	119
20. Слово по освящении храма в селе Колотиловке, Грайворонского уезда	122
21. Слово по освящении верхнего храма в Белоградской Преображенской церкви	125

22. Слово по освящении храма в селе Уланке, Суджанского уезда	129
23. Слово по освящении возобновленного Успенского храма в слободе Михайловке, Новооскольского уезда	132
24. Слово по освящении храма великомученика Димитрия в селе Дорогоще, Грайворонского уезда	134
25. Слово по освящении храма в селе Дяконове, Курского уезда	137
26. Слово по освящении храма в селе Вязовом, Грайворонского уезда	140
27. Слово по освящении храма в селе Журавлевке, Белгородского уезда (1869 г.)	142
28. Слово по обновлении храма, в Курском тюремном замке	145
29. Слово в день освящения храма зачатия святой Анны в Белгородском женском монастыре	148
30. Слово по освящении храма во имя Святителя Николая	150
31. Слово по освящении храма в честь иконы Божией Матери «Неопалимая купина»	153
32. Слово по освящении единоверческой церкви	155
33. Слово по освящении храма великомученицы Екатерины, в женском монастыре	159
34. Слово по оснащении храма Святителя Николая в Кишиневском реальном училище	161
35. Слово по освящении храма в Казанской духовной семинарии	163
Отделение V. Слова на царские дни	165
1. Слово в день восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (1861 г.)	166
2. Слово в понедельник светлой седмицы, и на празднество рождения Его Императорского Величества, Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (1861 года)	169
3. Слово на день рождения Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича, в среду недели жен мироносиц	172
4. Слово в день священного помазания и венчания на царство Благочестивейшего Государя Императора Александра	175

Николаевича (1863 г.)	
5. Слово в день тезоименитства Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича (1801 г.). (Первое)	177
6. Слово в день тезоименитства Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича. (Второе)	179
7. Слово в день священного венчания и помазания на царство Его Императорского Величества Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича и Супруги Его Благочестивейшей Государыни Императрицы Марии Федоровны, 15 мая 1884 года	182
8. Речь на молебствии пред открытием в Одессе памятника Императору Александру II	184
Отделение VI. Слова и речи на разные случаи	186
1. Слово при посещении города Обояни и служении в Смоленской церкви, в субботу Фоминой недели	187
2. Слово при вступлении на Казанскую паству	190
3. Слово, сказанное в Одесском кафедральном соборе, при первом посещении его по вступлении на паству, 5-го июня 1891 года	192
4. Слово пред открытием выборов на должности в дворянском сословии Курской губернии. (Первое)	195
5. Слово пред открытием выборов на должности в дворянском сословии Курской губернии. (Второе)	198
6. Слово пред открытием выборов на должности в дворянском сословии Курской губернии. (Третье)	201
7. Слово, сказанное в Кишиневском кафедральном соборе, 21 апреля 1885 года, по случаю празднования столетия со дня дарования грамоты дворянству	204
8. Слово в день воскресный, и на открытие выборов в должности между Курскими гражданами	206
9. Слово пред избранием лиц в общественные должности из граждан города Курска	208
10. Слово при открытии земских учреждений в Курской губернии, 26-го августа 1865 года	211
11. Речь при открытии Курского окружного суда, 20 ноября 1867 года	214
12. Речь при освящении нового здания Кишиневского окружного суда, 20-го декабря 1887 года	216

Окружного суда, 20-го декабря 1887 года

Отделение дополнительное	174. Слова, подлежащие присоединению к предыдущим отделениям	218
1.	Слово в день Сретения Господня. (Первое)	219
2.	Слово в день Сретения Господня. (Второе)	222
3.	Слово в субботу мясопустную и в день Сретения Господня (1874 года). (Третье)	225
4.	Слово в неделю ваий	228
5.	Слово в великий пяток. (Первое)	230
6.	Слово в великий пяток. (Второе)	234
7.	Слово в великий пяток. (Третье)	236
8.	Слово в великий пяток. (Четвертое)	239
9.	Слово на праздник Вознесения Господня и в день святителя Николая	241
10.	Слово в неделю отцев седьмого Вселенского собора	244
1.	Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы	246
2.	Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы. (Второе)	249
3.	Слово на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, в неделю пятую поста, 1873 года. (Первое)	251
4.	Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы. (Второе)	254
5.	Слово в день Успения Пресвятой Богородицы	257
6.	Слово в 22-й день октября	259
7.	Слово в день знамения Пресвятой Богородицы, 27-го ноября 1873 года	261
1.	Слово в субботу мясопустную и в день трех святителей	264
1.	Слово по освящении храма во имя святой мученицы Надежды в Курском новоучрежденном доме призрения нищих	267
2.	Слово по освящении теплого храма	270
1.	Слово об уходящих из церкви преждевременно	272
2.	Слово пред присягою Курского дворянства для избрания в должности, 17-го января 1875 года	275
	Примечания	278